

32010

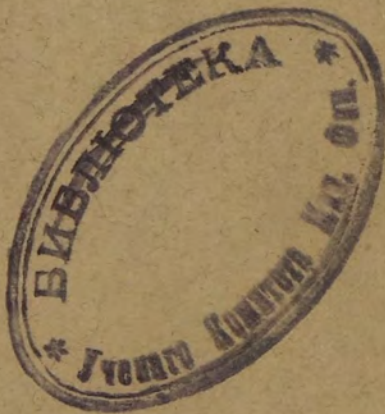
ДИОНЕО.

~~400/0~~

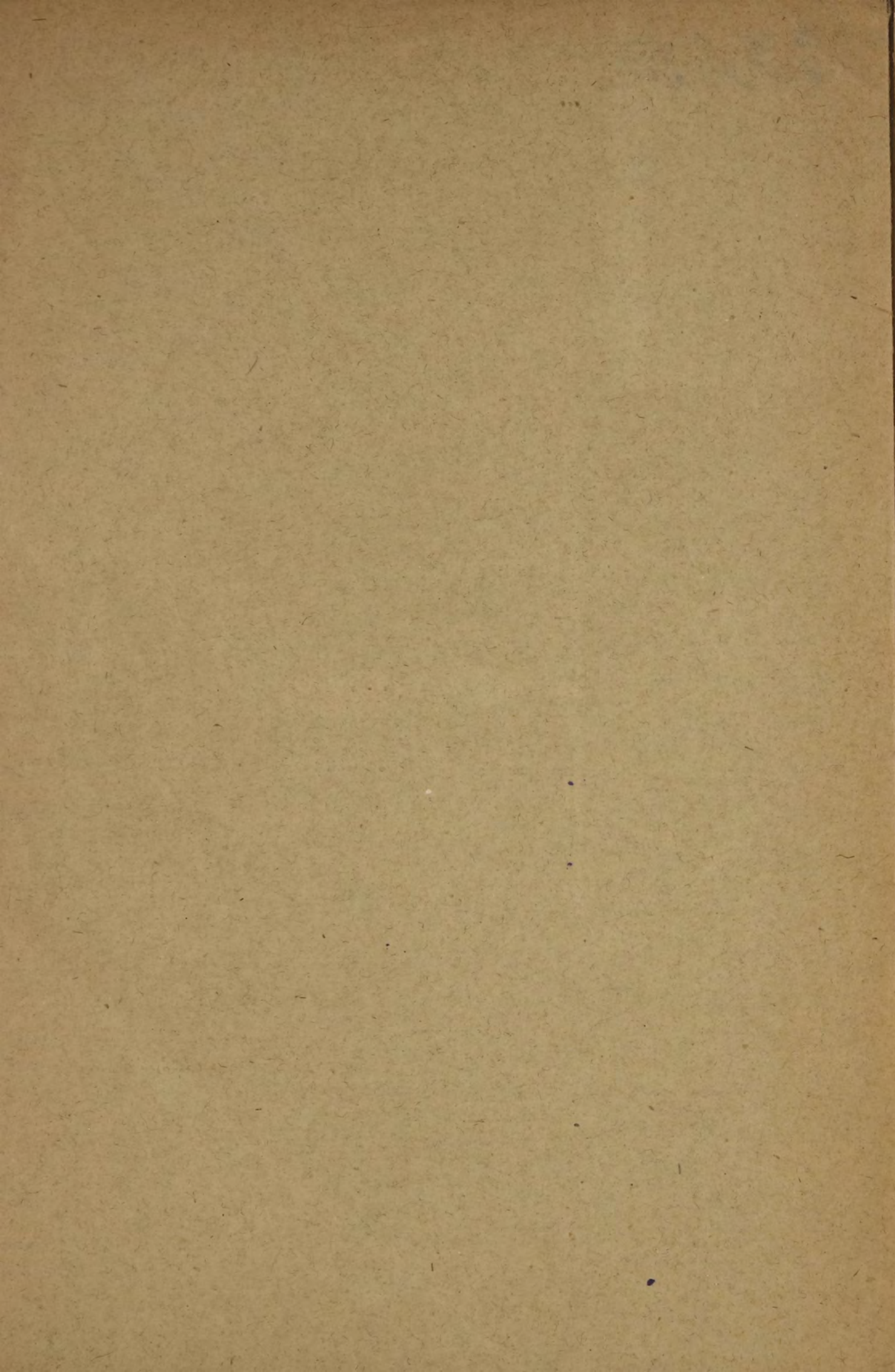
МѢНЯЮЩАЯСЯ АНГЛІЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Изданіе второе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

32010

ДИОНЕО.

~~40170.~~

МѢНЯЮЩАЯСЯ АНГЛІЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Издание второе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

И. К. С.

39

К

87194

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вотъ уже болѣе восемнадцати лѣтъ, какъ я по обязанности наблюдаю англійскую жизнь изо дня въ день и изъ мѣсяца въ мѣсяць. За это время мнѣ пришлось отмѣтить возникновеніе, развитіе и исчезновеніе въ Англій нѣкоторыхъ важныхъ общественно-экономическихъ теченій, какъ, на примѣръ, империализмъ, которому удѣлена моя книга «Очерки современной Англій». Я усиленно старался выяснитъ причины зарожденія этихъ теченій и изобразитъ разныя стадіи ихъ эволюціи. Параллельно съ этимъ, на сколько могъ, я пытался познакомитъ читателей съ характеромъ талантливаго народа.

Авторъ, къ сожалѣнію, не спокойный, сдержанный ученый, а русскій публицистъ, думающій постоянно во время работы о русскихъ читателяхъ и о родной дѣйствительности. Въ силу этого, несмотря на все стремленіе автора, публицистическій элементъ вторгается постоянно въ его работу. Это обстоятельство превращается въ большой недостатокъ, когда приходится говорить о явленіяхъ литературныхъ. Авторъ крайне сожалѣетъ о томъ, что онъ совершенно безсиленъ въ попыткахъ вытравитъ этотъ публицистическій элементъ, когда приходится издавать журнальныя статьи отдѣльными книгами.

Мы, наблюдатели, стоимъ теперь передъ громаднымъ сдвигомъ въ англійской общественной жизни, въ литературѣ, во взглядахъ; передъ гигантскимъ оползнемъ, для котораго есть только одно точное слово—революція. По причинѣ удивительнаго государственнаго механизма Англій и широкой политической свободы этотъ сдвигъ, который на континентѣ сопровождался бы тысячами жертвъ, здѣсь происходитъ сравнительно спокойно. Передъ нами революція «съ открытыми предохранительными клапанами».

Намѣтитъ въ самыхъ общихъ чертахъ этотъ сдвигъ—цѣль книги, составившейся изъ нѣкоторыхъ статей, появившихся раньше въ «Русскомъ Богатствѣ», и въ «Вѣстникѣ Европы». Обзору парламентской жизни Англии за послѣдніе годы и соціального законодательства посвящена мною отдѣльная большая работа, слишкомъ въ 11 печатныхъ листовъ, вошедшая въ изданіе Бр. А. и И. Гранатъ «Исторія нашего времени».

Лондонъ, 15 іюля 1914 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Незамѣтный переворотъ.

I.

Мало легендъ, которыя произвели бы такое глубокое впечатлѣніе на умы читателей, какъ преданіе о семи спящихъ юношахъ, помѣщенное въ сборникѣ *Gesta Romanorum*. Легенда про ефесскихъ юношей, заснувшихъ при императорѣ Деціи въ 249 году и проснувшихся при Θεодосіи младшемъ въ 450 году, до такой степени поразила воображеніе, что она варіировалась потомъ много разъ народами востока и запада. Когда Деціей преслѣдовалъ еще христіанъ,—гласитъ легенда,—семь знатныхъ юношей, родомъ изъ Ефеса, укрылись въ одной изъ пещеръ горы Кореса. Намѣстникъ, прослѣдивъ, куда скрылись бѣглецы, велѣлъ замуровать входъ въ пещеру, чтобы они тамъ погибли голодной смертью. Юноши тотчасъ же погрузились въ глубокій сонъ, продолжавшійся двѣсти лѣтъ. При императорѣ Θεодосіи, нѣкій Афлій, которому гора Кореса перешла по наслѣдству, велѣлъ рабамъ своимъ взять камни, закрывавшіе входъ въ пещеру, чтобы употребить ихъ на постройку. Солнечные лучи, проникшіе въ пещеру, разбудили юношей. Они были въ увѣренности, что проспали нѣсколько часовъ. Мучимые голодомъ, они поручили одному изъ своей среды, Ямбликію, спуститься ночью въ городъ и купить хлѣба. И когда Ямбликій прибылъ въ Ефесъ, то не могъ больше узнать столь ему знакомыхъ улицъ родного города. Удивленіе юноши въ особенности возросло, когда онъ замѣтилъ крестъ, побѣдно водруженный на главныхъ городскихъ воротахъ. Странное платье Ямбликія, его устарѣвшій языкъ и манеры смущали булочника. И когда юноша далъ за покупку

старинную золотую монету времени императора Деція, булочникъ заподозрѣлъ, что неизвѣстный нашелъ кладъ. Ямбликія повели къ суду, гдѣ путемъ допроса каждаго изъ семи юношей въ отдѣльности выяснилось, что они, дѣйствительно, проспали двѣсти лѣтъ. Неизмѣримо больше, чѣмъ жители Ефеса, поражены были юноши великими перемѣнами, происшедшими за двѣсти лѣтъ: западная Римская имперія пала, затопанная варварами, прибывшими съ сѣвера. Величіе ея лежало въ прахѣ. Столица была перенесена изъ Рима въ Константинополь. Преслѣдуемая раньше вѣра стала господствующей. Послѣдніе храмы Діаны и Геркулеса захватывались новымъ культомъ, во имя котораго уже начались преслѣдованія язычниковъ и еретиковъ.

«Мы постепенно превращаемся изъ юношей въ стариковъ,— говоритъ Гиббонъ, комментируя эту легенду въ своей «Исторіи паденія Римской имперіи».—Подвигаясь впередъ въ жизни, мы не замѣчаемъ медленныхъ, но непрерывныхъ перемѣнъ, происходящихъ на нашихъ глазахъ. И даже тогда, когда мы изучаемъ прошлое какой-нибудь страны, цѣлая серія причинъ и слѣдствій, объясняя намъ дальнѣйшія перемѣны, не даетъ возможности нашему воображенію поражаться разницей между былымъ и настоящимъ. Но если бы промежутокъ между двумя замѣчательными историческими моментами могъ быть сразу уничтоженъ; если бы возможно было перенести наблюдателя съ его представленіемъ о настоящемъ на два вѣка впередъ, его удивленіе и его размышленія доставили бы великолѣпный матеріалъ для философскаго романа»¹⁾. Мы знаемъ теперь, что тема, подсказанная знаменитымъ историкомъ, была использована потомъ много разъ.

Надобенъ ли, однако, интервалъ въ два вѣка, чтобы въ странѣ произошли поразительныя перемѣны? На нашихъ глазахъ Англія мѣняетъ совершенно свой характеръ, и, чтобы вполне уразумѣть эту перемѣну, достаточно взять два момента, раздѣленные промежуткомъ не въ 200, а въ 25 лѣтъ. На эту мысль навелъ меня, между прочимъ, только что вышедшій²⁾ первый томъ (всѣхъ частей будетъ четыре) «Life of David Lloyd George» Герберта дю-Парка. Авторъ говоритъ только о перемѣнахъ въ политической жизни Англіи; но послѣ первыхъ же страницъ мнѣ вспомнилась старинная легенда изъ *Gesta Romanorum*.

1) Gibbon, «Decline and Fall of the Roman Empire», Chap. XXXIII.

2) Въ 1913 году.

Будь, вмѣсто семи ефесскихъ юношей, семь англичанъ, напр., священникъ, художникъ, драматургъ, беллетристъ, business-man, являющійся въ жизни представителемъ освященнаго традиціями кодекса морали, рабочій и государственный дѣятель; явись они въ Лондонъ послѣ двадцатипятилѣтняго сна, они на каждомъ шагу наталкивались бы на совершенно непонятное въ области культа, литературы, искусства, морали, отношеній государства къ спору между трудомъ и капиталомъ, политики. «Семь пробудившихся англичанъ» были бы поражены переменами во всемъ, не менѣе чѣмъ семь ефесскихъ юношей. Всюду, во всѣхъ областяхъ, въ Англійи теперь происходитъ движеніе, которому только одно названіе—революція. Носитель новой жизни Діонисъ вторгается всюду въ царство Аполлона, гдѣ все такъ спокойно и уравновѣшено. «Аполлонъ» не сдается безъ боя; всюду кипитъ отчаянная борьба. И только особенностями англійской государственной машины объясняется то, что «вторженіе Діониса» и борьба съ нимъ не сопровождается здѣсь такими страшными сценами, какъ описываетъ Анатоль Франсъ въ своемъ романѣ «Les Dieux ont soif». Въ другихъ странахъ, гдѣ происходилъ переворотъ, далеко не такой радикальный, какой свершается теперь въ Англійи, наблюдатель, къ несчастью, имѣлъ всѣ основанія вспоминать стихи Гете:

«Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier.
Aber Menschenopfer—unerhört».

Покуда еще не существуетъ книги, дающей полную, всеобъемлющую картину «вторженія Діониса» въ «царство Аполлона» въ Англійи. И если она будетъ написана, ею будутъ зачитываться какъ самымъ увлекательнымъ романомъ, даже если литературный талантъ автора будетъ не особенно великъ. Матеріалъ выручитъ все. Борьба идетъ по всей линіи. Гипотетическій англійскій клэрджимэнъ, явившійся послѣ двадцатипятилѣтняго сна, вполне понялъ бы и одобрилъ ту попытку «Аполлона» защищать *всю* линію укрѣпленій, какою является церковный конгрессъ въ Миддлсбро (Middlesbrough). Проснувшійся англичанинъ вполне одобрилъ бы отношеніе къ чудесамъ, принятое на конгрессѣ цѣлымъ рядомъ канониковъ. Священникъ Сэнди, напр., говоря объ историческихъ доказательствахъ въ пользу евангельскихъ чудесъ, указываетъ, что вся библія полна символизма и что этотъ симво-

лическій элементъ какъ разъ самый значительный, важный и характерный. Гипотетическій клэрджимэнъ одобрительно подчеркнул бы въ стенографическомъ отчетѣ то мѣсто, гдѣ каноникъ Сэнди заявляетъ: «Вообще говоря, историческія свидѣтельства въ пользу чудесъ новаго завѣта выдерживаютъ самую строгую критику». Въ особенности это касается до свидѣтельствующихъ св. Павла. «Ихъ можно назвать не только хорошими, но и окончательными». Для гипотетическаго клэрджимэна, какъ и для каноника Сэнди, «виѣ сомнѣнія, что св. Павелъ вполнѣ вѣрилъ, что онъ можетъ творить чудеса, и что онъ творилъ ихъ». Дальше надо сказать, что «всѣ содержащіяся въ евангеліяхъ чудеса подтверждаются многими авторитетами». «Все сказанное относительно св. Павла, относится также и къ Господу нашему Иисусу Христу, который не только жилъ въ сверхъестественной атмосферѣ, но и Самъ былъ творцомъ ея»¹⁾. Гипотетическій клэрджимэнъ дважды подчеркнул бы въ стенографическомъ отчетѣ слѣдующія слова каноника Карнеги, настоятеля церкви св. Филиппа въ Бирмингемѣ: «Не будь я твердо убѣжденъ въ высшемъ чудѣ, о которомъ говоритъ Новый Завѣтъ, я не могъ бы ни пребывать въ христіанской вѣрѣ, ни признавать мораль, проповѣдуемую ею. Христіанство, не признающее чудесъ, быть можетъ, имѣетъ будущее, но оно не имѣетъ прошлаго, на которое могло бы опереться. Такое ученіе не можетъ быть признано дальнѣйшимъ развитіемъ стараго культа». Отрицаніе чудесъ повело бы къ буддизму. Царство небесное было бы замѣнено «нирванной». Съ такимъ же одобреніемъ клэрджимэнъ подчеркнул бы слова каноника Вебъ-Тилле: «Я говорю моимъ прихожанамъ, что единственная истина заключается въ Новомъ Завѣтѣ и что каждое слово тамъ можетъ быть доказано». Кто возстаетъ противъ такого утвержденія?—Матеріалисты. Кто такіе матеріалисты? На это отвѣчаетъ настоятель собора св. Павла, докторъ богословія Инджъ въ «The Present Position of Christianity» (Отчеты «Christian Evidence Society» за май 1912 года). «Это люди, ненавидящіе всякій установленный порядокъ и презирающіе законъ. Они коснѣютъ въ порокахъ, никогда не возвращаютъ взятыхъ книгъ, не отвѣчаютъ на письма, не платятъ долговъ, никогда не исполняютъ

¹⁾ Выдержка изъ стенографическаго отчета: He not only lived in a supernatural atmosphere, but Was Himself the creative centre of that atmosphere».

данныхъ обѣщаній и не въ силахъ понять, что нельзя одновременно съѣдать лепешку и имѣть ее цѣлой». Докторъ Инджъ побиваетъ философское ученіе матеріалистовъ аргументами идеалистовъ. Все это гипотетическій клэрджимэнъ понимаетъ и одобряетъ; но рядомъ онъ наталкивается на совершенно новое и непонятное. Онъ беретъ книгу, написанную однимъ священникомъ англиканской церкви, и узнаетъ изъ нея, что идеалисты плохіе союзники для защиты традицій. Гегель, Шопенгауэръ, Гартманъ, Милль и Тэнъ—великіе идеалисты, но это не друзья, а враги. Они не были даже теистами. Для ортодоксовъ Оксфордскаго университета Гегель долгое время являлся пугаломъ. Противники идеалистовъ не такъ глупы, какъ изображаетъ ихъ докторъ богословія Инджъ, и они могутъ выставить много гораздо болѣе серьезныхъ аргументовъ, чѣмъ тѣ, которые такъ побѣдно разрушаетъ настоятель собора св. Павла.

И это все говоритъ священникъ англиканской церкви! Гипотетическій клэрджимэнъ обращается къ труду, написанному Робертсомъ, тоже священникомъ англиканской церкви. И тутъ изумленію пробудившагося нѣтъ предѣла. Онъ протираетъ себѣ нѣсколько разъ глаза, когда читаетъ, что книги установленнаго культа не могутъ быть признаны историческимъ документомъ, такъ какъ являются только компиляціей ранѣе существовавшихъ легендъ и моральныхъ ученій. Авторъ-священникъ выясняетъ источники притчъ, въ которыя облечено ученіе. Онъ доказываетъ, что весь чудесный элементъ ученія долженъ быть отброшенъ. Иное неприемлемо разумомъ, а другое — совѣстью. Священникъ оставляетъ только моральное ученіе, хотя съ горечью констатируетъ, что именно ему не слѣдуютъ профессиональные истолкователи его. Онъ выбрасываетъ за бортъ такъ много, что гипотетическій клэрджимэнъ съ ужасомъ спрашиваетъ себя: «что же въ такомъ случаѣ остается?» Вопросъ этотъ обусловливается слѣдующими строками въ книгѣ священника Робертса: «Нѣтъ абсолютнаго мѣрила морали. Всѣ этическія утвержденія имѣютъ только относительную цѣнность: они измѣняются только въ зависимости отъ уровня цивилизаціи и отъ укладовъ, существующихъ въ данномъ обществѣ. Принадлежность къ данному обществу или къ данному кругу создаетъ извѣстные взгляды на мораль. Житель Новой Гвиней, напр., согласно взглядамъ своего племени, поступаетъ вполне морально, когда онъ, чтобы отомстить за смерть родо-

веча, убиваетъ совершенно невинныхъ людей, принадлежащихъ къ другому племени. Убійца исполняетъ только свой долгъ. И когда европейцы осуждаютъ такого дикаря за убійство, они вносятъ только свое понятіе о томъ, что такое мораль. Съ точки зрѣнія родовичей, это осужденіе «безнравственно». Авторъ дѣлаетъ то заключеніе, что клэрджимэнь обязанъ, вмѣстѣ съ соціальными реформаторами, содѣйствовать улучшенію окружающихъ условій, такъ какъ только тогда создается высшая мораль. Не менѣ проснувшагося клэрджимэна пораженъ будетъ business-man, т.-е. представитель среднихъ классовъ, строитель того home'a, которымъ такъ гордится Англія. Этого поражаютъ больше всего перемѣны во взглядахъ его подруги. Прежде «home» держался вполнѣ на томъ принципѣ, который изложенъ въ *Пьсьнъ о колоколъ*: мужъ—добытчикъ, жена—нянька и экономка:

«Der Mann muss hinaus
 Ins feindliche Leben,
 Muss wirken und streben
 Und pflanzen und schaffen,
 Erlisten, erraffen,
 Müsß wetten und wagen,
 Das Glück zu erjagen».

(«Мужъ долженъ потомъ въ бой съ жизнью стремиться, творить и трудиться: онъ долженъ искать, хитрить, добывать, держать, состязаться—за счастьемъ гоняться») ¹⁾).

А въ это время жена «съ мудрой заботой, прилежной работой порядокъ ведетъ и множить доходъ». Дѣвушка это—диккенсовскія Агнеса, Руѳъ, Белла («Нашъ общій другъ»). Она знаетъ только одинъ видъ исканія—семейнаго очага, home, мужа. И, когда «home» найденъ, Агнеса совершенно превращается въ кроткое домашнее животное. Ея индивидуальность тонетъ въ индивидуальности добытчика. Своихъ идеаловъ у нея больше нѣтъ:

«Mit dem Gürtel, mit dem Schleier
 Reisst der schöne Wahn entzwei».

«Проснувшійся англичанинъ» привыкъ раньше къ тому, что въ семьѣ долженъ держаться такой же порядокъ, какъ въ

¹⁾ Переводъ Мина.

Индіи: жена обязана смотрѣть на добытчика какъ на высшее существо. Слово добытчика для нея законъ. Въ этомъ отношеніи поразительно характерно все поведеніе Беллы Хармонъ («Нашъ общій другъ»), когда ея мужа обвиняютъ въ убійствѣ. Жена даже не рѣшается сама взвѣсить факты и слѣпо слѣдуетъ за мужемъ. Цѣль жизни для женщины, привыкъ думать гипотетическій англичанинъ, добытчикъ. Союзъ съ нимъ долженъ быть, конечно, скрѣпленъ пасторомъ. Если клэрджимэнъ не далъ своего разрѣшенія на сожителство, то дѣвушкѣ остается скрыть свой позоръ отъ людей или на днѣ рѣки или въ заросляхъ Австраліи (Маленькая Эмилиа въ романѣ «Давидъ Копперфильдъ»). И теиерь еще Диллонъ или Морисъ Барингъ дѣлаютъ строжайшій выговоръ русской интеллигенціи за то, что она снисходительно смотритъ на свободныя сожителства. Г. Диллонъ на чемъ свѣтъ стоитъ «разнесъ» русскихъ женщинъ за то, что ихъ идеаль—Елена («Наканунъ»).

Кодексъ морали, изложенный выше, былъ принятъ всей англійской литературой. Она смѣло подходила къ самымъ серьезнымъ политическимъ и философскимъ вопросамъ, но останавливалась на порогѣ семейнаго очага. Гипотетическій англичанинъ зналъ, конечно, что въ жизни не такъ, какъ въ романѣ, гдѣ авторъ соединяетъ Флори и Арчи и говоритъ: «Они жили потомъ счастливо». Англичанинъ зналъ, напр., что драма только и начинается тамъ, гдѣ авторъ опускаетъ занавѣсъ. Флори измѣняла мужу или, что случалось гораздо чаще, Арчи находилъ свою горничную Мэри Энъ или няньку Рози миловиднѣе жены. Но гипотетическій англичанинъ былъ твердо убѣжденъ, что объ этомъ можно говорить только въ судѣ, во время бракоразводныхъ процессовъ, но не въ романѣ или въ драмѣ. Законъ снисходительно относился къ маленькимъ слабостямъ Арчи. Доказанное прелюбодѣяніе Флори, напр., составляло и составляетъ причину для развода. Но если Арчи грѣшитъ съ горничной Мэри или съ нянькой Рози, это еще не есть поводъ къ разводу. Флори должна доказать не только прелюбодѣяніе мужа, но еще и «cruelty», т.-е. жестокое обращеніе.

И все это гипотетическій англичанинъ считалъ вполне естественнымъ и понятнымъ. Онъ одобрительно кивалъ головою двадцать пять лѣтъ назадъ, когда «чтець короля» не разрѣшалъ ставить Ибсена или Зудермана, или когда привлекали къ суду переводчиковъ Зола и Гюи де-Мопассана. И вотъ пробудившійся

послѣ двадцатипятилѣтняго сна англичанинъ попадаетъ прежде всего въ театръ, гдѣ ставятъ пьесу Бернарда Шоу. Пробудившійся представитель среднихъ классовъ не можетъ прійти въ себя отъ изумленія при видѣ того, какъ дамы въ вечернихъ туалетахъ и мужчины во фракахъ, т.-е. «very respectable people», аплодируютъ автору, разрушающему весь кодексъ морали, чтимый этими людьми. Еще болѣе велико изумленіе гипотетическаго англичанина, когда онъ попадаетъ на представленіе новой «семейной драмы» Джона Голсуорти «The Eldesston», имѣвшей колоссальный успѣхъ. Гипотетическаго англичанина шокируетъ, что на сценѣ говорятъ о такомъ явленіи, какъ связь сына баронета съ горничной Фридой, но еще больше поражаетъ трактованіе явленія. Гипотетическій англичанинъ приходитъ въ ужасъ отъ взгляда публики на внѣбрачное материнство. И на ту же тему написана другая драма «Hindle Wakes», тоже имѣвшая громадный успѣхъ.

Точно такъ, какъ Ямбликій не узнавалъ больше знакомыхъ улицъ родного Ефеса, гипотетическій англичанинъ перестаетъ узнавать типичный «home» среднихъ классовъ. Кроткая овечка Агнеса, смиренница Белла и куколка Дора требуютъ политическихъ правъ и становятся милитантками, когда правительство недостаточно быстро дѣлаетъ уступки. Правда, куколка Дора, вступивъ въ милитантскій *женскій социальный и политическій союзъ*, не научилась еще думать и поступать строго логично, но тѣмъ не менѣе явленіе крайне симптоматично. Защищая пощечины министрамъ, битые стекла и наливаніе чернилъ въ почтовые ящики или бросаніе туда зажженныхъ тряпокъ, Агнеса или куколка Дора смѣшиваютъ разныя понятія, какъ это видно, напр., изъ слѣдующихъ выдержекъ. «Милитантокъ обвиняютъ въ томъ, что онѣ думаютъ будто на законодателей дѣйствуютъ сильнѣе битые стекла и т. д., чѣмъ обыкновенные способы мирной пропаганды. Именно такъ мы и думаемъ... Никакая реформа не можетъ быть добыта въ Англіи иначе, какъ съ помощью насилія или вотумовъ. Гладстонъ сказалъ: «Если бы англичанъ научили всегда ненавидѣть насиліе, то вольности, которыми они пользуются теперь, никогда не были бы достигнуты». Не подлежитъ сомнѣнію, что женщины въ Англіи или въ какой-либо другой странѣ могутъ сдѣлать управленіе безъ ихъ согласія—невозможнымъ. И тѣ суффражистки, которыя отстапаютъ передъ насильственными дѣй-

ствіями, не имѣютъ достаточно воодушевленія. Намъ странно даже, что милитантская тактика отрицается тогда, когда всему свѣту доказана цѣлесообразность ея. Побѣды балканскихъ союзниковъ надъ турками и впечатлѣніе, произведенное этими побѣдами на общественное мнѣніе Европы, являются предметнымъ урокомъ для милитантокъ. Въ высшей степени характерно то, что симпатіи либеральнаго правительства къ туркамъ были убиты милитантскою тактикою балканскихъ государствъ,—утверждаетъ публицистика». Суффражистки не милитантки, по мнѣнію публицистики, начинаютъ теперь, при видѣ болгарскихъ побѣдъ, сомнѣваться въ томъ, правильно ли онѣ поступали, возставая противъ милитантства ¹⁾. «Намъ скажутъ, что нельзя сравнивать либеральный кабинетъ въ Англіи съ турецкимъ правительствомъ. Мы отвѣтимъ, что вся разница лишь въ отѣнкахъ». Идеалы, вдохновляющіе балканскихъ союзниковъ, вдохновляютъ и милитантокъ. Британскій кабинетъ проявляетъ такое же стремленіе властвовать безконтрольно, какъ турки. Члены нынѣшняго кабинета... вполне похожи на тѣхъ людей, которые распинали Христа, послали Жанну д'Аркъ на костеръ и въ Турціи рѣзали мужчинъ и женщинъ». «Агнеса», какъ видите, не научилась еще разсуждать логически и не умѣетъ еще видѣть явленія въ настоящемъ свѣтѣ. Самый радикальный министръ, котораго когда-либо видѣла Англія, т.-е. Ллойдъ-Джорджъ, вождь ирландцевъ Рэдмондъ или рабочей партіи—Рамсей Макдональдъ, конечно, не совсѣмъ похожи на баши-бузуковъ; болгары побѣждали турокъ не тѣмъ, что выбили ихъ стекла; но дѣло не въ томъ. Симптоматично само выступленіе «Агнесы» и «Доры». Застѣнчивая «Белла», вѣрившая еще недавно, что абсолютная покорность—высшая женская добродѣтель, съ гордостью описываетъ въ журналѣ милитантокъ свой поступокъ, который считаетъ революціоннымъ выступленіемъ. Она явилась въ Баттерси на цвѣточную выставку, при открытіи которой говорилъ Джонъ Бернсъ. Цѣлью милитантки было помѣшанъ министру сказать слово. «Пришелъ мой чередъ,—повѣствуетъ милитантка.—Я привязала себя къ стулу и крикнула потомъ:

— Исполняйте вашъ долгъ! Дайте женщинамъ избира-

¹⁾ «War. Why we are militant». («S u f f r a g e t t e», November 15, 1912).

тельные права. Это гораздо важнѣе, чѣмъ цвѣточная выставка! (Очевидно, милитантка думаетъ, что Джонъ Бернсъ, вмѣсто того, чтобы открыть выставку, можетъ сказать, если дать ему предварительно нѣсколько пощечинъ: «даю женщинамъ среднихъ классовъ избирательныя права!»).

— Вышвырните ее!—яростно крикнулъ Бернсъ. «Когда меня вели мимо эстрады, Бернсъ,—продолжаетъ милитантка,—крикнулъ мнѣ: «Вы не демократка! Будь вы ею, вы уважали бы свободу слова!» У дверей я въ послѣдній разъ испустила боевой кличъ: «Votes for woman!» Это восклицаніе привело въ ярость тѣхъ, которые вели меня. Они подняли меня и швырнули черезъ открытую дверь. Я налетѣла на дежурнаго и сшибла его съ ногъ... Меня подняли и велѣли уходить. Такъ какъ я стояла, то три человѣка схватили меня за руки и поволокли изъ коридора. Полъ былъ натертъ, поэтому я не могла упереться, а скользила. Меня дотащили до входа и вытолкали на улицу» ¹⁾. Гипотетическій англичанинъ, явившись въ Лондонъ, узналъ бы, что, кромѣ милитантокъ, которыхъ онъ могъ бы обвинить въ нелогичности, есть много феминистокъ, стоящихъ за конституціонные методы борьбы. И эти суффражистки выставляютъ аргументы, противъ которыхъ у него нѣтъ возраженій. Вотъ, напримѣръ, аргументъ, формулированный въ популярной пѣснѣ суффражистокъ:

«Round there come the tax collector,
Asking us to pay;
But how they mean to spend our money,
None of us can say.
Every man be a voter,
Ne'er a vote have we:
So it's hard we pay the taxes,
Surely you'll agree».

(«Насъ обходить сборщикъ податей и требуетъ уплаты налоговъ. Но никто изъ насъ, женщинъ, не знаетъ, какъ будутъ израсходованы собранныя деньги. Каждый мужчина голосуетъ на выборахъ, но у насъ нѣтъ вотума. Вы согласитесь, конечно, что требованіе налоговъ съ насъ является несправедливостью»)²⁾.

¹⁾ «The Suffragette», November 15, стр. 69.

²⁾ Каждая политическая или религіозная организація въ Англійи самоопредѣляется прежде всего сборникомъ собственныхъ пѣсень или

Гипотетическій англичанинъ попадаетъ на громадный митингъ феминистокъ въ Альбертовой залѣ и видитъ десятки тысячъ нарядныхъ дамъ, требующихъ вотума для себя. Онъ слышитъ, какъ читаютъ телеграмму отъ министра иностранныхъ дѣлъ, привѣтствующаго феминистокъ и желающаго имъ успѣха ¹⁾. Поднимается сынъ покойнаго маркиза Солсбери. И гипотетическій англичанинъ съ удивленіемъ слышитъ, какъ крайній консерваторъ выступаетъ въ защиту политической эмансипаціи женщинъ и разбиваетъ аргументы противниковъ.

— Говорятъ, женщины не должны участвовать въ парламентскихъ выборахъ потому, что палата народныхъ представителей рѣшаетъ, между прочимъ, вопросы о защитѣ страны. Женщины же въ этомъ вопросѣ не могутъ имѣть голоса; такъ какъ не сражаются,—аргументируетъ лордъ Робертъ Сесиль.— Но мужчины не рождаютъ. Вытекаетъ ли отсюда, что они не имѣютъ права участвовать въ обсужденіи вопроса о лучшей системѣ воспитанія?

— Женщинамъ необходимо дать немедленно политическія права еще вотъ почему,—заканчиваетъ благородный лордъ.— Мы живемъ въ эпоху революціи. Въ Англии поколеблены устои церкви, и въ ближайшемъ будущемъ здѣсь предстоитъ отчаянная борьба между защитниками вѣры и атеистами. И въ этой борьбѣ церковь будетъ имѣть англійскую женщину на своей сторонѣ.

И хотя эти слова объясняютъ гипотетическому англичанину, почему такой крайній консерваторъ и горячій защитникъ государственной церкви, какъ лордъ Робертъ Сесиль, стоитъ за дарованіе избирательныхъ правъ женщинамъ изъ среднихъ и выше-среднихъ классовъ,—но новый Ямбликій все-таки придетъ къ заключенію, что за двадцать пять лѣтъ въ Англии произошла революція во взглядахъ.

II.

Третій «пробудившійся»—беллетристъ. Онъ помнилъ романы «викторіевской эпохи», притомъ не первой ея половины,

гимновъ, въ которыхъ изложены взгляды организаціи. Мирныя суффражистки и милитантки тоже имѣютъ свои пѣсенники. Приведенный куплетъ взятъ мною изъ «Woman's Suffrage Songs».

¹⁾ На митингѣ, состоявшемся 9 ноября 1912 года.

когда авторы поднимали политическіе вопросы, а послѣднихъ лѣтъ, когда «Аполлонъ» побѣдилъ по всей линіи, успокоился и полюбилъ поэтому мирные «семейные» романы, заканчивающіеся благополучнымъ бракомъ. Эти романы поставлялись въ изобиліи дамами, литературныя фізіономіи которыхъ были всѣ одинаково сѣры. Великаго романиста Мередита не читали, потому что онъ разрабатывалъ философскіе вопросы. «Мы его не понимаемъ»,—откровенно говорили читатели.—Издатели не принимали отъ авторовъ рукописи, если романъ кончался неблагополучно и пороку не былъ наказанъ ¹⁾. Всякіе «вопросы» изгонялись. Страшно талантливый, умный, ученый и безпринципный Грэнтъ-Алленъ писалъ романы по чужому рецепту, потому что, когда написалъ произведеніе, какое ему нравилось («The Woman who did»), въ печати поднялся шквалъ. (См. Діонео, «Очерки современной Англійи», Грэнтъ-Алленъ). Издатели не соглашались выпускать русскихъ авторовъ, потому что «они слишкомъ мрачны», скандинавскихъ, потому что «они слишкомъ туманны», французскихъ, потому что «они слишкомъ безнравственны». Англійскаго читателя охраняли отъ Ибсена, отъ Ницше, отъ Гюи де-Мопассана, отъ Зола, отъ всѣхъ писателей, стонавшихъ, мучившихся, искавшихъ правду. Больше всего издатели берегли нравственность читателя. И тѣ самые издатели, которые отказывались принимать переводъ «Сафо» Додэ, выпускали въ дешевомъ изданіи комедіи времени реставраціи, т.-е. «откровенныя» произведенія Оутвея, Ковентри, Уичерли и Афры Бенъ.

Пробудившійся романистъ видитъ, что «семейный» романъ отдала горничнымъ. Жизнь выдвинула цѣлый рядъ серьезныхъ и страшныхъ вопросовъ, къ которымъ смѣло подходитъ романистъ. Фильпотъ или Голсуорти не боятся «мрачныхъ» темъ.

¹⁾ Я уже рассказалъ когда-то трагикомедію одного пожилого романиста. Онъ написалъ романъ и принесъ его издателю, который, просмотрѣвъ рукопись, согласился принять ее, если извѣстный владѣлецъ бібліотеки, Мьюди, возьметъ 300 экземпляровъ. Пожилой романистъ идетъ къ Мьюди. Тотъ просматриваетъ рукопись и говоритъ: «Я взялъ бы 300 экземпляровъ для моей бібліотеки; но у васъ въ концѣ злодѣй отдѣливается сравнительно легко. Надо сильнѣе наказать его». И пожилой романистъ беретъ рукопись и черезъ недѣлю приноситъ ее Мьюди съ измѣненнымъ концомъ. Злодѣй понесъ примѣрное наказаніе. Издатель принялъ рукопись, а Мьюди купилъ 300 экземпляровъ. Это—картинка съ натуры. Трагикомедію я слышалъ изъ устъ романиста.

Съ изумленіемъ перелистываетъ пробудившійся беллетристъ такія книги, какъ трудъ Аберкомби о знаменитомъ романистѣ Томасѣ Гарди. Со времени Ричардсона англійскій романистъ всегда думалъ, что первой его задачей—вѣрно изображать жизнь. «Прежде всего—реализмъ». Таковъ былъ тезисъ геніальныхъ писателей, какъ Фильдингъ, и десятистепенныхъ поставщицъ «семейныхъ» романовъ. Бывали исключенія, какъ Мередитъ; но ихъ хотя иногда почитали, никогда не читали. И вотъ Аберкомби доказываетъ, что романистъ долженъ быть прежде всего философомъ. Пробудившійся беллетристъ читаетъ тезисы, которыхъ не привыкъ встрѣчать въ литературѣ, предназначенной для *большой* публики: «Дѣйствительно высокое искусство должно имѣть свою метафизику. Искусство должно явиться отраженіемъ *скрытой* сущности, постигаемой талантомъ беллетриста». И когда пробудившійся беллетристъ убѣждается, что, въ силу народившихся у *средняго* читателя запросовъ,—появились переводы «отверженныхъ» авторовъ; когда онъ убѣждается, что вопросы, поднятые этими авторами, обсуждаются въ прежде столь спокойныхъ drawing-rooms (гостиныхъ),—новый Ямбликій находитъ только одно слово: «революція».

Вмѣстѣ съ беллетристомъ отправился въ Лондонъ и художникъ, проспавшій двадцать пять лѣтъ. Онъ тоже не перестаетъ изумляться. Четверть вѣка назадъ абсолютными законодателями художественныхъ вкусовъ являлись члены «Royal-Academy». Средніе художники поставляли, по выраженію Грэнтъ-Аллена, «чулочный товаръ», т.-е. рисовали семейныя сцены, въ которыхъ на первомъ планѣ сидѣли дѣвочки въ длинныхъ шелковыхъ чулкахъ; художники рисовали спокойные пейзажи или (на любителей) голенькихъ англійскихъ дѣвицъ съ розовымъ, какъ у молодыхъ поросятъ, тѣломъ, которыхъ называли то Психеей, то Истиной въ колодецѣ, то не знаю еще какъ. Самые крупные академики специализировались на передачѣ одного предмета, напр., мрамора (Альма Тадема). Я говорю о художникахъ, господствовавшихъ у *большой* публики. Былъ, конечно, Уистлеръ; но большая публика знала его, главнымъ образомъ, по процессу съ Рескинымъ изъ-за рецензій. Былъ, конечно, Уотсъ, но его глубоко задуманныя картины слишкомъ холодны, чтобы волновать сердца. Россети, Фордъ-Мадоксъ Броунъ и Бернъ Джонесъ тронули только избранные круги

И вот проснувшийся художник убѣждается, что открытая въ Grafton Galleries выставка постъ-импрессионистовъ производитъ неизмѣримо большее впечатлѣніе на среднюю публику, чѣмъ академическая выставка. Съ изумленіемъ читаетъ онъ манифестъ англійскихъ постъ-импрессионистовъ. «Битва выиграна теперь. Теперь всѣ признали уже законность *каждой* формы, въ которой художникъ находилъ надобнымъ проявиться. Наболѣе придирчивые критики поняли, что есть вещи, достойныя выраженія, но которыя раньше не могли быть переданы ни одной изъ формъ, признанныхъ традиціей. Мы теперь ужъ больше не спрашиваемъ: «что изображаетъ эта картина?» Въ-сто этого мы задаемъ вопросъ: «что она насъ заставляетъ чувствовать?» Произведеніе пластическаго искусства должно приближаться больше къ музыкѣ, чѣмъ къ цвѣтной фотографіи». «При выборѣ сюжета художникъ не признаетъ никакихъ другихъ авторитетовъ, кромѣ внутренняго сознанія истины, а при выборѣ формы считается только съ необходимостью выразить истину. Это и есть постъ-импрессионизмъ» ¹⁾ Далѣе авторъ манифеста говоритъ о достоинствахъ постъ-импрессионистской живописи, которыя видитъ въ «упрощеніи» и въ «пластичности рисунка». «То, что мы подразумѣваемъ подъ терминомъ «упрощеніе»,—понятно. Беллетристъ, желающій изобразить лѣсъ, отнюдь не долженъ дать читателямъ подробное описаніе флоры и фауны его. Постъ-импрессионистъ требуетъ для себя тѣхъ же привилегій: тѣ факты, которые каждый можетъ наблюдать самъ или которые заключаются въ любомъ учебникѣ, постъ-импрессионистъ предоставляетъ всецѣло составителямъ рождественскихъ «открытокъ» и діаграммъ. Художникъ упрощаетъ, опускаетъ детали; другими словами, онъ концентрируется на чемъ-то болѣе важномъ: на смыслѣ формы» (On the significance of form). «Посѣтитель выставки постъ-импрессионистовъ убѣдится, что ихъ картины представляютъ собою не красивую мебель, изящную бездѣлушку или милый сувениръ, а пламенную попытку выразить глубокія эмоціи». «Всѣ эти картины являются проявленіемъ революціи, провозглашающей искусство религіей и запрещающей унижать его до предмета торговли».

Двадцать пять лѣтъ назадъ по заламъ Графтоновской галереи перекатывался бы несмолкаемый хохотъ. Нѣкоторыя

¹⁾ Clive Bell, «Second Post-Impressionist Exhibition». Стр. 21.

картины дѣйствительно написаны или сознательными мистификаторами, или людьми, быть можетъ, чувствующими нѣчто важное и глубокое, но которые совершенно не въ силахъ передать этого. Часть такихъ картинъ, поэтому, приводитъ на память разбитаго параличемъ Латкина въ рассказѣ Тургенева «Часы». Когда больной хотѣлъ сказать: «дайте мнѣ хлѣба», у него выходило: «Чу-чу-чу. Ножницы мнѣ». Иногда впечатлѣніе сложнѣе. Кому приходилось ѣхать ночью на лошадахъ проселочной дорогой, тотъ знаетъ, какъ каждый звукъ вызываетъ изъ тайниковъ памяти забытыя картины. Колесо скрипнуло о камень, и рѣжущій звукъ ж-ж-ж вызываетъ картину дѣтства. Ярко свѣтитъ солнце. На дворѣ все заснуло. Только жужжить точильный камень и визжать натачиваемыя старья, развихлившіяся ножницы. Но если я напишу на бумагѣ только «ж-ж-ж-ж», то отъ этого читатель не получитъ представленія лѣтняго полдня, заснуваемаго двора и мальчика, внимательно слѣдящаго за тѣмъ, какъ старій случайно забредшій точильщикъ, съ круглыми стальными очками на красномъ носу, править почернѣвшія ножницы съ обломаннымъ концомъ. Картина будетъ только у *меня* въ сознаніи, но не у читателя. Такимъ изображеніемъ звука «ж-ж-ж-ж» являются нѣкоторыя картины постъ-импрессионистовъ. Такова, напр., картина, изображающая рядъ волнистыхъ линій. Въ каталогѣ значитъ, что это «Буффало Билль», послѣдній американецъ изъ романовъ Майнъ-Рида, объѣзжавшій лѣтъ пятнадцать назадъ Западную Европу съ трупой послѣднихъ сіуксовъ и команчей. Быть можетъ, рядъ волнистыхъ линій вызываетъ въ *представленіи художника* картину, въ которой «Буффало Билль» занимаетъ главное мѣсто, но для зрителя это «ключъ отъ брошенной въ море шкатулки». Гипотетическій художникъ видитъ, какъ публика, вмѣсто того, чтобы хохотать, какъ двадцать пять лѣтъ назадъ, внимательно всматривается въ картину, стараясь понять мысль художника. А это иногда, дѣйствительно, трудно. Вотъ, напр., картина съ надписью «Голова человѣка», вся состоящая изъ какого-то лабиринта геометрическихъ фигуръ. Ясно различить можно только одну пуговицу и загадочныя буквы «Gg» и «Ku». Рядомъ виситъ ребусъ, названный почему-то портретомъ Кубелика. Различить можно только геометрическія линіи, да ясныя надписи поперекъ полотна: «Моцартъ», «Кубеликъ». Дальше картина Пикассо со страннымъ названіемъ

«Кубъ прессованнаго бульона». На полотнѣ изображена коробка съ надписью «Кубъ». Повидимому, слова «Ку», «Кубеликъ», «Кубъ», которыя можно разобрать на трехъ упомянутыхъ картинахъ, вызываютъ *въ умъ художника* опредѣленное представленіе, но для зрителей это—іероглифъ. Еще болѣе загадочной, если только возможно, является картина съ французскимъ названіемъ «Женщина съ банкой горчицы» («Femme au pot de moutarde»). Голова у женщины прозрачна, и сквозь нее видна банка горчицы. Все это нарисовано такъ, какъ-будто художникъ работалъ подъ вліяніемъ гашиша.

И гипотетическій художникъ видитъ, что публика, несмотря на эти картины, умѣетъ понять декоративныя картины Матиса съ ихъ красивыми ритмическими линіями. Ямбликій-художникъ вполне понимает и одобряетъ, когда читаетъ въ послѣдней книжкѣ солиднаго, умнаго «по старинному» «Blackwood's Magazine» статью объ «Анархистахъ въ искусствѣ»: «Аполлонъ» опоясалъ свои чресла и защищаетъ старыя позиціи, занятыя художниками «викторіевской эпохи». «Постъ-импрессионисты представляютъ собою только анархистовъ въ искусствѣ», — говоритъ «Аполлонъ». — Живопись—искусство изобразительное. Таковымъ его считали всюду въ мірѣ. Таковымъ его въ глубинѣ души считаютъ и постъ-импрессионисты, какъ доказываетъ ихъ нелѣпая погоня за извѣстностью путемъ изображенія жилетныхъ пуговицъ и непонятныхъ надписей. Постъ-импрессионисты недостаточно сильны, чтобы сбросить съ себя цѣпи традиціи, и крѣпко держатся за старую манеру изображать портреты. Художники называютъ свои іероглифы «Головой женщины» и не знаю какъ еще, добиваясь такимъ образомъ допущенія въ салонъ рядомъ съ художниками, убѣжденными, что живопись—изобразительное искусство. Но постъ-импрессионисты хотятъ убѣдить насъ, что весь видимый міръ долженъ находиться въ опалѣ у новаго художника. Великіе художники, какъ Веласкесъ и другіе, умѣли изображать видимый міръ и «унижались» до завлеченія зрителей путемъ сочетанія формы и идеи.

«Постъ-импрессионисты парятъ неизмѣрно выше,—иронизируетъ «Blackwood's Magazine»,—и «презираютъ» унижительныя попытки Веласкеса. Новые художники ничего не хотятъ изобразить. Они постигли великую истину, что въ наше время круглая бездарность можетъ имѣть колоссальный

успѣхъ. По мнѣнію постъ-импрессионистовъ, подчиняться законамъ грамматики—грѣхъ. Они не могутъ ни превзойти, ни сравняться съ тѣми художниками, которые были до нихъ и такъ изучили красоту линій и красокъ. Поэтому постъ-импрессионистамъ ничего не остается, кромѣ анархіи. По ихъ мнѣнію, легко и выгодно дѣлать то, чего никто другой раньше не дѣлалъ. Передъ нами группа интернаціональных шарлатановъ, громко и безстыдно заявляющихъ, что до нихъ—искусства не было вовсе. По ихъ мнѣнію, единственная опасность, угрожающая міру, заключается въ томъ, что нельзя запретить старымъ художникамъ, чтобы они рисовали. Черезъ два года анархисты въ искусствѣ придумаютъ какую-нибудь новую штуку, и тогда въ глазахъ художниковъ Матиссъ и Пикассо явятся *vieux jeu*.

Художникъ викторіевской эпохи, явившійся въ Лондонъ послѣ двадцатипятилѣтняго сна, долженъ написать: «совершенно вѣрно» на поляхъ статьи въ «Blackwood's Magazine». И велико изумленіе этого художника, когда онъ въ Times'ѣ находитъ *передовую* статью по поводу выставки картинъ художника Максуэля Армфильда, усвоившаго китайскую манеру письма. Передовая статья называется «Революція въ современномъ искусствѣ» и очень интересна для того изданія, въ которомъ появилась. «Сто лѣтъ назадъ,—говоритъ Times,—при появленіи картинъ Максуэля Армфильда сказали бы, что художникъ желаетъ быть варваромъ. За послѣдніе годы въ искусствѣ произошелъ переворотъ. Къ худу ли или къ добру, покуда сказать еще нельзя». Ученый авторъ передовой статьи, помѣщенной въ лучшей и наиболѣе типичной газетѣ «Аполлона», набрасываетъ дальше исторію искусства за послѣднія сто лѣтъ. Въ XVIII вѣкѣ было только одно искусство, признаваемое цивилизованнымъ: искусство Возрожденія, унаслѣдованное отъ грековъ и римлянъ. Признавалось, что только оно заслуживаетъ вниманіе Европы. Всѣ остальные формы искусства признавались варварскими, заслуживающими интересъ только какъ курьезъ. И къ этому варварскому искусству причислено было все то, что произвела Европа въ промежутокъ времени отъ паденія древняго міра до Возрожденія. Превосходство цивилизованнаго искусства надъ варварскимъ никѣмъ не оспаривалось. Оно было очевидно для всѣхъ, какъ очевидно было для грека время Перикла, что все въ Аѣнахъ лучше, чѣмъ у варваровъ. Принималось, какъ аксіома, что цивилизованное

87194

искусство—разумно и красиво, а варварское—безмысленно и уродливо. Первая брешь въ этой теоріи была пробита тогда, когда слово «готическій» перестало звучать какъ упрекъ, а вторая тогда, когда художники узнали про напряженность религіознаго чувства въ картинахъ предшественниковъ Рафаэля. Въ обоихъ случаяхъ не произошло перемѣны въ эстетическихъ принципахъ. Люди только открыли глаза и поняли красоту болѣе ранняго искусства. Но какъ только глаза раскрылись, началась перемѣна въ художественныхъ понятіяхъ, которая стремительно нарастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ.

Теперь искусство эпохи Возрожденія всецѣло потеряло свое первенствующее вліяніе. И вотъ теперь вполне проявляются въ живописи результаты этой революціи, немало смущая большую публику. Любовь къ классической архитектурѣ и классической живописи была глубоко вкоренена. Но еще глубже въ сознаніи большой публики укоренилось, что греки и итальянцы эпохи Возрожденія *навсегда* установили принципы изображенія. Большая публика глубоко вѣрила, что греческая скульптура и итальянская живопись эпохи Возрожденія потому совершенны, что наиболѣе вѣрно передаютъ то, что стремились изобразить. Этотъ взглядъ подвергся нѣкоторому измѣненію, когда картины Фра Анджелико стали предпочитаться за большую искренность полотнамъ Гвидо Рени. Но художественные критики, оцѣнивая сильное религіозное чувство Фра Анджелико, отмѣчали также несовершенство его техники. Впослѣдствіи они сдѣлали шагъ впередъ. Критики выяснили, что несовершенства техники обуславливаются именно тѣмъ, что религіозный пылъ выраженъ такъ сильно. Потомъ былъ сдѣланъ еще шагъ: критики заинтересовались Джованни Чимабуе ¹⁾ не потому, что видѣли въ немъ первыя слабыя проявленія натурализма, а потому, что онъ выразился въ своемъ искусствѣ такъ же полно, какъ любой художникъ эпохи Возрожденія. Съ такой оцѣнкой критики подошли къ византійскимъ мозаикамъ, а потомъ къ ранней буддійской живописи Китая и Японіи. И какъ только понятъ былъ языкъ Чимабуе, исчезла разница между европейской и азіатской живописью. Основы той и другой—одинаковы. Не имѣетъ значенія то, что одна

¹⁾ Флорентинскій художникъ второй половины XIII вѣка, учитель Джотто (Giotto).

живопись трактуетъ христіанскія темы, а другая буддистскія. Религіозныя эмоціи въ европейской и азіатской живописяхъ однѣ и тѣ же. Одинаковы также средства выраженія этихъ эмоцій. Впослѣдствіи, когда художники и критики открыли, по личному опыту, что живопись въ состояніи при помощи этихъ средствъ передать наиболѣе мимолетныя религіозныя эмоціи, они заключили, что нѣтъ прирожденнаго этимъ средствамъ несовершенства. Точно такъ, какъ поэзія неизмѣримо болѣе совершенно передаетъ настроеніе, чѣмъ самыя детальныя прозаическія описанія, новая живопись достигаетъ того же результата лучше, чѣмъ детальное искусство эпохи Возрожденія.

Ученый критикъ *Times*'а не оправдываетъ этимъ всѣхъ опытовъ, продѣланныхъ новой живописью, а объясняетъ только *причину* появленія ихъ. Не надо думать, что даже самыя странныя опыты продѣланы только изъ одного желанія мистифицировать публику,—убѣждаетъ критикъ. Мы всюду въ Европѣ наблюдаемъ признаки, доказывающіе, что великое художественное движеніе, начавшееся въ эпоху Возрожденія и давшее такіе великолѣпные плоды, приходитъ къ концу, какъ истощилось оно совершенно въ Италіи еще въ XVII вѣкѣ. Къ добру ли или къ худу, но во взглядахъ европейцевъ произошла перемѣна. Несмотря на свой триумфъ въ области механики,—европеецъ не увѣренъ болѣе въ своемъ моральномъ, эстетическомъ и интеллектуальномъ совершенствѣ въ сравненіи съ другими народами. Подобно Риму во время наивысшаго великолѣпія, Европа слышитъ шопотъ, доносящійся съ востока и говорящій намъ, что мы—дѣти, забавляющіяся вульгарными и глупыми игрушками. И, слыша это, мы спрашиваемъ себя: «Не пора ли, научившись, какъ дѣлать разныя вещи, приступить къ изученію того, какъ жить?» И наши художники приходятъ къ заключенію, что долгое время они только изучали технику изготовленія разныхъ вещей. Теперь художники не интересуются больше точнымъ воспроизведеніемъ окружающихъ предметовъ, а проявляютъ любопытство новаго рода.

Они пытаются открыть, не можетъ ли чувство выразиться въ живописи такъ же непосредственно, какъ въ поэзіи или въ музыкѣ. До сихъ поръ въ искусствѣ душа художника была такъ занята заботой о передачѣ, что забыли даже спросить себя: имѣетъ ли она что-нибудь выразить. И точно такъ, какъ дѣловой чело-вѣкъ внезапно проникается желаніемъ упростить жизнь, чтобы

получить бѣольшую свободу и душевный покой,—художникъ можетъ проникнуться желаніемъ упростить искусство, чтобы наконецъ имѣть возможность выразить черезъ посредство его что-нибудь. Въ обоихъ случаяхъ упрощеніе обусловливается не лѣнью, но стремленіемъ освободить умъ. И это стремленіе, которое постоянно было присуще востоку, передается періодически западу, производя тамъ великія перемѣны и обновленія жизни. Вполнѣ возможно,—думаетъ Times,—что одинъ изъ такихъ періодовъ начался теперь. Революція въ искусствѣ является первымъ предвѣстникомъ перемѣнъ, захватывающихъ болѣе широкія области. Новое искусство не есть только прихоть парижскихъ художниковъ. Искусство больно теперь какою-то таинственною *болъзнью безпокойства*. И «капризъ» художниковъ является только симптомомъ безпокойства.

И, читая все это, проснувшійся художникъ, привыкшій къ тому, что старые эстетическіе каноны незыблемы, какъ старый культъ, не знаетъ что и думать.

О перемѣнахъ, которыя «пробудившійся» драматургъ найдетъ въ области англійскаго театра, я пишу ниже.

III.

Безгранично будетъ также изумленіе проснушагося рабочаго. Двадцать пять лѣтъ назадъ подавляющее большинство англійскихъ рабочихъ совершенно чуждалось политики и было твердо убѣждено, что добьется «всего», т.-е. лучшей заработной платы и болѣе короткаго рабочаго дня, путемъ соглашенія съ хозяевами или стачекъ. Рисуя положеніе рабочаго класса въ Англии, агитаторы тогда болъшею частью ограничивались общими мѣстами. Часто приводилась, напримѣръ, баллада неизвѣстнаго автора XIV вѣка, изображавшая горестное положеніе англійскихъ крестьянъ до возстанія Уота Кровельщика и Джэка Мельника.

«Я отвѣрнулся отъ господъ и пошелъ дальше,
Твердя про себя: «Лживыя, безсовѣстныя твари!»
И, когда я брелъ дорогой, плача отъ горя,
То увидалъ бѣдняка, согнушагося надъ плугомъ.
Казакинъ пахаря былъ изъ тряпки, что зовется посконью

Волосы падали прядями изъ-подъ дыряваго шлыка;
 Изъ заплатанныхъ, покрытыхъ грязью башмаковъ
 Выглядывали большіе пальцы.
 Штаны, доходившіе лишь до колѣнъ,
 Открывали голыя икры, облѣпленныя грязью.
 Были на немъ рукавицы изъ тряпокъ.
 Изъ нихъ тоже торчали всѣ пальцы.
 Четыре слабыхъ вола волокли плугъ,
 И были они такъ тощи, что хотъ ребра считай.
 Рядомъ, съ длиннымъ бодиломъ въ рукахъ, брела жена пахаря,
 Выше колѣнъ подоткнувъ посконную юбку.
 Женщина завернулась отъ холода въ цыновку,
 Была она босая, и слѣдъ отмѣчался кровью.
 У межи лежалъ младенецъ, завернутый въ тряпки,
 А рядомъ съ нимъ ребенокъ—погодокъ.
 Пахарь и баба тянули пѣсню, что жалко было слушать.
 То былъ не то стонъ, не то плачь» ¹⁾.

И, приведя эти стихи, ораторы прибавляли тогда, что за 500 лѣтъ положеніе массъ въ Англіи не измѣнилось. Это, конечно, было не совсѣмъ такъ, но если бы гипотетическому рабочему предложили тогда сформулировать, что сдѣлали консерваторы и либералы для трудящагося населенія, живущаго заработной платой,—онъ привелъ бы мѣсто изъ старой брошюры, написанной почти четверть вѣка назадъ. «Консервативная партія откровенно защищаетъ интересы только привилегированныхъ классовъ и монополій. Она была у власти послѣднія шесть лѣтъ и за это время отмѣнила народныя права въ Ирландіи и въ Англіи пыталась сдѣлать то же самое. Каждый разъ, когда интересы помѣщиковъ подвергались опасности, консерваторы вооруженной силой покушались на свободу слова. Доказательствомъ является разгонъ митинговъ на Трафальгарской площади и въ Митчельстонѣ. Во время многочисленныхъ споровъ между трудомъ и капиталомъ консервативное правительство вмѣшивалось только для того, чтобы поддержать штрейкбрехеровъ противъ тредъ-юніонистовъ. Хотя уголовные законы вообще по-такаютъ богатымъ, но судъ, когда у власти были консерваторы, въ особенности тяготѣлъ къ нимъ. Такимъ образомъ, были

¹⁾ Неизвѣстный авторъ подражалъ, вѣроятно, знаменитому народному поэту XIV в. Вильяму Лэнгленду, автору поэмы «Vision of Piers Plowman».

введены суровые законы объ охраненіи дичи въ заповѣдныхъ паркахъ; безукоризненныхъ по поведенію рабочихъ вождей, по обвиненію въ устрашеніи, отправляли въ тюрьму. Въ Лондонѣ полиція арестовала нѣсколькихъ рабочихъ только за рѣчи. И когда арестованные преданы были суду и оправданы присяжными, несмотря на все усилія со стороны полиціи опозорить подсудимыхъ, правительство не извинилось и не сдѣлало никакой попытки загладить свою вину. Судъ отправлялъ въ каторжныя работы бѣдняковъ за ничтожное воровство и проявлялъ необыкновенную снисходительность и мягкость къ богатымъ преступникамъ, обвиненнымъ въ грабежѣ и въ непреднамеренномъ убійствѣ. Если консервативное правительство поднимало земельный вопросъ, то только для того, чтобы укрѣпить права монополистовъ и чтобы создать много мелкихъ лэндлордовъ. Консерваторы не расширили избирательныхъ правъ населенія и не измѣнили тѣхъ пунктовъ о регистраціи, въ силу которыхъ третья часть всехъ рабочихъ не могла использовать правъ, предоставленныхъ закономъ 1884 года. Законъ о мѣстномъ самоуправленіи составленъ такъ, что сельско-хозяйственные рабочіе не могутъ имѣть дѣйствительнаго контроля надъ графскимъ совѣтомъ... Консервативное правительство поддерживало семигодичный парламентъ, все привилегіи государственной церкви и Верхней палаты. Правительство возставало противъ жалованья коммонерамъ, что отнимало у бѣдныхъ возможность попасть въ парламентъ».

Въ такой же почти степени велики были жалобы рабочихъ противъ либераловъ.

«Во многихъ случаяхъ либералы обнаружили, что въ глубинѣ души они въ такой же степени враждебно относятся къ рабочимъ классамъ, какъ и ихъ оппоненты. Либералы употребили все усилія, чтобы заглушить требованія англійскихъ массъ рѣчами о бѣдственномъ положеніи Ирландіи. Неискренность либераловъ въ данномъ случаѣ обнаруживается слѣдующимъ. Когда консервативное правительство примѣнило въ 1887 году митчельстонскую ¹⁾ тактику на Трафаль-

¹⁾ Въ сентябрѣ 1887 года полиція, разгоняя буйный митингъ націоналистовъ (т.-е. гомрулеровъ) въ Митчельстонѣ, въ Ирландіи, стрѣляла въ толпу, при чемъ убила одного и ранила нѣсколькихъ человекъ.

гарской площади, либеральная партія фактически оставила лондонскихъ рабочихъ на произволъ судьбы. Гладстонъ восхвалялъ тогда «превосходную полицію». Въ труппахъ англійскихъ городовъ рабочіе живутъ въ такихъ же мурьяхъ и такъ же изгоняются на улицу за неплатежъ ренты, какъ въ Ирландіи; но вожди либеральной партіи не обращаютъ никакого вниманія на положеніе массъ и обличаютъ чрезмѣрные домогательства лорда Кланрикорда у своихъ фермеровъ въ Ирландіи, хотя сторонники либераловъ дѣлаютъ то же самое въ Англии. Когда либералы вынуждены были въ 1887 г. внести въ свою избирательную программу нѣкоторые пункты, важные для массъ, то рѣшительно отказались прибавить параграфъ о жалованьи для членовъ парламента. Подъ давленіемъ радикаловъ либералы признали, наконецъ, въ принципѣ эту реформу. Въ городахъ, подъ видомъ реформы (Lease holds Enfranchisement Bille), либералы, въ сущности, сократили избирательныя права лицъ, снимающихъ отдѣльныя комнаты. Такимъ образомъ увеличилось вліяніе во время выборовъ лэндлордовъ». (Выдержки эти сдѣланы изъ стараго памфлета, вышедшаго въ концѣ восьмидесятихъ годовъ). Въ своемъ «манифестѣ къ избирателямъ» фабіанцы намѣчали въ 1892 году такую программу: «Жалованье коммюнерамъ, что откроетъ доступъ въ парламента и, такимъ образомъ, поведетъ къ дѣйствительному контролю населенія надъ нимъ; болѣе короткій срокъ парламентскихъ полномочій; перебаллотировки; обложеніе незаработаннаго приращенія» ¹⁾).

И гипотетическій рабочій, знавшій хорошо положеніе дѣлъ 25 лѣтъ назадъ, не переставалъ бы поражаться. Въ парламента онъ увидалъ бы большую, сплоченную и вліятельную рабочую партію, находящуюся въ коалиціи съ министерской

Тщательное разслѣдованіе обнаружило, что жандармерія стрѣляла безъ надобности, не получивъ на то полномочій. Присяжные у коронера рѣшили, что въ данномъ случаѣ полицейскимъ инспекторомъ и тремя жандармами совершено убійство. Но, вопреки англійскому обычаю, рѣшеніе присяжныхъ у коронера не повлекло къ привлеченію къ суду жандармовъ. Въ силу этого у націоналистовъ стало политическимъ лозунгомъ: «Помни про Митчельстонъ!» Этимъ восклицаніемъ націоналисты хотѣли сказать, что отъ англійскаго правительства нечего ждать правосудія (см. R. Barry O'Brien, «The Life of Charles S. Parnell», vol. II, стр. 193).

¹⁾ «The Fabian Election Manifest», 1892, стр. 4.

партіей. Рядъ реформъ, которыя четверть вѣка назадъ казались почти утопіей, осуществился. Таковы законы о государственной пенсіи для престарѣлыхъ, о страхованіи на случай болѣзни и безработицы, объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ. Гипотетическій рабочій узналъ бы, что незаработанное приращеніе уже обложено; что министръ финансовъ, выработавшій революціонный бюджетъ 1909 года, подготавливаетъ теперь грандіозную земельную реформу; что цѣлый рядъ законовъ о жилищахъ для массъ далъ возможность многимъ рабочимъ селиться въ удобныхъ коттеджахъ; что мурьи большихъ городовъ снесены въ силу тѣхъ же законовъ. Установленіе законодательнымъ путемъ наименьшаго предѣла заработной платы казалось четверть вѣка назадъ утопіей. Послѣ большой угольной стачки, «утопія» эта принята парламентомъ въ принципѣ. Законъ, принятый въ августѣ 1910 года (точнѣе, новелла къ «Trade Boards Act of 1909»), установилъ minimum заработной платы въ тѣхъ отдѣлахъ промышленности, гдѣ существуетъ «система выжиманія пота» изъ рабочихъ. Въ августѣ и ноябрѣ 1911, да въ мартѣ 1912 г. прибавлены были новыя новеллы, расширяющія дѣйствіе закона, который касался раньше только рабочихъ, изготовляющихъ кустарнымъ образомъ цѣпи. Результатомъ всего этого было то, что терминъ «minimum заработной платы», которымъ недавно еще пугали, какъ призракомъ, вызваннымъ на свѣтъ революціей, теперь пересталъ смущать коммонеровъ. Двадцать пять лѣтъ назадъ либералы и консерваторы знали по названію другое «революціонное пугало»—референдумъ. Теперь эта мѣра выставляется консерваторами, а радикалы возстаютъ противъ нея.

Коммонеры получаютъ 400 ф. ст. въ годъ; выборы происходятъ каждыя пять лѣтъ; привилегіи Верхней палаты значительно сокращены. Въ настоящій моментъ парламентъ разсматриваетъ законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. И гипотетическій рабочій съ изумленіемъ узнаетъ, что идетъ рѣчь о распространеніи этого закона на женщинъ. Четверть вѣка назадъ средніе классы встрѣтили бы проектъ каждой реформы, ставшей теперь закономъ, воплемъ: «Революція!»

Гипотетическаго рабочаго поразитъ новое отношеніе среднихъ классовъ къ трудящимся массамъ, намѣтившееся съ тѣхъ поръ, какъ послѣднія стали *политической* силой. Онъ беретъ

напр., любопытный отчетъ объ анкетѣ, устроенной Daily Mail по вопросу, чего хотятъ рабочіе. Рабочій нисколько не удивленъ, когда находитъ тамъ такое заявленіе представителя среднихъ классовъ: «То, что броженіе среди рабочихъ обусловливается только завистью, а не дѣйствительными страданіями, подтверждается очень многими данными. Недовольство массъ создано искусственно, преднамѣренно, какъ изготавляетъ столъ или стулъ. Сперва недовольство создавалось молодыми джентльменами изъ фабианскаго общества, отличающимися высокими, гладкими лбами, туманнымъ взоромъ и слабыми подбородками. Эти юные джентльмены были вскормлены не жизнью, а книгами, и имѣли въ жилахъ не кровь, а типографскую краску. И эти теоретики возвѣстили рабочимъ, что именно они, «трудящіеся», создаютъ всѣ цѣнности. И рабочіе, страдающіе не отъ излишества знанія, а отъ скудости его, повѣрили проповѣдникамъ. Затѣмъ явились социалисты болѣе рѣшительнаго характера. Въ каждомъ англійскомъ городѣ они стали проповѣдывать евангеліе конфискаціи. Всюду они основали воскресныя школы, чтобы вливать въ умы дѣтей ненависть къ высшимъ классамъ. Такимъ образомъ, создано искусственнымъ путемъ недовольство, для котораго, въ сущности, нѣтъ основанія. Несмотря на это, агитація дала ядовитые плоды. И для дополненія бѣды два члена кабинета, т.-е. Ллойдъ-Джорджъ и Черчилль, стали объѣзжать Англію, обличая всюду владѣльцевъ собственности, какъ злѣйшихъ враговъ рода человѣческаго». Говорятъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—что рабочій доведенъ теперь до отчаянія. «Какъ это могло случиться? Онъ получилъ все, о чемъ только просилъ: дѣти рабочаго обучаются бесплатно въ школахъ, а самъ онъ въ старости получаетъ государственную пенсію. Трэдъ-юніониста поставили даже выше закона, чтобы онъ могъ болѣе наступить на шею вольному рабочему. Капиталы, накопленные трэдъ-юніонистами, неприкосновенны. Правительство предоставило трэдъ-юніонисту право свободнаго пикетированія («сниманія»), нарушающее свободу остальныхъ рабочихъ. Отчего же ему приходится въ отчаяніе? Вотъ уже сколько лѣтъ, какъ трэдъ-юніонисту кадятъ, будто онъ идолъ. Его не наказываютъ, даже если онъ совершаетъ преступленіе». «Къ несчастью, дѣйствительно, не всѣ рождаются съ одинаковыми способностями. Къ сожалѣнію, на свѣтъ появляются люди, лишеныя талантовъ. И они

должны довольствоваться почетной ролью рабочих»¹⁾. Гипотетического рабочего эти строки не изумили. Его поражает, когда онъ находитъ въ той же книгѣ статьи, въ которыхъ авторы-консерваторы изображаютъ положеніе рабочихъ, какъ это дѣлали раньше только революціонеры. Крайній консерваторъ лордъ Хью Сесиль находитъ недовольство англійскихъ рабочихъ вполне понятнымъ и законнымъ. За послѣднія двадцать пять лѣтъ знаніе распространилось среди трудящихся массъ. Развитой рабочей не можетъ и не долженъ довольствоваться такою же обстановкою, какъ совершенно неграмотный, темный человекъ. «Неграмотному,—говоритъ лордъ Хью Сесиль,—для полного довольства надобны только пища, платье, жилище и топящійся каминъ. Развитому рабочему требуется какой-нибудь интересъ въ жизни и извѣстная доля развлеченій. Вотъ почему обстановка и жизненный уровень, которыми удовлетворялись массы, когда были темны, становятся недостаточными при развитіи знанія. Заработная плата, которою довольствуются темныя массы, перестаетъ съ теченіемъ времени быть «суммой, достаточной для жизни». Развитой рабочей понимаетъ подъ словомъ «жизнь» не только сѣрое прозябаніе... Углекопы, ткачи, машинисты стремятся теперь не только къ болѣе сытой, но и къ болѣе интересной и свѣтлой жизни...²⁾. По мнѣнію лорда Хью Сесилия, для успокоенія рабочихъ и для того, чтобы дать имъ возможность устроить себѣ болѣе интересную жизнь,—необходимо, чтобы они стали участниками въ прибыляхъ.

«Проснувшійся» обращается къ другой книгѣ, написанной однимъ изъ самыхъ крупныхъ заводчиковъ въ Англии, и наталкивается на тезисъ, что для предпріятія «выгоднѣе», если у рабочего интересная жизнь. «Та фирма, во главѣ которой я стою, ввела еще въ 1884 году ежегодные отпуска для рабочихъ. И мы быстро убѣдились, какъ выгодно отзывается на успѣхѣ предпріятія то обстоятельство, что рабочіе провели недѣлю на берегу моря. Сперва мы давали семидневный отпускъ съ сохраненіемъ жалованья всѣмъ рабочимъ, у которыхъ въ году было не больше десяти прогульныхъ дней. Затѣмъ мы стали

¹⁾ «What the Worker Wants», The Daily Mail Enquiry. London, 1912. Стр. 38—40.

²⁾ *Ib.*, стр. 54.

выдавать отпущеннымъ на отдыхъ—двойное жалованье. Въ 1884 году только 43% рабочихъ имѣли право на получение отпуска, а въ 1908 году—97,6%» ¹⁾.

На другой страницѣ тотъ же авторъ доказываетъ, что, прежде всего, крупнымъ предпринимателямъ *невыгодно*, чтобы въ странѣ были безработные квалифицированные рабочіе. «Каждый обученный рабочій представляетъ собою опредѣленную и крупную цѣнность для общины,—доказываетъ сэръ Альфредъ.— На выучку его затрачены извѣстныя деньги. Технически обученный рабочій специализировался, когда состоялъ въ подмастерьяхъ. Вотъ почему онъ представляетъ неизмѣримо бѣльшую цѣнность, чѣмъ неквалифицированный рабочій, и является такимъ же экономическимъ факторомъ, какъ врачъ, адвокатъ или какой-либо другой специалистъ. Но, если общество допустить, чтобы такой рабочій не имѣлъ возможности примѣнить своихъ способностей; если общество допустить, чтобы онъ вынужденъ былъ пойти на рабочій рынокъ, какъ черно-рабочій; если его поставятъ въ такія неблагоприятныя матеріальныя условія, что онъ не въ состояніи будетъ проявить вполне свое искусство,—то въ проигрышѣ будетъ и общество, и предприниматели».

Вотъ что увидѣли бы теперь «семь спящихъ».

¹⁾ Sir Alfred Mond, «Questions of to-day and to-morrow». London, 1912, стр. 281.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Замокъ царицы Блодьюэдъ.

I.

Въ сборникѣ Чарльза Сквайра «Celtic Myth and Legend» есть старинная баллада про валлійскаго воина Гронлу Пабира, попадающаго въ крѣпкій замокъ царицы Блодьюэдъ. Въ одномъ изъ подваловъ замка воинъ находитъ три стальные двери, ведущія въ другіе подвалы. Изъ-за каждой двери доносится стукъ, различный по своей силѣ. Тамъ, за дверьми, запертыми стальными болтами, сидятъ три плѣнника. Всѣ они были предварительно закованы по рукамъ и по ногамъ, а потомъ прикованы къ кольцамъ, ввинченнымъ въ стѣны. Одинъ плѣнникъ оторвался уже отъ стѣны, разбилъ цѣпи на рукахъ и ногахъ, нашелъ въ своей тюрьмѣ большой молотъ, которымъ выбиваетъ теперь двери. Болты шатаются, и вотъ-вотъ плѣнникъ будетъ уже на свободѣ. Второй плѣнникъ оторвался отъ кольца и занятъ разбиваніемъ цѣпей на рукахъ и ногахъ. Третій плѣнникъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы оторваться отъ кольца.

Эта старинная кельтская баллада, мнѣ кажется, является символомъ трехъ общественныхъ теченій, стремящихся теперь вырваться на свободу въ Соединенномъ королевствѣ: ирландское движеніе, рабочее и женское. Въ этой главѣ я хочу коснуться только послѣдняго. «Въ жизни всѣхъ народовъ,—говоритъ извѣстный романистъ и драматургъ Джонъ Голсортъ,—наступаютъ моменты, когда идея, долго представлявшаяся неясной и неопредѣленной, принимаетъ выпуклую, скульптурную форму. И тогда ясно постигается, что эта идея имѣетъ жизненное значеніе для значительной части общества, нарастаю-

щей непрерывно. Съ этого момента «въ домѣ» націи появляется привидѣніе, которое не успокоится до тѣхъ поръ, покуда не получитъ требуемаго. Идея о полной эмансипаціи женщины долго и смутно сознавалась въ Англіи, но лишь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ она была точно формулирована и выдвинута впередъ не только женщинами, но и мужчинами. И когда ставится вопросъ объ эмансипаціи женщины, подразумѣвается не только политическое равноправіе» ¹⁾.

Я, конечно, не собираюсь доказывать законность требованій, выдвигаемыхъ женщинами въ Англіи. Не приходится это дѣлать, между прочимъ, по слѣдующимъ причинамъ. Когда на Руси наступили злыя времена порабощенія сперва отъ татаръ, а потомъ отъ своихъ, то положеніе женщины должно было, естественно, значительно ухудшиться, и, понятно, оно было гораздо хуже, чѣмъ положеніе мужчины; но какъ только началось пробужденіе, то немедленно же выяснилось, что въ Россіи женщина по нравственнымъ качествамъ, по настойчивости, по характеру, по всему стоитъ *впереди* мужчины. Стоитъ намъ раскрыть лѣтопись или былинку, чтобы убѣдиться въ справедливости выставленнаго тезиса: въ древней Руси мы видимъ богатырей и богатырицъ. «Женщины провожаютъ мужей своихъ на битвы... По свидѣтельству древнихъ пѣсень, женщины участвовали вмѣстѣ съ мужчинами въ пирахъ княжескихъ, похваляясь своею мудростью... Владимиръ совѣтуется съ своею женою Анною о церковномъ уставѣ. Княгини имѣютъ свои волости, содержатъ свою дружину, спорятъ съ мужьями, кто наберетъ храбрѣйшихъ дружинниковъ» ²⁾. Ученье, принесенное изъ умирающаго государства и смотрѣвшее на каждую женщину, какъ на «любодѣицу» и «сосудъ діавольскій», потомъ татарщина, унизившая личность вообще, оказали особенно неблагоприятное вліяніе на идею о равенствѣ половъ. Книжники учили мужчину, что если онъ относится къ женѣ не какъ повелитель къ рабынѣ, то хуже скота. «Не скотъ въ скотѣхъ коза; не звѣрь въ звѣрѣхъ ежъ; не рыба въ рыбѣхъ ракъ; не птица въ птицѣхъ нетопыръ, и не мужъ въ мужьяхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ». Возможно, что и крѣпостное право вліяло тоже пагубно и вело къ тому, что забитый мужикъ, стре-

¹⁾ *John Galsworthy*, «Gentles, let us rest», стр. 2.

²⁾ С. М. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. I, стр. 241—242.

мясь сорвать на комъ-нибудь свои обиды, сталъ варваромъ по отношенію къ женѣ. Тогда, вѣроятно, особенно множились эти ужасныя пословицы, въ родѣ: «Бей жену обухомъ; приди да понюхай: дышитъ и морочитъ,—еще просить». «Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять». Съ первымъ духовнымъ движеніемъ въ Россіи, т.-е. съ началомъ раскола, русская женщина становится *впереди* мужчины. Твердость, непоколебимость и душевную красоту, проявляемая боярыней Морозовой и княгиней Урусовой, мы находимъ потомъ постоянно въ общественномъ движеніи другого характера. Мужчина въ Россіи «падалъ духомъ, рабски унывая»; онъ не только «отрекался отъ своихъ боговъ», но предавалъ ихъ. Русская женщина только въ исключительныхъ случаяхъ грѣшна этимъ. Сороковые годы были самымъ мрачнымъ періодомъ въ исторіи русскаго общества. Тогда жизнь намъ дала цѣлую серію «лишнихъ людей» и «гамлетовъ щигровскаго уѣзда»; но какую чудесную галерею женскихъ типовъ далъ Тургеневъ! Миѣ скажутъ, что Тургеневъ—рыцарь и трубадуръ русской дѣвушки; что его отзывы пристрастны. Возьму другого изобразителя той же эпохи, циника Писемскаго, котораго можно упрекнуть во всемъ, но только не въ сантиментальности. Интеллигентные мужчины это—Калиновичъ («Тысяча душъ») и Батмановъ въ разсказѣ того же названія, стоящіе во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже женщинъ, напр., Настеньки.

Въ Англіи женщины не равны въ правахъ, которыми обладаютъ уже мужчины, поэтому феминистское движеніе тамъ вполне понятно. Цѣль моя иная. Я хочу выяснитъ нѣкоторыя отличительныя черты той борьбы, которую теперь съ такою настойчивостью ведутъ англійскія женщины. Мы, посторонніе наблюдатели, живущіе теперь въ Англіи, можемъ видѣть, какъ борьба захватила почти каждую семью. «Нашъ первый долгъ—защитить женщину, не имѣющую политическихъ правъ ¹⁾, и дать ей, такимъ образомъ, силы, потому что она страдаетъ сильнѣе мужчины,—пишетъ миссъ Панкхерстъ.—Условія сложились такъ, что женщина чаще больна, чѣмъ мужчина. Отчего это? Женщина съ ранняго возраста обречена на болѣзни,—

¹⁾ Въ Англіи теперь женщины имѣютъ въ мѣстномъ самоуправленіи всѣ активныя и пассивныя права, какъ мужчины. Женщина можетъ быть выбрана даже мэромъ. Теперь три города имѣютъ во главѣ женщины.

продолжает мисс Панкхерст.—Дѣвочки имѣютъ меньше досуга и меньше отдыха, чѣмъ мальчики въ свободное отъ школьныхъ занятій время. Въ рабочихъ классахъ дѣвочки выполняютъ всю домашнюю работу, въ то время какъ мальчики играютъ на открытомъ воздухѣ въ крокетъ, въ футболъ, въ камешки. Уже въ раннемъ возрастѣ дѣвочки нянчатъ маленькихъ братьевъ и сестеръ. Вмѣсто того, чтобы развиваться физически и умственно, дѣвочки эти должны культивировать «материнскіе инстинкты», хотя сами онѣ еще дѣти. Вслѣдствіе того, что онѣ носятъ на рукахъ тяжелыхъ дѣтей, у маленькихъ нянекъ, во многихъ случаяхъ, искривляется позвоночный столбъ. Затѣмъ, послѣ окончанія школы, наступаетъ время итти на работу. Вообще занятія дѣвушекъ нездоровы. Часто онѣ работаютъ гораздо дольше, чѣмъ юноши того же возраста. Безчисленное множество дѣвушекъ освобождается ежедневно, кромѣ субботы, не раньше восьми часовъ. Онѣ слишкомъ устаютъ, чтобы желать игры на открытомъ воздухѣ. Къ тому же, какъ только дѣвушка освобождается, она должна помогать по дому...». Авторъ намѣчаетъ дальнѣйшія вѣхи въ жизни женщины и доказываетъ, что ее всюду ждутъ болѣзни. «Другой причиной болѣзни женщины является то, что слабосильная, истощенная мать каждый годъ рождаетъ, такъ какъ мужъ предъявляетъ свои права, какъ только жена сколько-нибудь оправится отъ родовъ. Мужчина, кромѣ того, приноситъ въ домъ болѣзни, которыя передаетъ ничего не подозревающей женѣ. Большинство специальныхъ болѣзней, которыми страдаютъ замужнія женщины, обусловливаются люэсомъ и гонорреей, переданными мужемъ»,—говоритъ мисс Панкхерстъ. «Мужчины всѣхъ классовъ страдаютъ секретными болѣзнями, а въ особенности гонорреей... Эти болѣзни порождены проституціей, которая, въ свою очередь, обусловливается развратомъ мужчинъ и порабощеннымъ положеніемъ женщины. Феминистское движеніе, а въ особенности милитантское, нападаетъ на кодексъ морали, допускающій существованіе проституціи... Милитантское движеніе не желаетъ мириться съ положеніемъ, созданнымъ тѣмъ, что только мужчины имѣютъ избирательныя права» ¹⁾.

Гораздо чаще въ самомъ боевомъ журналѣ милитантокъ

¹⁾ «Suffragette», December 5, 1913.

мы встрѣчаемъ аргументы, почему женщины *среднихъ* и *выше-среднихъ* классовъ должны имѣть избирательныя права. «Философы учатъ насъ, что нѣтъ лучшаго богатства, чѣмъ жизнь,—пишетъ г-жа Хилль... Но все это великое богатство принадлежитъ мужчинѣ, а не женщинѣ. Законы о бракѣ и о родительскихъ правахъ, изданные мужчинами, отняли у женщины ея всѣ природныя богатства. То немногое, что у ней осталось (напримѣръ, внѣбрачныя дѣти), служить для того, чтобы загнать ее въ послѣдніе ряды рабовъ. Женщина—существо, которое законы, созданные мужчинами, искусственно держатъ постоянно безъ денегъ, чтобы не давать ей независимости». Г-жа Хилль, повидимому, имѣетъ нѣсколько смутное представленіе о французскихъ брачныхъ законахъ, которые представляются ей, поэтому, неизмѣримо болѣе совершенными и болѣе выгодными для женщины, чѣмъ англійскіе, тогда какъ въ дѣйствительности мы имѣемъ какъ разъ обратное. «Дѣла обстоятъ очень плохо для женщины въ богатыхъ англійскихъ семьяхъ,—продолжаетъ г-жа Хилль.—Здѣсь нѣтъ такихъ справедливыхъ законовъ относительно наслѣдства, какъ во Франціи, гдѣ всѣ дѣти получаютъ равную долю. Въ Англии дочери богатыхъ людей, совершенно неприспособленныя къ труду, получаютъ изъ наслѣдства едва половину того, что сыновья, хотя эти имѣютъ специальное образованіе, могутъ бороться и добиться положеній, дающихъ деньги и почести. Женщина, воспитанная въ домѣ, гдѣ расходовали въ годъ 20 тысячъ ф. ст., и принужденная жить на годовую ренту въ 500 ф. ст. (т.-е. 5000 руб.), чувствуетъ себя прямо въ бѣдственномъ положеніи. Если она желаетъ жить такъ же, какъ ея братья, невѣстки или золовки, то принуждена, хотя даже не хочетъ того, сдѣлать «выгодную партію». Другими словами, чтобы получить соотвѣтственный уютъ (home), она вынуждена поступиться своею независимостью; братья же ея, если пожелаютъ, могутъ остаться всю жизнь холостяками. Въ данномъ случаѣ, за женщиной отрицается неотъемлемое право свободного выбора спутника въ жизни, если только дѣвушка не готова пойти навстрѣчу трудностямъ, къ которымъ ее не приучили».

Намъ нѣсколько трудно проникнуться аргументаціей «бѣдной» дѣвушки, имѣющей «только» пять тысячъ руб. въ годъ; но познакомимся дальше съ доводами г-жи Хилль. «Послѣ

немалой борьбы женщинамъ удалось добиться доступа къ врачебной практикѣ. Хотя нѣкоторыя женщины-врачи и имѣютъ теперь отличную практику, но ихъ вообще всячески стѣсняють. Нѣкоторые госпитали, напр. предназначенные исключительно для женщинъ и дѣтей, не допускають ни студентокъ, ни женщинъ-интернокъ. «Будьте сидѣлками-фельдшерицами (nurses)»,—говорятъ мужчины женщинамъ, желающимъ получить медицинское образованіе.—Другими словами: «Предоставьте науку, славу и большіе гонорары намъ; сами же довольствуйтесь квартирой, столомъ и 30 ф. ст. въ годъ». По мнѣнію г-жи Хилль, мужчины «алчутъ, чтобы женщина за свой трудъ получала, главнымъ образомъ, столъ и квартиру и очень мало деньгами... Между тѣмъ для достиженія независимости необходимы деньги. Даже при небольшомъ заработкѣ, бережливый человекъ можетъ откладывать; но копить можно деньги, а не оставшуюся пищу». Мужчины даютъ крайне странное объясненіе,—говоритъ г-жа Хилль,—почему независимая женщина должна имѣть только скудный заработокъ. «Если женщины будутъ зарабатывать столько же, сколько и мы,—заявляютъ мужчины,—онѣ не захотятъ выходить замужъ». По мнѣнію г-жи Хилль, «этимъ грубымъ объясненіемъ мужчины открыто признають, что система низкой заработной платы для женщины имѣетъ цѣлью принудить ее къ сожителству съ ними» ¹⁾.

Мы видимъ, что защитницы женскаго равноправія, отстаивая, безспорно, *правое дѣло*, проявляютъ такую страстность, которая превращаетъ борьбу за участіе въ выборахъ въ борьбу пола противъ пола.

II.

Аргументы, выставляемые женщинами въ защиту того, что демократическая страна не *имѣетъ права* отказать половинѣ населенія въ участіи при выработываніи законовъ, обя-

¹⁾ «The General Poverty of Women is artificially enforced». «The Suffragette», № 61, стр. 201.

зательныхъ для всѣхъ,—неопровержимы. Вотъ почему даже самые умные и талантливые противники женскаго равноправія могутъ выдвинуть аргументы, которые, по англійской терминологіи, будутъ *very thin*. Вотъ, напр., вышедшая въ 1914 году книга Бельфорта Бакса «*The Fraud of Feminism*». Авторъ ея—извѣстный писатель, выступившій съ книгой въ защиту Марата, переводчикъ Канта и одинъ изъ первыхъ насадителей социализма въ Англии. Въ вопросѣ о политическомъ равноправіи женщинъ Бельфортъ Баксъ занялъ рѣзко враждебную позицію. Отношеніе къ вопросу объ эмансипаціи женщинъ не совпадаетъ въ Англии съ дѣленіемъ на политическія партіи. Въ рядахъ «суффражистовъ» и «антисуффражистовъ» мы видимъ радикаловъ и консерваторовъ, социалистовъ и крайнихъ тори. Вождь крайнихъ консерваторовъ, напр. лордъ Робертъ Сесиль—«суффражистъ», а социалистъ Баксъ—«антисуффражистъ». Рядомъ съ Сесилемъ мы видимъ радикаловъ и социалистовъ, а рядомъ съ Баксомъ крайнихъ тори. То обстоятельство, что даже умный и очень образованный Баксъ не въ состояніи выставить въ защиту своихъ взглядовъ ничего, кромѣ «политическихъ красотъ», является уже само собою большою побѣдою для феминизма. «Всѣ разговоры про то, что женщина въ Англии—вьючное животное, до такой степени нелѣпы и до такой степени расходятся съ существующими законами въ защиту ея, что врядъ ли стоитъ даже возражать на нихъ,—говоритъ Бельфортъ Баксъ.—Утвержденіе это не можетъ относиться даже къ былымъ временамъ; что же касается современныхъ англійскихъ законовъ, касающихся мужчины и женщины, то они являются классическимъ образчикомъ тираніи по отношенію къ мужу въ пользу жены». «Женщина, напр., въ Англии,—говоритъ Баксъ (юристъ по профессіи)—можетъ требовать отъ мужа, отъ котораго ушла, содержанія въ зависимости отъ ея социальнаго положенія, тогда какъ мужъ не имѣетъ такого же права на доходъ жены. Женщины, дѣйствительно, получаютъ болѣе низкую заработную плату, чѣмъ мужчины, но обусловливается это причинами, не имѣющими ничего общаго съ участіемъ въ парламентскихъ выборахъ,—говоритъ Бельфортъ Баксъ.—И если бы возможно было установить законъ, обязывающій платить мужчинамъ и женщинамъ одинаковую плату, то это повело бы, какъ на почтѣ въ Канадѣ, къ полному вытѣсненію всѣхъ служащихъ жен-

щинъ, потому что предприниматели всегда предпочитали бы мужчинъ»¹⁾.

«Въ брошюрѣ, выпущенной *фѣдераціей мужчинъ для достиженія женскаго равноправія*, говорится,—пишетъ Баксъ,— что въ «кодексѣ много законовъ, явно несправедливыхъ по отношенію къ женщинамъ». Я утверждаю, что это неправда. Въ англійскомъ кодексѣ нѣтъ закона, несправедливаго къ женскому полу; но зато очень много законовъ, ставящихъ мужчину въ неизмѣримо менѣе выгодное положеніе, чѣмъ женщину»²⁾. Въ отношеніи къ женщинамъ законъ всегда неизмѣримо снисходительнѣе, чѣмъ къ мужчинамъ,—утверждаетъ Баксъ и ссылается, съ одной стороны, на суровыя наказанія, наложенныя на динамитчиковъ, имѣвшихъ цѣлью благо и счастье всего человѣчества, а съ другой—снисходительное отношеніе къ милитанткамъ, стремящимся только къ достиженію избирательнаго права для себя. По мнѣнію Бельфорты Бакса, феминистское движеніе, а въ особенности милитантство, вводящее борьбу пола противъ пола, на руку капиталистамъ. «При наличности броженія въ рабочемъ мірѣ,—говоритъ Баксъ,—съ точки зрѣнія имущихъ и командующихъ классовъ въ высшей степени желательно, чтобы общественное вниманіе было отвлечено чѣмъ-нибудь сравнительно безопаснымъ отъ справедливыхъ требованій, предъявляемыхъ трудящимися классами. Движеніе противъ мужчинъ крайне на руку капиталистамъ и командующимъ классамъ, такъ какъ замѣняетъ борьбу классовъ борьбой половъ». (Мнѣ приходится сильно смятчить слова подлинника. По выраженію Бакса, «the virago, the shrew and the female sharper» отвлекаютъ общественное вниманіе отъ классовой борьбы). Баксъ ссылается на суровый законъ 1912 года, направленный противъ сутенеровъ и проведенный подъ давленіемъ феминистокъ и феминистовъ. По мнѣнію Бакса, если ужъ надо было вводить плети, то для тѣхъ предпринимателей, которые платятъ приказчицамъ и работницамъ по 6—7 шилл. въ недѣлю, толкая ихъ, такимъ образомъ, на страшный подсобный заработокъ. «Многіе изъ этихъ господъ стоятъ въ рядахъ благородныхъ защитниковъ закона 1912 года»—ядовито замѣчаетъ Бельфортъ Баксъ³⁾. Но ярый ненавистникъ

¹⁾ «The Fraud of Feminism», стр. 112.

²⁾ *Иб.*, стр. 113.

³⁾ «The Fraud of Feminism», стр. 75.

политическаго равноправія женщинъ, въ сущности говоря, приводитъ аргументъ въ пользу допущенія женщинъ къ избирательнымъ урнамъ.

Изъ сказаннаго уже читатели видятъ, что феминистское движеніе въ Англіи имѣетъ гораздо болѣе широкія задачи, чѣмъ только участіе въ парламентскихъ выборахъ. Передъ нами *бунтъ* англійскихъ женщинъ противъ своей доли вообще. Стоитъ просмотрѣть только статьи миссъ Кристабель Панкхерстъ въ «Suffragette», въ которыхъ вопросы ставятся съ поразительной для Англіи откровенностью, затѣмъ безчисленныя брошюры и книги, выпущенныя женскими лигами, какъ напр.: «The Women of to-Morrow», «Sex-War», «Homo Sum» и др., чтобы убѣдиться въ размѣрахъ этого бунта. Англійская женщина, исторически всегда находившаяся позади мужчины и смотрѣвшая на него снизу вверхъ, теперь протестуетъ противъ порядка, установленнаго ея повелителями; она бунтуетъ противъ кодекса морали, выработаннаго мужчиной и столь выгодно для него. Передъ нами не простое политическое движеніе, въ родѣ того, которое было въ Англіи, когда шла борьба за первый билль о реформахъ или за гладстоновскій избирательный билль 1884 года, а *революція* въ нравахъ, въ семейномъ укладѣ, въ томъ, что англичанинъ называетъ «home». Чтобы иллюстрировать высказанное здѣсь, я позволю себѣ привести изъ записной книжки нѣсколько портретовъ, набросанныхъ только общими штрихами.

Mrs Шиплей-Партъ. Покойный мужъ оставилъ ей капиталъ, дающій въ годъ ренту, вѣроятно, не меньше, чѣмъ три тысячи ф. ст. Она собираетъ какія-то табакерки и недавно показывала мнѣ съ гордостью ту самую, которую имѣлъ въ карманѣ Карлъ XII во время битвы подъ Полтавой. Должно быть, у меня нѣсколько выше поднялись брови при этомъ, чѣмъ надлежало, потому что Mrs Шиплей-Партъ съ нѣкоторымъ ядомъ въ голосѣ прибавила, что происхожденіе табакерки—внѣ сомнѣнія. Лѣтъ десять тому назадъ Mrs Шиплей-Партъ выпустила книжечку «О формахъ и рисункахъ нѣкоторыхъ табакерокъ, принадлежавшихъ историческимъ лицамъ». Какъ авторъ, поэтому, она принадлежитъ къ извѣстному дамскому лондонскому клубу «Luceum», членами котораго могутъ быть только женщины, которыя «что-нибудь сдѣлали». По политическимъ убѣжденіямъ своимъ Mrs Шиплей-Партъ консер-

ваторъ и глубоко ненавидитъ нынѣшнее либеральное правительство, а въ особенности Ллойдъ-Джорджа. Она ему не можетъ простить того, что онъ «ограбилъ средніе классы», повысивъ подоходный налогъ. «Ллойдъ-Джорджъ—демагогъ,—объясняетъ она мнѣ.— Онъ все дѣлаетъ для массъ. Съ какой стати рабочіе не платятъ никакихъ подоходныхъ налоговъ, тогда какъ мы съ вами должны платить ихъ?» Mrs Шиплей-Партъ относится нѣсколько холодно ко мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я отказался присоединиться къ «Лигѣ протеста противъ закона о страхованіи», основанной этой дамой въ нашемъ округѣ. Mrs Шиплей-Партъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ феминистскаго общества. Она разсуждаетъ совершенно правильно: «Съ какой стати мой дворецкій Браунъ и мой садовникъ Джонъ, получающіе отъ меня жалованье, участвуютъ, хотя и косвенно, въ томъ, какъ должны распредѣляться налоги, уплачиваемые мною, а я нѣтъ? Справедливо ли, что пропойца, приносящій мнѣ на продажу цвѣты, участвуетъ въ парламентскихъ выборахъ, а я нѣтъ?» Если увлеченіе людей какой-нибудь идеей можно измѣрять тѣмъ, что они затронуты не «до глубины сердца», а «до глубины кармана», т.-е. тѣмъ, насколько охотно люди жертвуютъ деньгами,—то mrs Шиплей-Партъ искренно предана дѣлу феминизма. Изъ списка пожертвованій, помѣщающагося въ журналѣ мирныхъ феминистокъ «Common Cause», я вижу, что mrs Шиплей-Партъ даетъ деньги охотно и большими суммами. Она горячо стоитъ за политическое освобожденіе женщины, но всѣми силами протестуетъ противъ всеобщаго избирательнаго права. «Довольно бѣдъ намъ отъ того, что голосуютъ Джонъ и Броунъ,—сказала она мнѣ.—Недоставало только, чтобы голосовали еще мои горничныя, Лиззи, Флори, и Эннъ! Къ избирательнымъ урнамъ должны быть допущены только *лучшіе классы*». Mrs Шиплей-Партъ очень неодобрительно относится къ вторгающемуся въ англійскую литературу и на сцену «парижскому духу», какъ она выражается, подразумѣвая подъ этимъ «безпримѣрную» смѣлость современныхъ англійскихъ авторовъ въ трактованіи вопросовъ морали. Mrs Шиплей-Партъ принадлежитъ къ «Пуританской лигѣ», имѣющей цѣлью «очистить» литературу, театръ и искусство; какъ лордъ Робертъ Сесиль, она убѣждена, что равноправіе женщинъ, т.-е. допущеніе къ избирательнымъ урнамъ тѣхъ изъ нихъ, которыя богаты и независимы, упрочитъ

въ Англии положеніе церкви и укрѣпить пошатнувшуюся религію.

Еще портреты. Миссъ Стифенсонъ и миссъ Лэстрэнджъ, подружки съ дѣтства, живутъ общимъ хозяйствомъ. Всѣ знакомыя зовутъ ихъ просто Чэрри и Тэдди. Обѣ—изъ очень хорошей семьи, а въ особенности Тэдди, такъ какъ Лэстрэнджи фигурируютъ въ Англии со временъ Вильгельма Завоевателя. Но, какъ это теперь часто встрѣчается въ Англии, обѣ дѣвушки независимы и сами зарабатываютъ свой хлѣбъ. Чэрри—служить на почтѣ, а Тэдди—учительница въ городской школѣ. Съ этого года, кромѣ того, она читаетъ еще нѣмецкую и англійскую литературу на вечернихъ городскихъ курсахъ. Чэрри—положительна, спокойна, уравновѣшена и вся ушла въ свою работу. Если дѣвушка глубоко возмущается чѣмъ, то несправедливостью при оцѣнкѣ мужского и женскаго труда на почтѣ. «Равный трудъ требуетъ и равнаго вознагражденія»,—справедливо говоритъ Чэрри. Вотъ уже годъ, какъ она принадлежитъ къ «Women's Freedom League», стоящей лѣвѣе той ассоціаціи, въ которой состоитъ mrs Шиллей-Партъ. Чэрри—за всеобщее избирательное право.

Насколько Чэрри уравновѣшена, настолько ея подружка Тэдди—бурна и мятежна. Она не только неизмѣримо образованнѣе Чэрри, но гораздо глубже ея. Увлеченія Тэдди идутъ полосами. Она то вся захвачена водоворотомъ бурнаго протеста противъ всего утвержденного, противъ всего, что «навязано живыми мертвецами». «Ce qui escrit par les morts sera biffé par les vivants»—повторяетъ тогда съ энтузіазмомъ Тэдди слова Анатоля Франса. Помню, какъ горѣли глаза у Тэдди, когда она цитировала мнѣ, какъ нѣчто чрезвычайно новое, изъ только что переведенной на англійскій языкъ книги Макса Штирнера: «Цѣнность я не можетъ быть опредѣлена высоко до тѣхъ поръ, покуда твердый алмазъ *не-я* имѣетъ такую громадную стоимость». И когда у насъ зашелъ разговоръ о томъ, что такое добро, Тэдди нашла, что лучший отвѣтъ на это далъ Ницше въ «Антихристѣ»: «Добро—все, что увеличиваетъ сознание власти, стремленіе къ власти; сама власть». Что такое зло?—«все, что пристекаетъ отъ слабости». Слово «сила» имѣетъ для Тэдди почти мистическій смыслъ. Затѣмъ приходитъ другая полоса. Тэдди мечтаетъ тогда о покоѣ, о странѣ лотософдовъ, о которыхъ говорится въ Одиссеѣ, гдѣ «все всегда остается, какъ

прежде». Дѣвушка думаетъ о томъ, какъ блаженно должно быть состояніе лотосоѣдовъ, которымъ окружающая жизнь казалась отдаленнымъ шумомъ въ ушахъ. Тэдди тогда любитъ цитировать стихи Теннисона:

«His roin, as voices from the g'rave;
And deep-asleep he seem'd, yet all awake,
And music in his ears his beating heart did make».

(«Голосъ его, т.-е. лотосоѣда, былъ тонокъ, какъ бы доносился изъ могилы; хотя онъ бодрствовалъ, но казался погруженнымъ въ глубокой сонъ... Біеніе сердца производило въ его ушахъ шумъ, подобный музыкѣ»). Какъ англичанки, ни Чэрри, ни Тэдди не знаютъ неврастеніи въ русской формѣ, т.-е. нытья и атрофированія желанія работать. Обѣ, напротивъ, съ необыкновенной точностью и добросовѣстностью выполняютъ взятые на себя обязательства. Тэдди, правда, мнѣ развивала какъ-то теорію, что естественное состояніе человѣка—ничего недѣланье. «Какая глубокая психологическая черта отмѣчена въ Библии!—указывала Тэдди.—Когда Богъ захотѣлъ покарать человѣка, онъ наказалъ его необходимостью работать. Будь я свободна, я поселилась бы далеко отъ города, лежала бы весь день въ полѣ на солнцѣ, или слѣдила бы въ лѣсу, какъ развиваются асфоделіи». Но я знаю также, что во время каникулъ Тэдди черезъ двѣ недѣли начинаетъ уже томиться безъ работы. Тэдди—суффражистка, стоитъ за всеобщее избирательное право и принадлежитъ къ женскому политическому и социальному союзу, т.-е. къ обществу милитантокъ. Она глубоко скорбитъ о томъ, что «труслива» и что не можетъ сдѣлать «активнаго выступленія», какъ другія.

III.

Вотъ еще портретъ изъ моей записной книжки. Mrs Кингсли-Ридъ. Она находится на порогѣ того возраста, котораго женщины больше боятся, чѣмъ смерти. Мужъ ея—довольно извѣстный беллетристъ, хорошій, воспитанный человѣкъ, широкихъ взглядовъ. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ комитетахъ, организованныхъ съ цѣлью протеста

противъ насилія и деспотизма. Но въ семейной жизни иногда глубоко несчастны люди, которые, каждый въ отдѣльности, достойны всякаго уваженія. Въ результатѣ—семейная драма, гдѣ мужъ и жена являются каторжниками, скованными на всю жизнь общою цѣпью. Въ лицѣ Mrs Кингсли-Ридъ мы имѣемъ озлобленную мужененавистницу вообще. Когда она въ Евангелии встрѣчаетъ слова «порожденія ехидны», то глубоко убѣждена, что это относится именно къ мужчинамъ вообще. Mrs Кингсли-Ридъ съ такимъ же трудомъ выноситъ общество мужчинъ, какъ докторъ Гулливеръ—присутствіе отвратительныхъ «ягу».

— I hate the beasts! (я ненавижу этихъ тварей!)—говоритъ она, сверкая глазами, своимъ близкимъ пріятельницамъ. Mrs Кингсли-Ридъ восторженно привѣтствуетъ каждое боевое выступленіе милитантокъ. Для нея г-жа Панкхерстъ—тотъ архангелъ, который ведетъ свѣтлое небесное воинство на бой съ демонами-мужчинами. Mrs Кингсли-Ридъ не удовлетворится равноправіемъ. Ей надобенъ такой порядокъ, при которомъ «the beast» т.-е. животное, мужчина, виновникъ всего злого, гадкаго, эгоистичнаго и нечистаго, было бы укрощено и, если возможно, посажено въ клѣтку.

Миссъ Флоренсъ Снелгровъ, или, попросту, «Флоси». Ей 22—23 года, не больше. Отецъ ея—старый полковникъ индѣйской службы, души не чающій въ дочери, хотя къ взглядамъ ея относится совершенно отрицательно. Флоси—отличная спортсменка и обладаетъ желѣзными мускулами, развитыми игрой въ «хоккеи». Только въ Англии можно встрѣтить дѣвушекъ съ такимъ прекраснымъ оваломъ лица и съ такимъ чудеснымъ румянцемъ. Флоси увлекается стихами Джона Мейсфильда, произведеніями Оскара Уайльда и сама мечтаетъ о литературномъ поприщѣ. «Но объ этомъ теперь думать нельзя,—говоритъ дѣвушка,—надо предварительно разбить оковы». Флоси—пламенная суффражистка-милитантка. Только боевыми выступленіями можно заставить парламентъ сдаться на кашитуляцію и немедленно дать женщинамъ права, доказываетъ она. И какъ только это будетъ достигнуто, т.-е. какъ только къ избирательнымъ урнамъ пойдутъ женщины, въ Англии установится царство гармоніи и тотъ земной рай, о которомъ говоритъ Вильямъ Моррисъ въ своей утопіи. Въ прошломъ году Флоси участвовала въ грандіозномъ выбиваніи стеколъ въ лавкахъ на Рид-

жентъ-стритъ. Ее арестовали. Она не хотѣла сказать ни имени, ни адреса. Судья (magistrate) на другой день приговорилъ ее къ штрафу въ 20 шиллинговъ или къ тюремному заключенію на 14 дней.

— Я не уплачу вамъ ни фартинга! Отправьте меня въ тюрьму!—Votes for women!—гордо крикнула Флоси. Въ тотъ же день полковникъ Снелгровъ нашелъ дочь и внесъ, несмотря на ея протестъ, штрафъ. Теперь Флоси «again in trouble», какъ сообщилъ мнѣ отецъ. вмѣстѣ съ миссъ Вудъ, Флоси была изловлена ночью подъ Ричмондомъ въ тотъ самый моментъ, когда онѣ хотѣли поджечь какой-то пустой домъ. Миссъ Вудъ, арестованная вмѣстѣ съ Флоси, закончитъ мою коллекцію типовъ. Надо представить себѣ уже пожилую, очень худощавую и очень некрасивую дѣвушку, которая русскому приводитъ на память чеховскую миссъ Тфайсъ (Дочь Альбіона). Она имѣетъ ренту, приносящую фунта два въ недѣлю. Миссъ Вудъ—антививисекціонистка, анти-вакцинистка, вегетарианка и суффражистка милитантка. Милитантствомъ можно немедленно установить, — увѣрена миссъ Вудъ, — порядокъ, при которомъ доктора не будутъ мучить собакъ и кроликовъ; всѣ будутъ питаться манной кашей, бразильскими орѣхами и сырой морковью, развивающей много добродѣтелей;—порядокъ, при которомъ не будетъ ни принудительнаго оспопрививанія, ни дѣвушекъ, обреченныхъ на вѣчное одиночество. Миссъ Вудъ въ другой вѣкъ была бы пламенной послѣдовательницей какой-нибудь секты, жгущей театры, срывающей съ молодыхъ женщинъ красивые наряды и разбивающей всѣ безстыдныя статуи. Теперь миссъ Вудъ поджигаетъ пустые дома, чтобы, такимъ образомъ, доставить торжество «cause», т.-е. женскому равноправію. Въ іюль мѣсяцѣ 1913 года она сожгла пустой домъ, принадлежавшій женщинѣ, и была арестована. Черезъ день миссъ Вудъ начала въ тюрьмѣ голодовку, требуя, чтобы ее немедленно выпустили на поруки. Я долженъ отмѣтить не только энтузіазмъ и смѣлость милитантокъ, но также ихъ замѣчательную силу воли. На континентѣ, конечно, на голодающую не обратили бы вниманія. «Ваше дѣло—голодать и умирать, а мое—хоронить васъ», отвѣтили политическимъ заключеннымъ въ одной странѣ, лежащей на востокъ отъ Англій. Черезъ пять дней миссъ Вудъ выпустили на поруки. Черезъ два мѣсяца состоялся судъ; присяжные вынесли обвинительный вердиктъ,

и миссъ Вудъ была приговорена къ полутораголичному тюремному заключенію.

— Вы не имѣете права отправлять меня въ тюрьму!— крикнула миссъ Вудъ на судѣ.—Я поджигала съ политической цѣлью. Все равно я сидѣть не буду!

На другой же день миссъ Вудъ начала въ тюрьмѣ голодовку. Черезъ день заключенную попробовали кормить насильно, при помощи насоса, черезъ ноздри, но миссъ Вудъ отчаянно сопротивлялась. Въ ближайшую пятницу въ «Suffragette» появилась статья: «Правительство *пытаетъ* милитантокъ». Въ статьѣ, состоящей изъ 12 строчекъ, слово «Torture», *пытка*, было повторено 16 разъ. «Пытка» означаетъ насильственное кормленіе. Черезъ шесть дней голоданія миссъ Вудъ была освобождена изъ тюрьмы какъ и другія милитантки, осужденныя за поджоги. Въ выпущенномъ милитантками листкѣ, озаглавленномъ «Тринадцать причинъ, почему вы должны поддерживать женскій соціальный и политическій союзъ», мы находимъ слѣдующее: «Члены союза проявили героизмъ, превосходящій все то, что извѣстно до сихъ поръ въ міровой исторіи. Онѣ смѣло бросили вызовъ *пыткѣ* и даже смерти»¹⁾. Несмотря на чрезвычайную хвастливость этихъ строкъ, я искренно радъ за милитантокъ, что имъ приходится дѣйствовать въ Англии, а не въ другой странѣ.

— Послушайте, миссъ Вудъ,—обратился къ ней въ моемъ присутствіи знакомый.—Вы, вѣдь, государственница, а не анархистка. Вы стремитесь въ парламентъ, и только въ парламентъ. Вы, поэтому, должны признавать права большинства. И если большинство несогласно, то надо *убѣждать*, какъ это принято въ свободныхъ, конституціонныхъ государствахъ. Вашими такъ называемыми революціонными выступленіями вы возстановили противъ себя всѣхъ, стоявшихъ за женскія права, между прочимъ парламентскую рабочую партію.

На лицѣ миссъ Вудъ показалась презрительная улыбка.

— На этотъ аргументъ уже есть отвѣтъ въ «Suffragette»,— сказала она и развернула журналъ на статьѣ, озаглавленной «Я вѣрю въ меньшинство».

«Я совсѣмъ не желаю, чтобы суффражистки отождествляли

¹⁾ «Thirteen Reasons why you should Support to the W. S. P. U.» Cause 10.

себя съ рабочей партией, потому что не вѣрю въ рабочихъ,— читала миссъ Вудъ.—Я не вѣрю большинству. (Въ подлинникѣ это выражено гораздо грубѣе: I do not trust the people). Я вѣрю въ меньшинство и согласна съ Ибсеномъ, что большинство всегда неправо». На основаніи этого суффражистки поступаютъ совершенно правильно, ведя пропаганду въ гостиныхъ Кенсингтона (аристократическій лондонскій кварталъ)¹⁾.

IV.

Не подлежитъ сомнѣнію, что среди феминистокъ въ Англии, да, кажется, не въ одной лишь Англии, наибольшую симпатію пользуются милитантки. «Милитантство — высшее проявленіе борьбы женщинъ за права,—объясняетъ миссъ Кристабель Панкхерстъ.—Оно было подготовлено долго скрываемымъ недовольствомъ по поводу подчиненнаго положенія. Мирный феминизмъ подготовилъ революціонныя выступленія. Онъ является характернымъ проявленіемъ XIX вѣка, тогда какъ милитантство служитъ признакомъ XX вѣка». По мнѣнію миссъ Кристабель Панкхерстъ, мирный феминизмъ является теперь анахронизмомъ. «Милитантство—политическое оружіе, пущенное въ ходъ женщинами, такъ какъ только оно можетъ замѣнить имъ избирательныя права. Но милитантство означаетъ нѣчто еще большее. Оно разрушаетъ фальшивое положеніе порабощеннаго къ работителю, создавшееся между женщиной и мужчиной, и исправляетъ проистекающіе отсюда важные недостатки обоехъ половъ». «Подчиненное положеніе превратило женщину въ неестественно робкое и чрезмѣрно послушное существо,—продолжаетъ миссъ Панкхерстъ.—То господство, которое мужчина имѣетъ надъ женщиной, сдѣлало его чрезчуръ честолюбивымъ и тщеславнымъ. Милитантство признаетъ, что женщина страхнула съ себя робость и подобострастіе по отношенію къ мужчине. Съ другой стороны,—говоритъ миссъ Панкхерстъ,—мирный феминизмъ означаетъ признаніе, что женщинамъ надо подчиняться какъ мужчинамъ, такъ и законамъ, созданнымъ ими. Вотъ почему мирный феминизмъ почти такъ же опасенъ, какъ антисуффражизмъ. Въ сущности говоря,

¹⁾ «The Suffragette», December 5, 1913.

мирные феминистки продолжают политику терпливой и смиренной Гризельды. Ничто не причиняет столько вреда дѣлу равноправія женщинъ, какъ законопослушность феминистокъ, ибо она льститъ самомнѣнію мужчинъ и побуждаетъ ихъ не обращать никакого вниманія на требованіе, выраженное въ столь мягкой формѣ. Милитантство не только доказало мужчинамъ, что есть предѣлъ долготерпѣнію женщины, но пробудило въ нихъ всѣ лучшія качества»¹⁾. Дальше главная умственная сила милитантокъ пространно доказываетъ, что тамъ, гдѣ не помогаютъ эволюціонные методы борьбы, необходимо принять революціонные способы. «Милитантство увѣнчивается успѣхомъ тамъ, гдѣ всѣ другіе способы борьбы не даютъ никакихъ результатовъ». Джонъ Хемденъ отказался подчиняться законамъ. «Круглоголовые» вели милитантскую политику по отношенію къ Карлу I. «Если бы Жанна д'Аркъ прибѣгала только къ мирнымъ способамъ убѣжденія, то англичане до сихъ поръ владѣли бы Франціей»,—говоритъ миссъ Панкхерстъ.—«Вся Европа восхищалась Кошутомъ и Гарибальди, а они были «милитанты». Только что закончилась Балканская война, которая, во всякомъ случаѣ, вначалѣ привѣтствовалась всѣми культурными народами. Между тѣмъ, война—нарушеніе всѣхъ законовъ и представляетъ собою милитантство въ крайней формѣ. Въ двадцатыхъ годахъ англійскіе рабочіе жгли замки, и *потому* добились участія въ выборахъ. Мужчинамъ, критикующимъ наше дѣйствіе, мы отвѣчаемъ: «Вамъ не нравится милитантство? Дайте намъ тогда права!» Милитантки разрушили рабскую мораль, гласящую, что тягчайшимъ преступленіемъ является активное сопротивленіе работодателю со стороны поработеннаго»²⁾.

Въ логикѣ есть правило, формулируемое: *ex mere particularibus—nihil sequitur*, а въ особенности тогда, когда выводъ не имѣетъ никакого отношенія къ частнымъ сужденіямъ, являющимся предпосылками. Эту логическую ошибку дѣлаютъ милитантки. Онѣ доказали, что «милитантство» практиковалось въ исторіи; но не доказали, что ихъ боевыя выступленія—милитантство. Въ самомъ дѣлѣ. Во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ мы видимъ такую схему. Ничтожное меньшинство дер-

¹⁾ Miss Christabel Pankhurst, «Militancy» «The New Statesman», № 30 (стр. X—XI).

²⁾ *Ib.*

жить въ своихъ рукахъ судьбу большинства, за которымъ не признаетъ даже элементарныхъ человѣческихъ правъ. Большинство пытается заявить о своихъ страданіяхъ путемъ схода, путемъ печати; но сходы разгоняются, пресса конфискуется; сторонниковъ движенія сажаютъ въ тюрьму. Видя, что мирнымъ путемъ нельзя дѣйствовать, большинство прибѣгаетъ къ насильственнымъ мѣрамъ. При всей своей жестокости, онѣ *всегда* планомѣрны и подчинены логикѣ, хотя бы и страшной. Въ Библии, напр., мы читаемъ про то, какъ Аодъ убилъ Еглона, потому что израильтяне не могли выносить уже плѣна амаликитянъ. Изъ школьныхъ учебниковъ мы знаемъ, почему Вильгельмъ Телль убилъ Гесслера и т. д. Когда итальянцы возстали противъ Австріи, Гарибальди пошелъ войной противъ *нея*. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ англійскіе рабочіе подожгли дворцы *тѣхъ* лордовъ, которые проявили особую жестокость по отношенію къ массамъ. Напрасно мы стали бы искать какую-нибудь аналогію въ боевыхъ выступленіяхъ милитантокъ. Я не буду касаться того, что онѣ живутъ въ свободной странѣ, гдѣ въ своемъ распоряженіи имѣютъ *все* конституціонныя способы борьбы, чтобы убѣдить большинство, которое противъ нихъ, и остановлюсь только на «боевыхъ выступленіяхъ».

Десятого декабря 1913 года суффражистки подожгли одинъ изъ наиболѣе красивыхъ и старинныхъ замковъ въ Шотландіи, Kelly House. Прекрасное зданіе сгорѣло со всѣми картинами и коллекціями. Убытковъ причинено на 600.000 рублей.

Замокъ сожженъ не потому, что владѣлецъ его имѣетъ какое-нибудь, хотя бы отдаленное отношеніе къ женскому движенію, а потому, что онъ пустой. Такимъ образомъ, можно было безопасно войти и облить керосиномъ полы. Kelly House принадлежитъ извѣстному меценату, отецъ котораго былъ большимъ другомъ Ливингстона. Въ замкѣ сгорѣли реликвіи, принадлежавшія знаменитому путешественнику. Въ тотъ же день въ Ливерпулѣ суффражистки сожгли запертыя по случаю зимы зданія выставки (нѣчто въ родѣ *Луна-паркъ*). И опять мы не видимъ никакой логической связи между женскимъ движеніемъ и запертой выставкой. Тутъ опять лишь *движеніе въ сторону наименьшаго смысла*. Черезъ день сожженъ въ Манчестерѣ пустой Busholme Exhibition Hall. Убытковъ причинено на 120.000 руб. Залъ никакого отношенія не имѣлъ къ вопросу, должны ли или не должны женщины имѣть права.

Тринадцатаго декабря близъ Кардифа милитантками сожжено сѣно въ стогахъ. Въ Ирландіи, во время аграрныхъ движеній, крестьяне тоже жгли сѣно у помѣщиковъ, но у *своихъ враговъ*, у людей, боровшихся съ фермерами. Тотъ фермеръ, котораго сѣно сожгли суффражистки, *никакого* отношенія не имѣеть къ движенію. Онъ виноватъ тѣмъ, что стога стояли близко къ дорогѣ и, такимъ образомъ, дали возможность милитанткамъ двинуться въ сторону наименьшаго смысла. Даже анархисты проявляютъ неизмѣримо больше логики въ своихъ террористическихъ выступленіяхъ, чѣмъ «государственницы»-милитантки, добивающіяся парламентскихъ правъ. Анархисты ненавидятъ буржуазный строй, но не жгутъ картинныхъ галлерей, школъ и частныхъ домовъ и не разрушаютъ пальмы въ общественныхъ оранжереяхъ. Четвертаго декабря суффражистки сожгли громадное зданіе учительскаго института (для мужчинъ и женщинъ) близъ Ньюпорта. Убытки достигаютъ 400.000 руб. Въ любомъ номерѣ «Suffragette» всѣ эти безсмысленные и безцѣльные поджоги отмѣчаются въ лѣтописи «революціонной борьбы». Исходя изъ абсолютной нелѣпости этихъ поджоговъ, докторъ Харди прочелъ на послѣднемъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Лондонѣ докладъ: «Is Militancy a mental disease». Точнѣе говоря, докторъ Харди *пробовалъ* сдѣлать докладъ. Такъ какъ въ послѣднемъ было много той же страстности и полемики, въ которыхъ ученый докладчикъ обличалъ милитантокъ; то ему посоветовали «урѣзать» свой рефератъ.

Милитантское движеніе выражается въ эксцессахъ, въ которыхъ нѣтъ логики; но оно, конечно, не означаетъ психоза, какъ думалъ доказать докторъ Харди. Все объясненіе въ томъ, что женское движеніе въ Англійи далеко не исчерпывается однимъ стремленіемъ къ политическому равноправію. Это—бунтъ женщины противъ своей доли, противъ *всего* уклада, выработаннаго мужчиной въ видахъ собственныхъ интересовъ. Грандіозностью бунта объясняется страстность, которую проявляютъ участницы. Въ «Замкѣ царицы Блодьюуэдъ» плѣнница, вмѣсто того, чтобы ломать двери, бьетъ кулакомъ по каменнымъ плитамъ пола. Это нецѣлесообразно; но отнюдь не означаетъ, что заключенная не хочетъ вырваться на свободу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Еще о феминизмѣ.

I.

На западъ отъ Лондона, вверхъ по Темзѣ, лежитъ цѣлый рядъ кокетливыхъ городковъ: Ричмондъ, Твикенгэмъ, Кингстонъ, Уолтонъ и др. Отъ обвитыхъ плющемъ домиковъ съ острыми крышами, крытыми черепицей; отъ старинныхъ церквей съ квадратными колокольнями, выстроенныхъ еще въ XIV и даже XIII вѣкахъ; отъ еще болѣе старинныхъ римскихъ горбатыхъ мостовъ; отъ тихой рѣки, забывшей уже въ этихъ мѣстахъ про бурные пароксизмы, причиняемые приливами; отъ громадныхъ буковъ и дубовъ вѣтъ спокойствіемъ, довольствомъ и какой-то увѣренностью, что впереди еще очень много такихъ же невозмутимыхъ дней. Въ этихъ городкахъ, соединенныхъ съ Лондономъ электрическими трамваями, живутъ или удалившіеся отъ дѣлъ на покой состоятельные люди, или дѣльцы, приѣзжающіе ежедневно въ свои конторы, банки, мастерскія, находящіяся въ Сити. «Виллы» и коттеджи этихъ адвокатовъ, инженеровъ, банкировъ и управляющихъ торговыми домами лежатъ обыкновенно нѣсколько за чертой города, тамъ, гдѣ видны уже вѣчно зеленые поля. Стѣны коттеджей неизмѣнно обвиты плющемъ и страстоцвѣтомъ. Передъ домами растутъ колючій падубъ и причудливыя аракуанскія сосны, вѣтви которыхъ похожи на громадныхъ змѣй. Всюду, гдѣ только возможно, растутъ цвѣты, подобранные такъ, чтобы цвѣли они, по возможности, круглый годъ.

Владѣльцы этихъ «виллъ» горячо любятъ природу и не только присматриваются къ ней въ Англии, но въ свободное

отъ «business» время ѣдутъ знакомиться съ нею подь разными широтами...

Въ одинъ изъ такихъ коттеджей я поѣхалъ зимой 1913 года на «at-home», т.-е. на пріемъ, во время котораго видная милитантка должна была сдѣлать докладъ о послѣднихъ боевыхъ выступленіяхъ. Хозяинъ дома, мистеръ Приди—инженеръ и, говорятъ, очень талантливый. Это—человѣкъ лѣтъ 55, что по-англійски считается расцвѣтомъ жизненныхъ силъ. Мистеръ Приди весь какъ изъ стали и обладаетъ удивительной работоспособностью. Дома у него нельзя найти ничего, говорящаго о профессіи: мистеръ Приди работаетъ въ своей «office», гдѣ-то въ Сити. Зато дома много книгъ, преимущественно по естественной исторіи. Въ саду, въ оранжереѣ и въ специальномъ домикѣ, выстроенномъ на лужайкѣ за садомъ, находятся клѣтки, занятые въ разное время то тѣмъ, то другимъ видомъ птицъ.

Мой пріятель страстный орнитологъ. Это его «hobby». Въ «Nature» и въ другихъ специальныхъ журналахъ время отъ времени появляются статьи и замѣтки Приди, основанныя на личныхъ наблюденіяхъ. Эти замѣтки, какъ я слышалъ, очень цѣнятся специалистами. Ежегодно, во время отдыха, мой пріятель отправляется въ испанскія «марисмась» (болота), на Шпицбергенъ, на Оркнейскіе острова, или въ Исландію, чтобы изучить на мѣстѣ какой-нибудь видъ птицъ. Путешествія интересуютъ его постольку, поскольку онѣ должны выяснитъ какой-нибудь темный вопросъ въ орнитологіи. Судьба капитана Скотта взволновала моего пріятеля, главнымъ образомъ, потому, что онъ не зналъ, погибли ли или нѣтъ наблюденія Вильсона надъ тѣмъ, дѣйствительно ли самка такъ называемаго пингвина-императора кладетъ яйца прямо на ледъ.

Такъ какъ г-жа Приди совершенно не интересуется орнитологіей, но очень много — общественными вопросами, то дважды въ мѣсяцъ у нихъ бывають интересныя «at-home». Главнымъ героемъ на этихъ пріемахъ является докладчикъ, непременно «специалистъ»: то военный корреспондентъ, только что возвратившійся съ Балканскаго полуострова, литераторъ, написавшій книгу о Бергсонѣ, художникъ «поэтъ-импрессионистъ», вождь синдикалистовъ, словомъ, люди, которые могутъ сказать что-нибудь новое и интересное по вопросу, занимающему въ данный моментъ всѣхъ.

Въ гостиной я нашель уже много народа. Большую часть этихъ гостей я встрѣчалъ уже не разъ и они были мнѣ хорошо знакомы. Такъ какъ дамы любили указывать на то, что онѣ «порвали съ традиціями», то почти всѣ курили; но никто изъ гостей не порвалъ настолько, чтобы явиться не въ «eveningdress»: никто изъ мужчинъ не дерзнулъ явиться не во фракъ, а «самыя смѣлыя» дамы не отреклись отъ открытыхъ платьевъ.

Когда мы усѣлись, къ столику, замѣнявшему каеэдру, подошла немолодая уже, очень невысокая и плотная дама съ нахмуренными бровями и крѣпкими круглыми щеками, какъ будто натертыми свеклой. То была одна изъ предводительницъ милитантскаго движенія въ Англии. Дама была такъ низко декольтирована, что, когда она поворачивалась, видны были лопатки. Публика представляла собою цѣлую гамму національныхъ темпераментовъ. Я видѣлъ: англичанокъ, американца и американокъ, двухъ французенокъ, голландку и нервную, постоянно ерзающую, испанку, родомъ изъ Аргентины. Эта испанка, немножко писательница, порвала съ семьей и родиной и, какъ говорила, приѣхала искать въ Англию «сильные характеры». Крайняя нервная повышенность, горящіе глаза и слишкомъ неестественное оживленіе говорили о возбуждающихъ средствахъ, вѣроятно о морфii.

Докладчица, обладавшая низкимъ, совершенно мужскимъ басомъ, начала говорить «о партизанской войнѣ», о Guerilla warfare, которую ведутъ теперь милитантки. Даже подробно перечисляла всѣ большія выступленія послѣднихъ дней: «Zetter box protests», «window-breaking protests» (протестъ при помощи уничтоженія писемъ, протестъ при помощи выбиванія стеколъ), какъ выражалась докладчица. Милитантки выбили стекла въ рядѣ магазиновъ. Онѣ проникли ночью въ Ботаническій садъ Kew, разбили стекла въ оранжереѣ и растоптали орхидеи. Въ томъ же Ботаническомъ саду милитантки, борящіяся съ правительствомъ, какъ Гарибальди съ Австріей, ночью сожгли чайный домикъ. Оставшіяся неизвѣстными милитантки проникли ночью въ коттэджъ, который строился для Ллойдъ-Джорджа, и оставили тамъ двѣ бомбы. Черезъ часъ одна изъ нихъ взорвалась и причинила убытковъ на 1.000 ф. ст. «Въ послѣднее время милитантки выставили своимъ девизомъ: «Если не дадите права голоса, мы не дадимъ вамъ играть въ гольфъ». Вслѣдствіе этого неизвѣстныя милитантки ночью испортили

въ разныхъ мѣстахъ Англїи «Links», т.-е. лужайки, на которыхъ играютъ въ гольфъ. При помощи сѣрной кислоты милитантки выжгли на дернѣ надписи: «Votes for woman».

«Когда мужчины при помощи насильственныхъ мѣръ добиваются личной или національной свободы, никто не обвиняетъ ихъ въ жестокости или эгоизмѣ,—продолжала докладчица.—Напротивъ, все восхваляютъ ихъ героизмъ и самоотверженность. Союзныя государства на Балканскомъ полуостровѣ добиваются мира при помощи войны. «Теперь должны гремѣть пушки!»—говорятъ союзники. Весь міръ одобряетъ милитантское выступленіе союзныхъ государствъ ¹⁾. А между тѣмъ что дѣлаютъ союзники? Они бомбардируютъ Адрианополь. Сперва они морили городъ голодомъ, а теперь хотятъ взять его штурмомъ. Знаете ли вы послѣдствія бомбардировки? Я вамъ скажу: обстрѣлъ города означаетъ пожаръ, убитыхъ женщинъ и дѣтей. Многія дѣти убиты въ колыбеляхъ. Съ какой же стати мужчины возмущаются, когда милитантки истребляютъ какія-то орхидеи или жгутъ письма? Милитантки борются такимъ же образомъ, какъ боролись величайшіе герои, напр. Гарибальди... Мы гордимся нашими героинями, какъ мужчины Кошутомъ или Мадзини. Онѣ держатъ себя великолѣпно».

Докладчица дальше сообщила про геройское выступленіе одной милитантки, снявшей башмакъ и швырнувшей имъ въ судью. По героизму можетъ сравниться съ ней только милитантка миссъ Локъ, запустившая третьяго дня изъ-за рѣшетки въ голову судѣ книгу. Играющіе въ гольфъ сердятся теперь на суффражистокъ, портящихъ лужайки. Скоро эти «гольферы» начнутъ сердиться на правительство за то, что оно не даетъ женщинамъ правъ. «Дайте имъ права,—начнутъ вопить гольферы—потому, что мы хотимъ продолжать безпрепятственно нашу любимую игру». Надо прибавить еще, что въ гольфъ играютъ видные члены либеральной партїи.

Когда дама кончила, раздались бурные аплодисменты дамъ. И когда попросилъ слова одинъ изъ мужчинъ, докладчица сердито покосилась на него. Этотъ взглядъ какъ будто говорилъ: «а ну, что ты можешь сказать, кромѣ глупостей?»

¹⁾ Я передаю аргументы буквально.

II.

— Я не только теоретически сочувствую политическому равноправію женщинъ, но многіе изъ присутствующихъ здѣсь знаютъ, что мое сочувствіе проявляется конкретно,—началь оппонентъ.

— Кто это?—спросилъ я шопотомъ у сосѣда. Мнѣ назвали имя извѣстнаго коммонера-радикала.

— Я признаю эволюціонные и революціонные способы политической борьбы и знаю, что въ нѣкоторыхъ странахъ, въ извѣстные моменты послѣдніе являются иногда абсолютной необходимостью. Когда врагъ не дозволяетъ никакихъ способовъ конституціонной борьбы, то онъ самъ показываетъ, такимъ образомъ, путь милитантамъ. Являются тогда революціонныя выступленія, *всегда* направленные противъ политическаго врага и имѣющія цѣлью ослабленіе его. Каждое партизанское выступленіе *цѣлесообразно*, оно логично въ извѣстномъ смыслѣ. Я—врагъ синдикализма и считаю это движеніе вреднымъ для рабочаго класса; еще болѣе я осуждаю «sabotage», но я готовъ признать извѣстную логичность даже въ порчѣ машинъ, такъ какъ тутъ озлобленные рабочіе желаютъ причинить возможно больше вреда своимъ врагамъ-хозяевамъ. Теперь спокойно и безпристрастно разсматривая какъ «протесты», приведенные докладчицей, такъ и другія партизанскія выступленія, я никакъ не могу усмотрѣть въ нихъ ничего революціоннаго, ничего цѣлесообразнаго. Вотъ, напр., выступленіе, практикуемое бирмингэмскими милитантками. Ночью онѣ набиваютъ въ замочныя скважины наружныхъ дверей дробинки, къ которымъ привязаны на ниточкахъ билеты съ надписью: «Вся эта тактика прекратится, если вы потребуете, чтобы женщинамъ дали политическія права». Въ результатѣ то, что возвращающіеся домой не могутъ всунуть ключъ и открыть двери. Почему это набиваніе замочныхъ скважинъ дробинками надо назвать «партизанскимъ выступленіемъ» да еще по примѣру Гарибальди?

Возьмемъ теперь взрывъ коттэджа, которымъ такъ гордятся сейчасъ милитантки. Въ недостроенномъ домѣ была оставлена семифунтовая жестянка пороха съ длиннымъ фитилемъ.

Коттэдждъ снятъ Ллойдъ-Джорджемъ, т.-е. самымъ радикальнымъ министромъ, котораго когда-либо имѣла Англія, и самымъ рѣшительнымъ изъ всѣхъ членовъ кабинета, послѣ сэра Эдуарда Грея, сторонникомъ женскаго равноправія. Домъ принадлежитъ сэру Джорджу Гидельсу, радикалу и собственнику «News of the World». Сэръ Джорджъ въ своей газетѣ постоянно отстаивалъ политическое равноправіе женщинъ. Онъ же нѣсколько разъ заплатилъ штрафы за милитантокъ, осужденныхъ за битье стеколъ, и такимъ образомъ избавилъ суффражистокъ отъ тюрьмы. Гдѣ логика въ взрывѣ дома? Почему это будетъ революціонное выступленіе, а не движеніе въ сторону наименьшаго смысла? И любопытно то, что, чѣмъ болѣе друзья политическаго освобожденія женщинъ доказываютъ всю несообразность тактики милитантокъ, тѣмъ настойчивѣе проводится она. Нѣсколько женщинъ не могутъ испугать націю, если будутъ надоѣдать ей битьемъ стеколъ. У власти теперь радикальное министерство, которое не желаетъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, имѣющимся въ распоряженіи каждаго правительства. Мнѣ говорятъ: «милитантки, дѣлающія боевыя выступленія, преисполнены энтузіазма и самоотверженности». Я не стану спорить, такъ какъ касаюсь только *цѣлесообразности* выступленій и выясняю лишь логику ихъ. Энтузіазмъ и самоотверженность бываютъ иногда направлены на совершенно нелѣпыя дѣйствія. Въ Каирѣ въ прошломъ году я видѣлъ у мечети султана Гассана воющихъ дервишей. Они вертѣлись до обморока, брали въ ротъ раскаленные угли, втыкали себѣ въ руки гвозди, царапали грудь ножомъ. Воющіе дервиши были увѣрены, что вся эта тактика приведетъ ихъ прямо въ рай. Они совершенно искренны, но тѣмъ не менѣе я считаю ихъ выступленія нецѣлесообразными.

Я только что прочиталъ англійскій переводъ крайне интересной книги великаго русскаго писателя. Озаглавлена она «Home Life in Russia». Тамъ есть дневникъ одного душевнобольного, вообразившаго себя испанскимъ королемъ. Этотъ больной приходитъ къ выводу, что земля должна сѣсть на луну, и спѣшитъ въ залу Государственнаго Совѣта съ тѣмъ, чтобы дать приказъ полиціи не допустить такого событія. Бритые гранды, которыхъ испанскій король засталъ въ залѣ Государственнаго Совѣта, были народъ очень самоотверженный. Когда король крикнулъ имъ: «Господа, спасемъ луну, потому что

земля хочет съестъ на нее!», то всё въ ту же минуту бросились исполнять монаршее желаніе и многіе полѣзли на стѣну съ тѣмъ, чтобы достать луну. Гранды, конечно, глубоко вѣрили, что спасаютъ луну; они рисковали разбиться, карабкаясь на стѣны; но можемъ ли мы утверждать, что именно этотъ методъ дѣйствія самый цѣлесообразный?»

Поднялась настоящая буря. Дамы кричали: «Shame!» «Это не аргументъ!»

— Почему же намъ не даютъ тѣ права, которыхъ мы требуемъ?—крикнула молодая дама съ горящими глазами и влажными щеками, нервно дергая жемчужный съ алмазами фермуаръ, только что вошедшій въ моду.

— Мужчины забрали себѣ все. Они сдѣлали насъ рабынями. Мы протестуемъ противъ этого какъ умѣемъ!—подала голосъ другая дама.

— Мы не хотимъ законовъ, созданныхъ мужчинами!

Испанка изъ Аргентины поблѣла. Она вся дрожала отъ волненія. Черные подведенные глаза блестѣли и отъ возбужденія и отъ морфія.

— Мужчины безжалостны вообще!—заговорила она на ломаномъ, но понятномъ англійскомъ языкѣ. — Они такъ же жестоки въ политикѣ по отношенію къ женщинѣ, какъ и въ интимныхъ отношеніяхъ. Они неумолимы. Жена говоритъ имъ: «Я люблю тебя. Я была твоя, все еще твоя и буду твоей. Видишь эти морщины на лбу моемъ? То борозды, проведенныя мыслями о тебѣ. Estos robes pechos míos (отъ волненія она перешла на родной языкъ):—эта бѣдная грудь увяла, вливая жизнь въ твоихъ дѣтей». Что же намъ отвѣчаетъ мужчина? «Слушай! не надо быть истеричкой. Замолчи. Ты становишься такой некрасивой, когда плачешь!» Мужчины требуютъ отъ насъ послѣдовательности и логики! О, они сами послѣдовательны и логичны: когда мы старѣемъ, становимся некрасивыми и надоѣдаемъ имъ, они насъ покидаютъ! Смѣлые и жестокіе дѣлаютъ это открыто. Трусы и самодовольные обманываютъ насъ потихоньку! Мужчины теперь выставляютъ разныя возраженія противъ женщинъ, добивающихся политическихъ правъ. Причина очень простая: рабовладѣлецъ боится потерять невольницу.

Раздались бурные аплодисменты.

— Почему мужчины не помогутъ намъ въ борьбѣ? Мы хотимъ тѣхъ же правъ, которыми пользуются они.

— Какъ юристъ, я замѣчу, что это было бы невыгодно милитанткамъ,—спокойно вставилъ слово пожилой джентльменъ съ сѣдыми старомодными бакенбардами.—Десятаго апрѣля 1883 года прошелъ законъ, спеціально направленный противъ ирландскихъ террористовъ. Соверши ирландцы поджогъ, какъ въ Ботаническомъ саду, они подлежали бы каторгѣ на 14 лѣтъ. Если бы домъ Ллойдъ-Джорджа взорвалъ ирландецъ, онъ могъ бы пойти на пожизненную каторгу. Правительство выпустило послѣ трехнедѣльнаго заключенія милитантку, присужденную къ двумъ годамъ каторжныхъ работъ за поджогъ театра въ Дублинѣ. Вы видите, что женщинамъ даютъ преимущества, которыхъ не имѣютъ мужчины.

Теперь многія женщины заговорили вмѣстѣ и уже нельзя было разобрать, въ чемъ состоятъ отдѣльные доводы. Видно было только, что у многихъ женщинъ, находившихся въ залѣ, были свои обиды, свои *grievances*, какъ говорятъ англичане. Одна дама не могла занять службы, къ которой была вполне подготовлена образованіемъ. Дамѣ сказали, что хотя для мѣста требуется врачъ, но только мужчина, а не женщина. Другую даму возмущало, что ея садовникъ принимаетъ участіе въ выборѣ депутатовъ, а она—нѣтъ. Третья указывала на несправедливые законы о разводѣ. И почти все съ нескрываемой горечью говорили о томъ, что теперь семейная жизнь «*is a failure*» (т.-е. полное банкротство). И каждая дама, повидимому, была глубоко убѣждена, что феминизмъ это именно то, что ей нужно; что «*votes for woman*» это тотъ волшебный бальзамъ, который моментально залечитъ рану въ ея сердцѣ. Каждая дама обобщала свой единичный случай, свою обиду и возводила ихъ въ принципъ.

— Намъ измѣнили ирландцы,—волновалась очень нарядная дама съ длинной горностаевой накидкой на очень открытыхъ плечахъ.—Рабочая партія—нашъ врагъ. Кейръ-Гарди подлежитъ такому же наказанію плетьюми, какъ и *white slaves trafficker* (т.-е. какъ торговецъ невольницами): онъ насъ предалъ.

— Почему? Рабочая партія, а въ частности Кейръ-Гарди, все время мужественно стоитъ за всеобщее и равное избирательно право.

— Рабочая партія намъ измѣнила, потому что отказалась вышолнить наше требованіе, формулированное г-жей Панк-

херсть. Мы требовали, чтобы коммонеры-рабочіе голосовали противъ радикаловъ и вышвырнули нынѣшнее правительство, — объяснила дама въ горностаевой накидкѣ.

— Что вамъ изъ того, что у власти, вмѣсто радикаловъ, стоящихъ за эмансипацію женщины, какъ въ Норвегіи, явятся консерваторы?

— Хорошо будетъ уже то, что уйдетъ этотъ проклятый маленькій валліецъ, котораго всѣ ненавидятъ и который тянетъ налоги, гдѣ только можетъ! Намъ не нужно всеобщее избирательное право. Кухаркѣ Меджи, горничной Мери-Энъ и судомойкѣ Лайзи участіе въ выборахъ не нужно. Мы, женщины среднихъ и выше-среднихъ классовъ, сумѣемъ гораздо лучше защитить въ парламентѣ интересы Меджи, Мери-Энъ и Лайзи, чѣмъ онѣ сами. Консервативное министерство противъ допущенія Меджи и Лайзи къ избирательнымъ урнамъ; и оно дастъ право намъ, женщинамъ лучшихъ классовъ.

— Женщины желаютъ *полнаго* освобожденія, — заволновалась красивая дама.

И кровь, бросившаяся въ лицо дамы, свидѣтельствовала о сильномъ возбужденіи.

— Мы желаемъ *во всемъ* такихъ же правъ, какими пользуются мужчины. Для всего этого необходимы *новые* законы. Радикальныя перемѣны возможны только тогда, когда женщины попадутъ въ парламентъ.

— Въ Австраліи теперь введена всеобщая воинская повинность, — началъ нерѣшительно молодой человѣкъ...

— Ха-ха-ха! — зло засмѣялась красивая дама. — Вотъ вамъ образецъ мужской, столь восхваляемой логики! При чемъ тутъ Австралія и всеобщая воинская повинность? Какая цельность!

— Вы мнѣ не дали кончить, — спокойно продолжалъ молодой человѣкъ. — Мое утвержденіе не такъ ужъ бессмысленно. Я хотѣлъ сказать, что ни современный строй, ни существующія семейныя и общественныя отношенія не могутъ радикально измѣниться отъ того, что въ парламентъ попадетъ нѣсколько женщинъ. Для доказательства я хотѣлъ привести Австралію. Говорятъ, женщинамъ, по природѣ ихъ, дорогъ миръ и ненавистна война. Въ Австраліи джингоистская партія стояла за всеобщую воинскую повинность, тогда какъ остальное населеніе считало достаточнымъ милицію. Когда женщины полу-

чили избирательныя права, онѣ поддержали джинго и, такимъ образомъ, прошелъ теперь законъ, насадившій въ Австраліи милитаризмъ. Достаточно заглянуть въ любой нумеръ «Sidney Bulletin», т.-е. лучшаго и наиболѣе характернаго австралійскаго журнала, чтобы увидѣть, до какой степени все радикальныя элементы разъярены по поводу новаго закона. Одно участие женщинъ въ парламентскихъ дѣлахъ, да еще женщинъ богатыхъ не только не поведетъ къ новымъ радикальнымъ реформамъ, но, напротивъ, по всей вѣроятности, усилитъ консервативную партію. Крайне симптоматично то, что милитантки больше ненавидятъ Ллойдъ-Джорджа. Крайне знаменательно и то, что самая консервативная газета, «Morning Post», помѣстила прямо ликующую передовую статью на другой день послѣ взрыва коттеджа министра финансовъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать.

— Милитантство—первое *дѣйствительно* женское движеніе съ *дѣйствительно* женскою тактикой,—началь молчавшій до тѣхъ поръ извѣстный англійскій публицистъ.—До сихъ поръ женщины всегда, такъ или иначе, принимали мужскія идеи и тактику, выработанную мужчинами. Милитантки—вполнѣ оригинальны.

И, глядя на крупную, грузную фигуру публициста, съ большою, понурой, круглою головою, трудно было рѣшить, говорить ли онъ серьезно или пронизируетъ. Милитантки приняли замѣчаніе публициста, какъ похвалу, и стали шумно аплодировать...

III.

Я хочу подчеркнуть крайне серьезный характеръ суффражистскаго движенія въ Англійи. Какъ читатель могъ судить по отдѣльнымъ восклицаніямъ, вырвавшимся у дамъ, слушавшихъ докладъ, вопросъ о женскомъ освобожденіи гораздо шире, чѣмъ ставятъ его милитантки. Дѣло идетъ не только о томъ, получаютъ ли 1½ милліона состоятельныхъ и независимыхъ женщинъ доступъ къ избирательнымъ урнамъ. Передъ нами, какъ мнѣ пришлось уже указывать, одно изъ проявленій той великой революціи «съ открытыми предохранительными клапанами», которая происходитъ теперь въ Англійи. Мирныя

феминистки, не рѣшаясь отступить отъ старой терминологіи, говорятъ о дѣйствительномъ уравненіи правъ мужа и жены. Въ этомъ отношеніи крайне характерна агитаціонная пѣсня суффражистокъ, положенная на музыку лэди Страчи¹⁾. Бесѣдуютъ невѣста съ женихомъ.

«Когда мы повѣнчаемся, дорогой Джонъ, то станемъ дѣлать вмѣстѣ радость и горе. Мы будемъ итти вмѣстѣ рука въ руку, выпадетъ ли намъ ведро или ненастье».

«О, нѣтъ,—отвѣчаетъ Джонъ.—Не рука въ руку, дорогая. Вы будете слѣдовать позади и таскать бремя разныхъ заботъ, которыя я навалю».

Она. Когда мы повѣнчаемся, дорогой Джонъ, и когда у насъ появятся дѣти, мы оба будемъ воспитывать ихъ. Мы постараемся сдѣлать ихъ добрыми гражданами, намъ на радость и утѣху.

Онъ. О, нѣтъ! Вы будете качать колыбель и нянчить на рукахъ. Но когда дѣти подрастутъ и имъ минетъ семь лѣтъ, они будутъ принадлежать мнѣ, а не вамъ.

Она. Когда мы повѣнчаемся, дорогой Джонъ, я употреблю все усилія, чтобы развиться и чтобы стать умственно равной вамъ.

Онъ. О, нѣтъ, моя дорогая! Хотя вы безконечно милы, но ваши умственные способности ограничены. Обратите же вниманіе на то, что я говорю. Вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ думать.

Она. Когда мы повѣнчаемся, дорогой Джонъ, быть-можетъ, я найду, что жизнь течетъ слишкомъ медленно и однообразно.

Онъ. Какъ однообразно? Вы, вѣроятно, забыли, что семейный очагъ—единственная сфера женской дѣятельности. Можете ли вы желать большаго, если у васъ будетъ забота о томъ, чтобы мнѣ нравиться, и если я васъ буду утѣшать своею ласкою?»

Въ другой книжкѣ, изданной федераціей обществъ женскаго равноправія (National Union of Woman's Suffrage Societies), мы находимъ болѣе смѣлую постановку вопроса. Съ незапамятныхъ временъ,—доказываетъ авторъ,—у мужчины была двойная жизнь: семейная и социальная. Даже у первобытныхъ дикарей Австраліи, Полинезіи, Меланезіи, Африки и Америки мы находимъ своеобразное учрежденіе: «мужской домъ», куда женщины не допускаются. Здѣсь проходитъ вся социальная

¹⁾ «Woman's Suffrage Songs», стр. 8.

жизнь дикаря. «Мужской домъ» это—школа, университетъ, клубъ и часто храмъ дикаря. Путешественниковъ тоже принимаютъ въ «мужскомъ домѣ» и такимъ образомъ только мужчина узнаеть, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Женщина же живетъ *одною* жизнью. Съ незапамятныхъ временъ доступъ въ «мужской домъ», т.-е. къ соціальной, полной жизни ей запрещенъ. Въ силу того, что мужчина жилъ полною жизнью, онъ разрѣшилъ для *себя* вопросъ о половыхъ отношеніяхъ. «Теперь начинается вторая глава въ исторіи отношеній между полами,—продолжаетъ авторъ книжки, г-жа Дженъ Гаррисонъ.—Женщина, родившая мужчину, требуетъ также и для себя другой жизни, т.-е. соціальной. Женщинѣ, какъ и мужчинѣ, присущъ тотъ страшный половой импульсъ, который можетъ опустошать, хотя долженъ созидать. Теперь вопросъ поставленъ такъ: должна ли женщина жить полною жизнью, или вся ея функція ограничивается тѣмъ, чтобы принести новую жизнь? Если вѣрно, что женщина должна жить полною жизнью, то можетъ быть только одно разрѣшеніе вопроса. Полъ не долженъ быть ни игнорированъ ни атрофированъ. Еще меньше слѣдуетъ, какъ это дѣлается, одновременно и не признавать его и переоцѣнивать его значеніе. Половой инстинктъ самъ по себѣ—не соціальный; но онъ можетъ быть уравновѣшенъ широкой соціальной жизнью какъ для мужчины, такъ и для женщины. Такъ какъ мужчина сильнѣе, то онъ захватилъ себѣ соціальную жизнь и самъ разрѣшилъ для себя половой вопросъ. Теперь выступаетъ женщина, формулируя свои требованія старымъ тезисомъ: «*Homo sum, humani nihil a me alienum puto*» ¹⁾. Шире всего, по мнѣнію суффражистокъ, поставленъ вопросъ Джорджемъ въ выпущенной имъ въ 1913 г. книгѣ «*Woman and Tomorrow*». Это освѣщеніе вопроса съ точки зрѣнія женщины изъ среднихъ классовъ. Такъ какъ феминистки усиленно рекомендуютъ эту книгу, то я познакомлю читателей съ нею.

Феминизмъ часто смѣшивается съ политическимъ освобожденіемъ женщины (Suffragism), что въ высшей степени не точно,—говоритъ Джорджъ.—«Суффражизмъ» вполне выкристаллизовался уже, тогда какъ феминизмъ, подобно многимъ идеямъ, волнующимъ теперь человѣчество, только еще намѣчается, и въ этомъ, по увѣренію Джорджа, вся сила и надежда

¹⁾ Jane E. Harrison, B. L. D. «*Homo sum*», стр. 26—28.

движенія. Феминизмъ не имѣетъ ни фиксированныхъ формулъ, ни учебниковъ, ни традицій, ни лозунговъ. Болѣе того: сторонники феминизма ведутъ ожесточенную междуусобную войну. Феминизмъ напоминаетъ младенца, кости черепа котораго еще не срослись, такъ что видно еще, какъ бьется родничокъ подъ нѣжной кожей. Идея еще не закаменѣла и не скована догматомъ. Въ феминизмѣ еще избытокъ жизненныхъ силъ, вырывающійся иногда наружу въ истерическихъ проявленіяхъ. Феминизмъ пылокъ, безпокоенъ, охотно вступаетъ въ споры и въ любой моментъ готовъ крикнуть: «намъ измѣнили!» Подобно тому, какъ расплавленная лава, встрѣтивъ на пути какое-нибудь препятствіе, раздѣляется на нѣсколько потоковъ, феминизмъ, столкнувшись съ препятствіемъ, распадается на нѣсколько сектъ. Такова, впрочемъ, исторія каждаго прогрессивнаго движенія. Фабіанцы, независимая рабочая партія, социаль-демократы и синдикалисты, напр., враждуютъ другъ съ другомъ и относятся крайне подозрительно къ выступленіямъ своихъ соперниковъ. Либерализмъ распался на нѣсколько враждебныхъ толковъ: мы видимъ либераловъ-имперіалистовъ, либераловъ-ортодоксовъ, радикаловъ, «lid-labs», или рабочихъ, прошедшихъ въ парламентъ при содѣйствіи либеральной партіи. Даже консерватизмъ, какъ только онъ попытался стать прогрессивнымъ, т.-е. конструктивнымъ, распался на нѣсколько толковъ. Въ феминизмѣ, какъ во всѣхъ другихъ новыхъ движеніяхъ, по словамъ Джорджа, меньшинство интереснѣе большинства.

Феминизмъ, опредѣляетъ Джорджъ, это споспѣшествованіе женскимъ интересамъ. Болѣе конкретно феминизмъ стремится къ социальному и политическому освобожденію женщины и къ уравненію половъ. «Споспѣшествованіе женскому счастью и улучшеніе женской доли можетъ быть достигнуто разными путями. Значительное число европейцевъ все еще по отношенію къ женщинѣ проникнуто идеями, зародившимися въ гаремѣ. Правда вмѣсто слова «гаремъ» европейцы говорятъ «семейный очагъ», но заяцъ не станетъ рыбой отъ того, что мы назовемъ его карпомъ. Мужчины теперь нѣсколько уменьшили гаремныя строгости, но все еще вѣрятъ въ «сферу женской дѣятельности». Женщинъ не запираютъ больше на засовъ и на замокъ, но все еще ограничиваютъ сферу ихъ дѣятельности. Мужчина все еще требуетъ, чтобы женщина заботилась исклю-

чительно о пенатахъ и о главномъ домашнемъ богѣ: о мужѣ. Между тѣмъ, старинный тезисъ: «*Нomo sum, humani nihil a me alienum puto*» долженъ относиться не только къ мужчинѣ, но и къ женщинѣ. Мужчина, желающій отстранить женщину отъ нѣкоторыхъ занятій и стремящійся ограничить ея право на выборъ друзей и наслажденій, быть-можетъ, и любитъ ее, но особымъ образомъ, — какъ свою собаку. Соціальное и политическое освобожденіе женщины гораздо лучше передаетъ характеръ феминизма. Оно заключаетъ въ себѣ и суффражизмъ, но послѣдній не исчерпываетъ всего явленія».

Въ самомъ дѣлѣ, феминизмъ считаетъ суффражизмъ частью своей программы, — это одна изъ ступеней, ведущихъ къ цѣли. И требуется еще доказать, что феминизмъ не будетъ имѣть успѣха, если женщина *не* получитъ избирательныхъ правъ. Синдикализмъ показалъ, какіе громадныя результаты могутъ быть достигнуты помимо парламентской дѣятельности. Феминизмъ можетъ еще обратиться, какъ къ средству, къ «половому синдикализму» (*sex-syndicalism*). И это средство будетъ куда дѣйствительнѣе опусканія избирательной записки въ Лету избирательной урны. Феминистки утверждаютъ, — продолжаетъ Джорджъ, — что хотя умственные способности обоихъ половъ и различны по своему характеру, но не равны. Мы не хотимъ сказать, что женщина можетъ быть хорошимъ офицеромъ, капитаномъ корабля, судьей, министромъ иностранныхъ дѣлъ, желѣзнодорожнымъ сторожемъ или мясникомъ; но думаемъ, что законъ не долженъ мѣшать ей занять всѣ эти должности, если она хочетъ. Мы требуемъ, чтобы женщина тоже была внесена въ списокъ состоящихъ. Въ настоящее время мужское общество смотритъ на женщинъ или какъ на королеву, или какъ на низшія существа. Феминистки требуютъ равнаго отношенія ко всѣмъ человѣческимъ существамъ¹⁾. Впрочемъ, самое главное состоитъ не въ томъ, чтобы парламентскимъ путемъ устранить законы, не дающіе женщинѣ права быть священникомъ, государственнымъ дѣятелемъ или членомъ франкмасонской ложи. Феминизмъ долженъ реформировать не столько законы, сколько *состояніе мужского ума*, допустившее существованіе подобныхъ законовъ. Одна реформа законовъ не приноситъ еще большихъ перемѣнъ. Въ Новой Зеландіи и въ

¹⁾ W. L. George, «Woman and To-Morrow», стр. 2—6.

Норвегіи женщины теперь уравнины въ политическихъ правахъ съ мужчинами; но положеніе женщинъ тамъ не измѣнилось отъ этого въ значительной степени. Важно, чтобы измѣнилось совершенно *воззрѣніе* мужчинъ на многіе вопросы. Необходимо дѣйствительное равенство половъ.

По мнѣнію Джорджа, слѣдующій простой примѣръ выяснитъ только что высказанное положеніе. «Я не могу точно опредѣлить, когда именно женщины начали курить въ Англіи,—говоритъ онъ.—Повидимому, это совпало съ зарожденіемъ феминизма въ Англіи въ восьмидесятихъ годахъ, когда феминистки носили мужскіе котелки и воротнички. Но это не важно. Важно то, что въ первое время на каждую курившую женщину смотрѣли въ Англіи, какъ на проститутку. Затѣмъ, мало-помалу, англичане начали привыкать къ тому, что женщина тоже куритъ въ обществѣ. И теперь нигдѣ, кромѣ развѣ въ кругахъ *collet-monte*, не косятся на женщину, вынимающую папиросу изъ портсигара. Съ точки зрѣнія *суффражистокъ* это уже можно считать побѣдой, такъ какъ запрещеніе курить устранено. Но *феминистки* идутъ дальше. Курящая имѣетъ теперь нѣсколько виноватый видъ; она какъ будто извиняется или, что то же самое, бросаетъ кому-то вызовъ. Мужчины, смотрящіе на курящую англичанку, какъ будто «прощаютъ» ей. Феминизмъ требуетъ *простыхъ* отношеній. Женщина, желающая курить, спокойно достаетъ папиросу, а мужчина, не думая о «прощеніи», просто отдаетъ спичку, какъ товарищу. Вотъ нормальное отношеніе. Вотъ въ чемъ состоитъ разница между суффражизмомъ и феминизмомъ». Феминистки не думаютъ, что общество переродится, если устранится неравенство между мужчинами и женщинами; но зато онѣ придаютъ колоссальное значеніе тому, чтобы мужчины *забыли*, что когда-нибудь существовало неравенство. Важна не столько радикальная перемѣна *законовъ*, сколько коренной переворотъ *во взглядахъ*.

«Феминистки стремятся къ такому общественному строю, между членами котораго будетъ только естественная разница, установленная самой природой. Въ настоящее же время нелѣпо утверждать, что женщины и мужчины равны. Неравенство существуетъ,—продолжаетъ Джорджъ.—Взятая даже индивидуально, женщины теперь физически, умственно и духовно стоятъ ниже мужчинъ. Мы не думаемъ сказать, конечно, этимъ, что Жоржъ-Зандъ стоитъ ниже средняго носильщика; но хо-

тимъ сказать, что Жоржъ-Зандъ стоитъ ниже, напр., Бальзака, тогда какъ средній носильщикъ, въ общемъ, превосходитъ развитіемъ и общественными инстинктами свою жену. Отрицать эти факты,—продолжаетъ Джорджъ,—и противопоставлять величественной арміи геніевъ-мужчинъ отдѣльныхъ ласточекъ, какъ Жанна Д'Аркъ, Екатерина II или Мери Уолстонкрафтъ ¹⁾, совершенно нелогично». Существующее теперь неравенство—результатъ сложившихся вѣками отношеній мужчины къ женщинѣ, для которой выработана даже особая система воспитанія и образованія. «Я имѣю въ виду не начальное образованіе,—говоритъ Джорджъ,—потому что въ этомъ отношеніи подходящая система даже для мальчиковъ—еще вопросъ будущаго, а вообще воспитаніе и образованіе за предѣлами школьнаго учебника. Я имѣю въ виду воспитаніе характера, развитіе гражданскаго самосознанія и пробужденіе общественныхъ интересовъ. Теперь, въ общемъ, системы женскаго образованія не существуетъ еще ²⁾. Передъ нами школы, пичкающія дѣвочекъ любопытнымъ фаршемъ изъ артистическихъ обрывковъ и домашней экономіи. Важно не то, что кто-нибудь учитъ, а то, что ему позволяютъ знать. Тутъ опять проявляется особенный взглядъ феминистокъ. Мы считаемъ важнымъ не то, чтобы дѣвушки обучались, скажемъ, инженерному дѣлу, а достиженіе такихъ соціальныхъ условій, при которыхъ никого не удивляетъ, что дѣвушка слушаетъ лекціи въ политехникумѣ или въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія». Феминизмъ придаетъ гораздо больше значенія развитію характера женщины, чѣмъ тѣмъ знаніямъ, которыя она пріобрѣтаетъ.

¹⁾ Замѣчательная женщина XVIII вѣка, авторъ пламеннаго памфлета въ защиту женскаго равноправія—«*Vindication of the Rights of Woman*». Дочь Уолстонкрафтъ (и Годвина) была женою Шелли.

²⁾ Авторъ имѣетъ въ виду преимущественно Англію, гдѣ, параллельно съ *public schools* (гимназіями) для мальчиковъ, т.-е. со школами, имѣющими, конечно, и недостатки, но и громадныя достоинства, могутъ быть поставлены только совершенно невозможныя частныя «*high school*» для дѣвочекъ. Болѣе неудовлетворительныя среднія школы имѣются развѣ въ Испаніи.

IV.

«Вопросъ о характерѣ лежитъ въ корнѣ феминизма,—говоритъ Джорджъ.—Если большинство женщинъ дѣйствительно теперь такъ мелочны, тщеславны и эгоистичны, какими ихъ изображаютъ противники, то это потому, что въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ дѣлалось все, чтобы развить именно эти черты. По общественному положенію своему женщина—раба, и въ ней усиленно развивали черты рабыни». Но характеръ, выработавшійся вѣками, можетъ быть измѣненъ въ теченіе одного поколѣнія, если измѣнить внѣшнія условія. Наглядное доказательство мы видимъ въ Англій. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ здѣсь всѣ женщины изъ среднихъ классовъ представляли собою тѣхъ нелѣпыхъ фарфоровыхъ куколокъ, обширную коллекцію которыхъ находимъ въ романахъ того времени. Балла («Нашъ общій другъ») отличается отъ Агнесы («Давидъ Копперфильдъ») только тѣмъ, что одна брюнетка, а другая—блондинка, одна—дочь клерка, а другая—адвоката. Обѣ являются классическимъ примѣромъ того, во что превращается женщина, когда она совершенно отрѣзана отъ «мужского дома», т.-е. отъ соціальной жизни. Но вотъ внѣшнія условія въ Англій измѣнились. Во времена Диккенса женщина, зарабатывавшая свой хлѣбъ, была или Кэтъ, рисовавшая по фарфору никому ненужныя миниатюры, покуда на сцену не явился prince charmant изъ банкирской конторы, или Лиззи («Нашъ общій другъ»), бравшая шитье. И prince charmant изъ банкирской конторы, и прекраснодушный адвокатъ Райбёрнъ, влюбляющійся въ Лиззи Хексэмъ, считаютъ рисованіе по фарфору или шитье сорочекъ для заработка чѣмъ-то унижительнымъ. Дѣвушка должна выйти замужъ и затѣмъ быть довѣреннымъ «бурмистромъ» въ «вотчинѣ» своего повелителя, именуемой «home». И что же? Въ сравнительно короткое время Агнеса, Балла, Кэтъ и Лиззи превратились въ свободныхъ женщинъ. Одна изъ нихъ читаетъ лекціи въ женскомъ институтѣ или учитъ въ начальной школѣ, другая работаетъ на почтѣ; Кэтъ практикуетъ какъ врачъ; Лиззи Хексэмъ—фабричный инспекторъ. Она собираетъ много цѣнныхъ, тщательно провѣренныхъ фактовъ и обрабатываетъ ихъ сама.

Быть можетъ, читатели вспомнятъ шумный и веселый выводокъ дѣвиць, дочерей достопочтеннаго пастора Хорэса Крюлера («Давидъ Копперфильдъ»). Дѣвицы живутъ то у родителей, то у своей сестры Софи, которая замужемъ за единственнымъ въ своемъ родѣ Томми Традльсомъ (тѣмъ самымъ, который въ школѣ, когда его били нещадно за другихъ, утѣшался рисованіемъ скелетовъ на партѣ и на переплетахъ учебниковъ). Выводокъ дожидается жениховъ, а покуда ничего не дѣлаетъ, потому что тогда считалось неприличнымъ и унижительнымъ, если барышня изъ хорошаго общества ¹⁾ работали что-нибудь ради денегъ. Теперь «сестры Крюлеръ», вѣроятно, служатъ сидѣлками въ госпиталѣ (nurses). Я знаю двухъ сидѣлокъ. Отецъ одной былъ извѣстнымъ инженеромъ. Сестра другой—замужемъ за дипломатомъ, занимающимъ крупный постъ. Сидѣлки въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ родными, но предпочитаютъ свободу всему.

Такой типъ былъ бы невысказанъ во времена Диккенса. И прежде въ Англіи мужчина, къ какому бы классу ни принадлежалъ, часто самъ себѣ прокладывалъ дорогу, въ буквальномъ смыслѣ слова. Маркизь Солсбери, въ молодости, послѣ окончанія университета, поѣхалъ въ Калифорнію, гдѣ работалъ какъ простой пріискатель. (Тогда онъ еще не былъ наслѣдникомъ титула). Масса молодыхъ англичанъ, отцы которыхъ занимаютъ крупный постъ, послѣ окончанія средней или высшей школы получаютъ отъ родителей 100—200 ф. ст. и билетъ въ Австралію, въ Канаду или въ Британскую Гвіану. Тамъ они начинаютъ жить сперва на чужой фермѣ, чтобы пріучиться къ дѣлу, а потомъ—на своей. Теперь и сестры этихъ молодыхъ людей тоже иногда отправляются въ колоніи, чтобы тамъ проложить себѣ путь собственными руками. Въ самое короткое время народилась въ Англіи свободная женщина, смѣлая, рѣшительная, независимая. Но онѣ все-таки еще составляютъ исключеніе. «Если мы имѣемъ свободныхъ женщинъ, избавившихся отъ пороковъ, порожденныхъ многовѣковымъ рабствомъ, то неизмѣримо больше женщинъ дожидается еще освобожденія»,—говоритъ Джорджъ.—«Феминисткамъ совер-

¹⁾ Въ Англіи общественное положеніе пастора неизмѣримо выше, чѣмъ священника въ Россіи или въ католическихъ странахъ. Кларджимэнь—человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и часто связанъ семейными узами съ титулованнымъ дворянствомъ.

шенно не для чего доказывать, что каждая женщина представляет собою потенциал какой-нибудь ярко выраженной индивидуальности. Не надо это доказывать по той простой причине, что и не каждый мужчина обладает индивидуальностью. Сотни тысяч мужчин думают «как другие». Лѣнь, глупость, умственная неповоротливость и грубость, къ сожалѣнію, представляют собой черты, часто встрѣчающіяся въ современном мужскомъ обществѣ. И если женщина проявляет характеръ рабыни,—мужчина проявляет черты, свойственныя рабовладѣльцу. Въ общемъ этотъ рабовладѣлецъ эгоистиченъ, невѣжественъ и грубъ,—продолжаетъ Джорджъ.— Пусть насъ не ослѣпляютъ имена Рафаэля, Шекспира, Джорджа, Стивенсона и Достоевскаго. Правда, женщинъ-геніевъ еще не было; но онѣ еще не имѣли времени развиться»¹⁾.

Феминизмъ не думаетъ, что уравненіе мужчинъ и женщинъ выдвинетъ рядъ геніевъ. Геній это вообще случайность. Феминизмъ утверждаетъ, что лицъ, обладающихъ средними способностями, среди женщинъ не меньше, чѣмъ среди мужчинъ. Вотъ почему онѣ желаютъ, чтобы въ законодательствѣ слова «мужчина» и «женщина» замѣнены были словомъ «лицо» (person). Феминистки желаютъ произвести революцію въ правахъ, основанную въ экономической и матеріальной революціи. Въ известномъ отношеніи феминистки рассчитываютъ, что добьются успѣха при помощи политическаго освобожденія женщины, т.-е. суффражизма, но онѣ не основываютъ всѣхъ надеждъ только на одномъ политическомъ освобожденіи женщинъ... Феминистки хотятъ разрушить всѣ барьеры, охраняющіе привилегированныя профессіи мужчинъ, реформировать систему женскаго образованія и, если возможно, ввести и законы противъ роскоши. Открытіе доступа къ либеральнымъ и ученымъ профессіямъ явится результатомъ только упорной борьбы. Понадобится спеціальнѣйшій законъ, чтобы заставить корпорацію адвокатовъ и стряпчихъ открыть двери женщинамъ. Феминистки не столько цѣнятъ самый призъ, т. е. разрѣшеніе заниматься адвокатурой, сколько достиженіе новыхъ правъ. Клиенты все равно будутъ предпочитать адвокатовъ и стряпчихъ мужчинъ, даже если женщины явятся «штрейкбрехерами» въ корпораціи и понизятъ гонораръ. Феминисткамъ важно *теорети-*

¹⁾ «Woman and To-Morrow», стр. 12.

ческое право. «Въ Англии есть лэндлорды,—говоритъ Джорджъ,—имѣющіе право останавливать каждый поѣздъ, пробѣгающій по ихъ землѣ. Помѣщики вообще не примѣняютъ этого права, но разъ въ годъ они непременно останавливаютъ какой-нибудь поѣздъ, обыкновенно не курьерскій. Этимъ они желаютъ показать, что теоретическое право не пришло еще въ забвеніе. Точно таково же отношеніе феминистокъ къ многимъ профессіямъ, занятымъ теперь мужчинами. Мы не хотимъ матеріальныхъ выгодъ, связанныхъ съ новой профессіей; наша цѣль—вытравить изъ мужского умознанія, что женщина не можетъ быть стряпчимъ, королевскимъ совѣтникомъ¹⁾ или судьей. Мы хотимъ уничтожить всѣ ограниченія, потому что каждая ограничительная мѣра создаетъ рабовъ»²⁾. Феминистки желаютъ также уничтожить нѣсколько явныхъ нелѣпостей, какъ, напр., то, что Оксфордскій и Кембриджскій университеты не выдаютъ женщинамъ ученыхъ степеней,—говоритъ Джорджъ.—Феминистки не столько цѣнятъ эти степени, сколько признаніе за женщинами права имѣть эти дипломы. Конечно, женщина отлично знаетъ, что можетъ получить прекрасное образованіе въ тѣхъ университетахъ, куда доступъ ей открытъ теперь, но она желаетъ вытравить у братьевъ сознаніе, что нѣкоторыя высшія учебныя заведенія открыты только для нихъ, мужчинъ.

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ уже, что Джорджъ, который, по мнѣнію феминистокъ, лучше всѣхъ формулировалъ ихъ «grievances», т.-е. обиды и жалобы, говоритъ не столько объ обидахъ женщины вообще сколько о претензіяхъ женщины изъ средняго класса. Про работницу, получающую 12 ш. въ недѣлю; про продавщицу въ магазинѣ, которую ея семь шиллинговъ жалованья заставляютъ заниматься страшнымъ «подсобнымъ заработкомъ»; про миллионы тѣхъ женщинъ, которыхъ вся жизнь проходитъ, какъ на галерахъ,—феминистки ни разу не вспомнили. Мы не знаемъ, какимъ образомъ улучшится положеніе жены рабочаго, или продавщицы въ магазинахъ съ семью шиллингами въ недѣлю, если побѣдитъ не только «суффражизмъ», но даже и «феминизмъ», т.-е. если мужчины

¹⁾ King's Counselor,—почетное званіе, даваемое спеціальнымъ королевскимъ патентомъ наиболѣе выдающимся адвокатамъ. Судьи назначаются обыкновенно изъ «королевскихъ совѣтниковъ».

²⁾ «Woman and To-Morrow».

«забудутъ» даже, что когда-то думали, будто женщина не можетъ быть «королевскимъ совѣтникомъ». Чтобы «успокоить» жену рабочаго, феминизмъ, повидимому, знаетъ только одно героическое, какъ кажется феминисткамъ, средство: законы противъ роскоши ¹⁾. Джорджъ тутъ же спѣшитъ оговориться, что эти законы—единственное утопическое средство, рекомендуемое феминистками. «Трудно даже предсказать,—говоритъ авторъ,—когда можетъ пройти въ парламентъ билль противъ роскоши. По всей вѣроятности, раньше этого рухнетъ общество, а, между тѣмъ, такой законопроектъ абсолютно необходимъ,—увѣряетъ Джорджъ. Во-первыхъ, «женщина унижаетъ себя, когда стремится къ дорогимъ нарядамъ». Конечно, ее нельзя винить: «будучи рабыней, она должна наряжаться, чтобы пріобрѣсти покровителя и хозяина». «Законы противъ роскоши», или *Sumptuary laws*, конечно, не новинка въ Англии: они издавались не разъ; но феминистки не думаютъ идти такъ далеко, какъ, напр., пуритане. Собственно говоря, красивый и дорогой женскій нарядъ самъ по себѣ не плохая вещь. Конечно—соглашаются феминистки—платить пятьдесятъ гиней (500 руб.) за шляпу и 4000 гиней за соболью накидку нѣсколько неудобно; но, главнымъ образомъ, потому, что это приводитъ въ ярость женщинъ, не могущихъ тратить такъ много на туалеты. «Ярость рабочаго, видящаго богача въ автомобилѣ, ничтожна въ сравненіи съ гнѣвомъ дочери рабочаго, усмотрѣвшей дорогія страусовыя перья на шляпѣ жены богача,—говоритъ Джорджъ.—Я не сомнѣваюсь, что проституція, въ извѣстной степени, обусловливается стремленіемъ имѣть красивые наряды. Возможно,

¹⁾ При Эдуардѣ III изданъ законъ, направленный, главнымъ образомъ противъ того, что небогатые люди ѣдятъ слишкомъ хорошіе обѣды. Всѣмъ вообще запрещено имѣть болѣе двухъ перемѣнъ за обѣдомъ и ужиномъ. (*Statute 10. Edward III, chap. 3*). Другой законъ того же короля разрѣшаетъ носить шелкъ и украшать платье мѣхами только лицамъ имѣющимъ болѣе 100 ф. ст. годового дохода. Тридцать седьмой законъ того же короля точно указываетъ, какое именно платье и изъ какого матеріала приличествуетъ каждому по его званію. Послѣдній отзывъ этого закона слышится при коронаціи англійскихъ королевъ: церемоніаль точно указываетъ, какія мѣховыя обшивки на капюшонахъ мантий должны быть у бароновъ, виконтовъ, графовъ, маркизовъ и герцоговъ.

При Кромвелѣ была попытка нивелировать туалеты всѣхъ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ.

что впоследствии, когда женщина получит доступъ ко всѣмъ профессіямъ, стремленіе къ нарядамъ уменьшится; но желательнo,—говоритъ Джорджъ, чтобы это чувство совершенно атрофировалось» ¹⁾).

V.

Авторъ доказываетъ на всемъ протяжении своей книги, что въ настоящее время женщина несчастна въ своемъ «home», несчастна также, когда занимается какой-нибудь профессіей или искусствами. Еще болѣе несчастна она въ сферѣ чувства. «Имѣетъ ли женщина мужа или лишь ждетъ его, но только современные социальныя условія стремятся сдѣлать отвратительнымъ то, что должно быть прекрасно. Замужняя и дѣвушка, старая и молодая, богатая и бѣдная живутъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ блекнетъ и увядаетъ все прекрасное въ женщинѣ. Чувство направляется по искусственнымъ каналамъ. Наболѣе ненормальнымъ является положеніе дѣвушки» ²⁾. Современные экономическія условія заставляютъ милліоны мужчинъ воздерживаться отъ брака. Строй осуждаетъ ихъ на безбрачіе, но не на вѣчное цѣломудріе. Дѣвушки же, осужденныя экономическимъ строемъ на безбрачіе, устранены совершенно отъ обычаевъ личной жизни. Одинокая старость мужчины, не могущаго обзавестись семьей, страшна, но еще болѣе ужасна одинокая старость дѣвушки, увядшей не зная радостей жизни. Всѣ онѣ принесены въ жертву тому туманному идеалу, который именуется цѣломудріемъ. Культурные народы до такой степени убѣждены въ справедливости всего этого,—говоритъ Джорджъ,—что социальный остракизмъ ждетъ каждую дѣвушку, пренебрегшую установленнымъ кодексомъ. Только наболѣе независимымъ и талантливымъ женщинамъ дается молчаливое разрѣшеніе не считаться съ установленнымъ кодексомъ морали. Даже во времена королевы Викторіи, когда кодексъ установленный морали соблюдался особенно строго, въ Англійи признали свободное сожителство Льюиса и Джорджа Эллиотъ.

¹⁾ «Woman and To-Morrow», стр. 24.

²⁾ *Ib.*, стр. 158—159.

Теперь даже въ высшемъ англійскомъ обществѣ считаютъ за честь принимать знаменитыхъ художницъ, артистокъ или писательницъ, имѣющихъ незаконныхъ дѣтей, хотя обыкновенную женщину ждетъ полный остракизмъ, если станетъ извѣстно ея увлеченіе.

Много лѣтъ назадъ, говоря впервые на страницахъ *«Русскаго Богатства»* о Бернардѣ Шоу, который тогда былъ мало извѣстенъ даже въ Англии, я подробно указалъ, какъ англійская критическая мысль шла въ теченіе двухъ вѣковъ по направленію, являвшемуся запретнымъ на континентѣ... На этомъ пути критическая мысль оцѣнила по заслугамъ и разрушила все, что въ другихъ странахъ окружено недоступной стѣной. Зато другая область, на которую въ наиболѣе отсталыхъ странахъ искусственно направили критическую мысль, осталась неприкосновенной въ Англии. Я говорю о сферѣ семейныхъ и личныхъ отношеній. «Мы—практическіе люди,—формулируетъ въ этомъ отношеніи Тэнъ взгляды англичанъ,—и не желаемъ имѣть литературу, которая развращала бы жизнь. Мы вѣримъ въ семейное начало и не хотимъ литературныхъ произведеній, подтачивающихъ его. Мы—протестанты, и сохранимъ взгляды нашихъ предковъ-пуританъ на любовь». И каждый разъ, когда въ англійской литературѣ появлялся романистъ или поэтъ, пытавшіеся заглянуть въ заповѣдную для островитянъ область, поднимался отчаянный вопль. Такъ случилось съ Бронте и Грантъ-Аллэномъ, съ Свинберномъ, когда онъ былъ молодъ и неизвѣстенъ. Для извѣстныхъ поэтовъ существовалъ особый законъ, какъ для знаменитыхъ женщинъ: первымъ разрѣшалось говорить, что они хотятъ, а вторымъ—поступать, какъ имъ правится. Вотъ почему вся Англія не только не пришла въ негодованіе, когда появилась великая поэма Фицъ-Джеральда, прославляющая жизнерадостный нигилизмъ, но еще немедленно выучила стихи, проповѣдующіе любовь, наслажденіе жизнью и презрѣніе къ тѣмъ страхамъ, которыми пугали клэрджимэны въ своихъ проповѣдяхъ.

Итакъ, начиная съ девятнадцатаго вѣка, за немногими исключеніями, сфера личныхъ отношеній оставалась заповѣдной областью для англійскихъ писателей. Теперь, когда «вторженіе Діониса» наблюдается и въ области нравовъ, рогадки сняты. Немудрено, что авторы, только что переступившіе черту заповѣдной области, высказываютъ мысли, кажущіяся ужасно

новыми въ Англии, но въ достаточной степени шаблонными на континентѣ. Все это я написалъ по поводу слѣдующаго мѣста въ книгѣ Джорджа: «При настоящемъ строѣ дѣвушка обречена иногда на многолѣтнія страданія со времени наступленія половой зрѣлости. Она страдаетъ, скрывая это, сознавая, что страданія должны продолжаться, быть-можетъ, двадцать или тридцать лѣтъ, покуда время унесетъ ихъ навсегда вмѣстѣ съ молодостью. Дѣвушку кормятъ въ родительскомъ домѣ и защищаютъ подь условіемъ, что она отдастся только въ бракѣ. Ей разрѣшается дѣлать все, чтобы поймать въ тенета мужа, но ставится условіемъ «соблюденіе одной границы». И если охота удачна, дѣвушка присоединяется къ классу замужнихъ женщинъ, т.-е. передъ нею открываются новыя проблемы. Если всѣ усилія поймать мужа окажутся безрезультатными, дѣвушка страдаетъ физически и морально; она постепенно увядаетъ, теряетъ красоту, становится объектомъ дурацкихъ шутокъ и идиотскихъ куплетовъ, распѣваемыхъ въ мюзикъ-холлахъ. Надъ старѣющей дѣвушкой потѣшаются, но требуютъ въ то же время, чтобы она попрежнему высоко держала бѣлое знамя цѣломудрія. Причину этого требованія не трудно найти. Мужчина, преисполненный заботъ о *своемъ* потомствѣ, а не о расѣ вообще, хочетъ видѣть всѣхъ женщинъ непорочными, покуда онъ самъ не подойдетъ къ нимъ. Идея собственности такъ ясна, что Джонъ набросится съ кулаками на Генри за то, что тотъ сдѣлалъ сестрѣ Джона такое неприличное предложеніе, которое самъ Джонъ не задумается сдѣлать сестрѣ Генри. Джонъ замѣтитъ, конечно, слабость женщины и не преминетъ воспользоваться этимъ, но потомъ не допуститъ ее въ общество своей сестры, дочери и жены.

«Замѣнить желаніе самоотреченіемъ,—говоритъ Джорджъ,—означаетъ непониманіе желанія. И такъ какъ желаніе управляется въ значительной степени эмоціями, то въ современномъ обществѣ послѣднія должны быть атрофированы въ дѣвушкѣ». Феминизмъ, подходя къ страсти, не желаетъ читать проповѣдей, не хочетъ подчинить ее общественному контролю и не думаетъ объ «евгеникѣ», т.-е. улучшеніи расы. Пусть страсть будетъ таинственна, оболъстительна, жестока, эгоистична и альтруистична въ то же время. И прежде всего—эгоистична ¹⁾.

¹⁾ Woman and To-Morrow.

Джорджъ набрасываетъ портретъ «новой женщины», какъ она представляется англійскимъ феминисткамъ. Она не похожа на свою уродливую мать, т.-е. на феминистку восьмидесятихъ годовъ, которая куреніемъ табака и ношеніемъ широкихъ шароваръ (bloomers) да высокихъ воротниковъ хотѣла походить на мужчину. Ей удалось убѣдить мужчинъ, что она не женщина. И то была Пиррова побѣда. «Теперь новая женщина научилась быть женственной,—говоритъ Джорджъ.—Она носитъ стильные туалеты Liberty, китайскія вышивки и умѣетъ со вкусомъ гладко убирать волосы. Измѣнился тотъ способъ, при помощи котораго новая женщина демонстрируетъ свою эмансипацію. Оригинальность и независимость проявляются теперь не въ наружности новой женщины, а въ складѣ ея ума, въ манерѣ думать и поступать». Она соглашается быть красивой и изящной, но желаетъ завоевывать, а не прельщать. Новая женщина смѣла, рѣшительна и поэтому властна. Теперь она не довольствуется тѣмъ, что будетъ равна мужчинамъ, а хочетъ свергнуть прежняго тирана и раздавить его. Обиды, перенесенныя новой женщиной, отравили ей мозгъ, и теперь ей надо унижить недавняго властелина, оборвать его, посрамить публично. Она поэтому постоянно говоритъ о достоинствахъ женщины въ присутствіи мужчинъ. Она поэтому похваляется своею ученою степенью, философскими книгами, которыя читаетъ, принадлежностью къ революціоннымъ обществамъ (къ союзу милитантокъ) и къ предосудительнымъ клубамъ. Новая женщина говоритъ объ этихъ клубахъ только потому, что знаетъ какъ непріятно мужчинамъ, что она туда ходитъ.

Новую женщину нельзя назвать «милой». До сихъ поръ такъ называли такую женщину, которую мужчина любитъ какъ занятную, красивую игрушку. Съ теченіемъ времени, когда боевой пыль пройдетъ, новая женщина убѣдится,—говоритъ Джорджъ,—что можно быть милой, оставаясь умной и независимой. Покуда не надо относиться слишкомъ строго къ рѣзкостямъ новой женщины, только что вышедшей изъ женскаго университета, изъ «нитомника» при Фабианскомъ обществѣ, или изъ того круга, для котораго Stage-Society ставитъ свои новыя пьесы. Эта молодая женщина щеголяетъ рѣзкостью манеръ, не стѣсняется зайти въ кабакъ за стаканомъ пива, когда хочется пить, высказывается за государственную помощь каждой матери и требуетъ «сегрегированія», т.-е. устра-

ненія изъ общества всѣхъ неприспособленныхъ. Новая женщина представляетъ собою одинъ громкій, несвязный, здоровый, боевой клетоть. Она порой нелѣпа, но она всегда великолѣпна. Жизненная сила кипитъ въ ней. Относитесь къ ней терпимо: свобода еще такъ нова для нея! Новая женщина пьяна еще сознаниемъ независимости. Только что выкрашенная желѣзная рѣшетка кажется очень красной; но съ теченіемъ времени краска потускнѣетъ на нѣсколько тоновъ. Пыль новой женщины тоже потускнѣетъ со временемъ. Теперь она избавилась отъ тираніи и вступаетъ въ царство свободы. Покуда это считается незаконнымъ, но съ теченіемъ времени предсудительное станетъ похвальнымъ.

Новая женщина не представляетъ собою женщину грядущаго,—говорятъ феминистки.—Будь это такъ, т.-е. если бы эти типы были тождественны, мужчина, какъ прирожденный эгоистъ, пожалѣлъ бы о женщинѣ стараго типа, а это обстоятельство,—говоритъ Джорджъ,—должно быть принято въ соображеніе. «Мужчина не такъ ужасенъ, какъ изображаютъ его нѣкоторыя феминистки. По-своему, онъ сильно любитъ женщинъ, хотя и относится къ нимъ покровительственно. Этотъ мужчина, для изображенія котораго многія феминистки не жалѣютъ самыхъ мрачныхъ красокъ, любитъ женщинъ сильнѣе, чѣмъ многіе безкровные, анемичные феминисты, ломающіе теперь копыя за женщинъ, потому что въ политическихъ партіяхъ ихъ слабыя силеньки ненужны. «Эгоиста» надо убѣдить, ему надо обѣщать, что новая женщина будетъ гораздо милѣе, привлекательнѣе и интереснѣе прежней. Иначе «эгоистъ» будетъ бороться и отчаянно защищаться, а феминистки отнюдь не хотятъ, чтобы онъ устроилъ себѣ шанцы изъ избирательныхъ урнъ, судебныхъ разьясненій и, самое главное, изъ предубѣжденій. Мы не презираемъ мужчину-«эгоиста» за то, что онъ эгоистъ: убѣжденный и сильный эгоистъ можетъ оцѣнить идеалы и поэтому въ состояніи сдѣлаться новообращеннымъ. Когда женщины освободятся отъ рабства и пересоздадутъ общество согласно своимъ идеаламъ, онѣ въ особенности будутъ цѣнить сильныхъ и смѣлыхъ эгоистовъ. Женщина тогда тоже будетъ эгоисткой, стремящейся, прежде всего, къ собственному счастью, а потому готовой вступить въ союзъ съ эгоистомъ» ¹⁾).

¹⁾ Ib. стр. 177—179.

Конечно, мужчина, не прогрессирует теперь такъ стремительно, какъ женщина,—говоритъ Джорджъ,—но онъ все-таки не совсѣмъ закаменѣлъ, а потому въ состояніи оцѣнить стремленіе женщины къ умственной, экономической и социальной свободѣ. Въ сущности говоря, для мужчины же лучше, если женщина будетъ свободна въ экономическомъ отношеніи. Теперь у женщины нѣтъ свободнаго выбора, когда она выходитъ замужъ. Она считается съ экономическими соображеніями: для нея мужъ это тотъ, который помогаетъ ей перейти изъ дѣвичьяго клана, зависимаго отъ родителей, въ кланъ замужнихъ женщинъ. О страсти, о сильномъ увлеченіи, большею частью, не можетъ быть даже рѣчи. Теперь мужчина ни въ какомъ случаѣ не можетъ знать, чѣмъ руководствовалась дѣвушка, выходя за него: любовью ли или желаніемъ имѣть «раумастера», т.-е. казначея ¹⁾. Новая женщина, которая, прежде всего, экономически независима, ищетъ только возлюбленнаго и друга, а не «казначея». «Вмѣстѣ съ экономической эмансипаціей женщины впервые наступитъ этотъ романтизмъ,—говоритъ Джорджъ.—Только тогда явится сильное, свободное, красивое чувство, считающееся лишь съ законами, выработанными любовью для себя. Обществу не будетъ никакого дѣла до интенсивности тѣхъ или другихъ темпераментовъ, такъ какъ государство не будетъ больше регулировать отношеній между полами. Оно не будетъ восхвалять полного воздержанія холодныхъ натуръ и не станетъ осуждать бурныхъ проявленій страстныхъ темпераментовъ. Въ обществѣ хватить мѣста для всѣхъ» ²⁾. Обязанностью государства явится охраненіе мира и забота о томъ, чтобы какъ пуритане, такъ и распутники не посягали на свободу другихъ гражданъ. Посяганіемъ на чужую свободу является теперь то, что общество, съ одной стороны, мѣшаетъ женщинѣ жить *полной* жизнью, а, съ другой, толкаетъ ее на занятіе проституціей. Феминизмъ стремится ввести не такъ называемую свободную любовь,—говоритъ Джорджъ,—а свободу выбора; что не одно и то же.

Въ настоящій моментъ такъ называемые свободные союзы

¹⁾ Рѣчь идетъ объ Англіи, гдѣ покупка мужей, т.-е. институтъ приданаго, совершенно неизвѣстна.

²⁾ «There should be in a Feminist State, room for the nymphomany, for the State has no business to regulate sex relations». («Woman and Tomorrow», стр. 184).

ничего не разрѣшаютъ, а только запутываютъ еще больше клубокъ отношеній между мужчиной и женщиной. Создается страшная антиномія, если женщина несвободна экономически. Съ одной стороны, современный бракъ большею частью является только профанаціей чувства. Романы и драмы во всѣхъ странахъ теперь содержатъ тезисъ, формулируемый англичанами такъ: «Marriage is a failure», т.-е. прежній институтъ брака обанкротился и создаетъ только несчастныхъ людей. Мужья винятъ въ этомъ банкротствѣ женъ, а жены—мужей. Съ другой стороны, свободный союзъ *въ настоящее время* ничего не разрѣшаетъ по той простой причинѣ, что всѣ выгоды такого сожителства достаются мужчинѣ, а всѣ невыгоды—женщинѣ.

Мужчина со сколько-нибудь развитымъ чувствомъ деликатности и нѣжности къ женщинѣ остановится теперь передъ тѣмъ бременемъ, которое свободный союзъ взваливаетъ на его подругу. «Свободный» союзъ подчиняетъ дѣвушку, если только она не независима экономически, какъ, напр., артистка, писательница, художница и т. д., еще большому порабощенію, чѣмъ самый неудачный формальный бракъ. Тотъ институтъ, который, по утверженію англичанъ, обанкротился, явился результатомъ извѣстныхъ экономическихъ отношеній. Поэтому, до тѣхъ поръ, пока строй общества не измѣнится, нормальный союзъ не будетъ выработанъ. О свободномъ союзѣ между мужчиной и женщиной можно будетъ говорить лишь тогда, когда *оба* участника будутъ дѣйствительно свободны. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ теперь только *одинъ* изъ участниковъ союза свободенъ, тогда какъ на другого участника накладываются дополнительные цѣпи.

Такимъ образомъ, феминизмъ прямо подходитъ къ явленію, причиняющему всюду безчисленныя страданія, и предлагаетъ правильное рѣшеніе. Когда женщина не свободна, «свободный союзъ» можетъ превратиться въ сожителство Лаевского съ Надеждой Федоровной («Дуэль» Чехова).

Надо ли подвести кое-какіе итоги?

Въ Англіи женщина въ XIX вѣкѣ всегда находилась далеко позади мужчины, смотря на все его глазами, мѣряя его мѣркой. Когда измѣнившіяся экономическія условія поставили англійскую женщину въ необходимость зарабатывать свой хлѣбъ и когда, параллельно съ этимъ, произошелъ вообще сдвигъ въ семьѣ, женщина впервые усомнилась въ томъ, что

дѣйствительно ли мужчина представляет собою такой непогрѣшимый авторитетъ, какимъ она считала его раньше. Начался бунтъ женщины противъ мужчины. Въ Россіи, при всемъ политическомъ гнетѣ, женщина во многихъ отношеніяхъ, благодаря идеямъ, распространеннымъ въ мыслящихъ слояхъ общества, не только равна мужчинѣ, но порою стоитъ даже впереди его. Вотъ почему англійскій суффражизмъ, перенесенный на русскую почву, былъ бы нелѣпостью.

У насъ *отдѣльнаго* женскаго вопроса существовать не можетъ. Совсѣмъ другое въ Англій. Здѣсь суффражистки, т.-е. женщины *средняго* и *высшаго* классовъ, стремятся къ тѣмъ дѣйствительно конкретнымъ правамъ, которыя принадлежатъ пока только мужчинамъ. Мы имѣемъ бунтъ англичанки *средняго класса* не только противъ политическаго неравенства, но и противъ женской доли вообще. Милліонъ съ четвертью англійскихъ дѣвушекъ, обреченныхъ на безбрачіе, добивается права на любовь. Женщины внесли въ борьбу настойчивость, рѣшительность и много темперамента, но очень мало логики (я говорю въ данномъ случаѣ только о милитанткахъ). Феминистское движеніе въ Англій—*классовое*, движеніе среднихъ и высшихъ классовъ. Въ особенности же это относится къ милитанткамъ. Въ подавляющемъ большинствѣ онѣ вполне сочувствуютъ консерваторамъ и враждебно относятся къ демократическимъ реформамъ послѣдняго времени. Надо ли лучшее доказательство, чѣмъ то, что милитантки объявили войну рабочей партіи? Трудно сдѣлать бѣольшую ошибку, какъ смѣшать милитантокъ съ революціонерами, прибѣгающими къ террору.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новая интеллигенція.

I.

«Трудно имѣть дѣло съ пошехонцами!—восклицаетъ Щедринъ.—Нельзя надѣяться на ихъ поддержку, нельзя рассчитывать, что обращенная къ нимъ рѣчь будетъ встрѣчена съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и вчера. Вчера существовало вѣщее слово, къ которому цѣлыя массы жадно прислушивались; сегодня—это же самое слово служить не призывнымъ лозунгомъ, а сигналомъ къ общему бѣгству. Да хорошо еще ежели только къ бѣгству, а не къ другой, болѣе жестокой развязкѣ». Явленіе это свойственно не одной только Россіи; всюду въ большей или меньшей степени «поумнѣвшій» пошехонецъ (не только русскій) прежде всего обрушивается на интеллигенцію, которую обличаетъ во всѣхъ преступленіяхъ и грѣхахъ. Одни пошехонцы обвиняютъ интеллигенцію въ томъ, что она посѣяла «смуты», т.-е. создала общественное движеніе. Другіе пошехонцы обвиняютъ ту же интеллигенцію за то, что движеніе не удалось. Процессъ травли, по всей вѣроятности, такъ увлекателенъ, что къ нему присоединяются прохожіе. Что, на примѣръ, русская интеллигенція сдѣлала англичанину Морису Берингу? А между тѣмъ, услышавъ однимъ ухомъ, что кого-то грызутъ, онъ вскочилъ тоже въ кругъ и, какъ купецъ Таракановъ у Глѣба Успенскаго, «почалъ конопатить, подставлять, да пристукивать, да засмаливать, раздавать лещей, судаковъ и осетровъ». «Русскій интеллигентъ»—это всякій, кто заправляетъ сорочку въ штаны, а не носитъ ее на выпускъ, съ кушакомъ»,—опредѣляетъ Морисъ Берингъ. А затѣмъ слѣдуютъ

уже «лещи, судаки и осетры». «Интеллигенція безбожна и признаетъ только одну мессу—черную». Она вся грѣшна противъ седьмой заповѣди и проникнута анархизмомъ. Для доказательства сердитый авторъ называетъ тѣ книги, которыми увлекается русская интеллигенція. И въ списокѣ этомъ читатель, ожидающій встрѣтить нѣчто ужасное, съ удивленіемъ находитъ Диккенса, г-жу Гемфри Уордъ, Бергсона и Милля. Такимъ образомъ, выходитъ, что Диккенсъ проповѣдуетъ свободный грѣхъ, г-жа Гемфри Уордъ—черную мессу, Бергсонъ—атеизмъ, а Милль—динамитъ.

Противъ той же злосчастной и многострадальной русской интеллигенціи г. Морисъ Берингъ, отстаивающій теперь въ Англіи вмѣстѣ съ г. Бернардомъ Персомъ идеалы официального націонализма, выступилъ съ комедіей «The Double Game», въ которой выведенъ идеальный провокаторъ, извѣстный писатель съ великосвѣтской фамиліей «Ракинть». Русская интеллигенція, узнаемъ мы изъ комедіи, только то и дѣлаетъ, что играетъ въ карты, пьетъ чай, объясняется въ любви, бросаетъ бомбы и выдаетъ другъ друга.

Травля интеллигенціи не есть что-либо новое. Это явленіе повторяется *каждый* разъ, когда начинается реакція. «Наука внушаетъ сомнѣніе,—писалъ у насъ въ эпоху реакціи при императорѣ Александрѣ I Морисъ Берингъ того времени, только болѣе талантливый.—Наука постоянно подвергаетъ государство опасности». А затѣмъ де-Местръ рекомендуетъ энергичныя мѣры противъ «иллюминатовъ» (тогда слово «интеллигенція» не было еще выдуманно). «Взволновались университеты, являются иступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада! Самъ князь тьмы, видимо, подступилъ къ намъ. Рѣдѣетъ завѣса, его окружающая... Слово человѣческое есть проводникъ адской мины, книгопечатаніе—орудіе его; профессора безбожныхъ университетовъ передаютъ юношеству тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ». Это не изъ современнаго движенія, а изъ доклада Магницкаго.

Интеллигенцію усиленно травилъ во время реакціи въ Италіи (въ концѣ XVIII в.). Въ одномъ Туринѣ прогнали двадцать пять профессоровъ, а народное просвѣщеніе поручено было полицейскому сыщику (кавалеру Сеска). Въ Пруссіи правительственный наемникъ, д-ръ Бенценбергъ, доказывая, что причиной всего зла является интеллигенція, рекомендовалъ

правительству Фридриха-Вильгельма III ее «немножко убавить». Генць, Шмальць, Коцебу, Кампць и др. казенные публицисты обличали «одичалыхъ профессоровъ и совращенныхъ ими студентовъ». Подозрительное австрійское начальство не довѣряло интеллигенціи, даже если она носила военный мундиръ. Въ арміи заведены были «агенты», которые должны были слѣдить за офицерами. «Цѣлый экспедиціонный корпусъ, посланный въ Неаполь въ 1821 году, былъ отданъ подъ надзоръ полиціи,—говорилъ Шпрингеръ.—Честолюбіе и корысть доводили полицію до безобразныхъ преувеличеній». Обвиненія интеллигенціи въ дряблости, слабости, малодушіи и другихъ грѣхахъ, выставляемыя въ эпоху разгрома общественныхъ движеній не полицейскими агентами,—повторяются съ математическою правильностью *въ каждой странѣ* въ эпоху реакціи. Всѣмъ этимъ обвинителямъ отвѣтилъ еще Салтыковъ въ эпоху нашей реакціи восьмидесятыхъ годовъ. «Въ послѣднее время многіе огульно обвиняли нашу интеллигенцію во всѣхъ неурядицахъ и неустройствахъ и предлагали противъ нея поистинѣ неслыханныя по своей нелѣпости мѣры... И никому не пришло на мысль сказать во всеуслышаніе хотя бы умѣренное слово въ защиту интеллигенціи. Хотя бы то, напримѣръ, что единичные факты слѣдуетъ судить единично же; что обобщенія въ подобныхъ случаяхъ—неумѣстны и вредны; что, наконецъ, если и можно забить интеллигенцію въ грязь,—что же тогда останется? Не будь интеллигенціи, мы не имѣли бы ни понятія о чести, ни вѣры въ убѣжденія, ни даже представленія о чело-вѣческомъ образѣ».

Иное отношеніе къ интеллигенціи мы наблюдаемъ въ прогрессивныя эпохи и въ нормально развивающихся странахъ. Тамъ ее не стануть травить огуломъ; но у класса, выступившаго на арену общественной жизни позднѣе, можетъ явиться недовѣріе къ интеллигенціи предшествующаго класса и стремленіе создать свою собственную. Классическимъ примѣромъ можетъ служить Англія, переживающая теперь, можетъ быть, самый серьезный кризисъ послѣ 1648 года. «Наша страна находится въ опасномъ положеніи вслѣдствіе соціального потрясенія,—констатируетъ Уэльсъ въ выпущенной имъ въ 1912 г. брошюрѣ.—Недовольство рабочихъ массъ не только крайне сильно, но еще нарастаетъ. Быть-можетъ, передъ нами начало настоящей и неотвратимой гражданской войны. Въ прошломъ

году во время коронаціи мы были глубоко убѣждены въ необыкновенной устойчивости всего нашего соціального зданія. Теперь для всѣхъ очевидно, что процессъ дезорганизаціи начался и распространяется. Безполезно утверждать, что рабочіе безпорядки могутъ быть разрѣшены простыми переговорами между обѣими сторонами и взаимными уступками. Мы не видимъ возможности разрѣшенія сложнаго вопроса простымъ соглашеніемъ. У насъ на глазахъ дѣйствуютъ новыя силы и нарождаются новыя требованія. И для всего этого есть только одинъ точный терминъ: «революція» ¹⁾. Талантливый романистъ и проницательный соціологъ констатируетъ рожденіе въ Англіи новаго рабочаго.

«До послѣдняго времени англійскій рабочій былъ существомъ съ крайне ограниченнымъ кругозоромъ, куда входили только практичныя идеи. Отсутствие воображенія у англійскаго рабочаго, его узость и неспособность къ абстрактному мышленію приводили въ отчаяніе соціалистовъ и вообще проповѣдниковъ новыхъ теорій. Онъ отстаивалъ стачки, но только съ цѣлью опредѣленнаго увеличенія заработной платы или столь же опредѣленнаго сокращенія числа рабочихъ часовъ. Нынѣ дѣйствующую систему производства англійскій рабочій принялъ какъ нѣчто неизблемое, неизмѣнное. Онъ относился къ ней такъ же, какъ къ существованію земли или солнца. И вотъ теперь,—продолжаетъ Уэльсъ,—все измѣнилось. На смѣну старому поколѣнію рабочихъ явилось новое. И люди, въ рукахъ которыхъ находятся наша промышленность и государственныя дѣла, повидимому, еще не уразумѣли всю важность новаго явленія. Англійскій рабочій начинаетъ теперь устраивать безпримѣрныя стачки противъ всей промышленной системы и противъ основныхъ условій труда. Новыя стачки не имѣютъ опредѣленной, конкретной цѣли, какъ раньше. Превжнія стачки представляли собой форму сдѣлки, правда, неуклюжую и, порою, грубую. Новыя стачки являются не столько результатомъ желанія поторговаться съ предпринимателями, сколько взрывомъ темперамента. И прежде всего необходимо себѣ уяснить, что настроеніе рабочихъ классовъ радикально измѣнилось за послѣднее время... Англійскій рабочій можетъ думать теперь не только о своемъ пивѣ и о своей собацѣ. На смѣну ста-

¹⁾ Н. G. Wells, The Labour Unrest, p.p. 1—2.

рому рабочему явился человекъ, имѣющій глаза, хотя и не вполне зоркіе; умѣющій критически относиться къ дѣйствительности, хотя судящій иногда поспѣшно и несправедливо. Нынѣшній рабочій читаетъ, обсуждаетъ и имѣетъ опредѣленные общіе взгляды. Въ умственномъ отношеніи онъ стоитъ теперь гораздо ближе къ командующему классу, чѣмъ къ рабочему, какимъ онъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Современный политическій дѣятель или магнатъ промышленности не обладаютъ лучшимъ образованіемъ, чѣмъ ихъ предшественники полвѣка тому назадъ. Что же касается современнаго англійскаго рабочаго, то онъ анализируетъ тысячу такихъ вещей, которыя отецъ его принималъ безъ всякой критики, какъ нѣчто существующее отъ вѣка и долженствующее пребывать такъ до окончанія міра.

«Въ числѣ прочихъ вопросовъ современный англійскій рабочій постоянно задумывается надъ тѣмъ, почему это именно онъ обязанъ выполнять тяжелую, неинтересную, плохо оплачиваемую работу. Рабочій прежняго типа,—продолжаетъ Уэльсъ,—ссорился иногда съ хозяиномъ, но не возводилъ обвиненія противъ *всѣхъ* предпринимателей. Онъ принималъ законъ, государство и церковь именно за то, за что они выдавали себя. Прежній англійскій рабочій требовалъ только лишній шиллингъ или больше часомъ на отдыхъ. Дальше этого рабочій не шелъ. Новый рабочій, съ другой стороны, подвергъ суду всю социальную систему и вынесъ ей обвинительный приговоръ. Онъ анализируетъ не только намѣренія, но и способности командующаго класса. Таковы новыя условія. Рабочій новой формации преисполненъ недоувѣрія и подозрительности, что дѣйствуетъ на него деморализующимъ образомъ.—Онъ напоминаетъ матроса, не доувѣряющаго больше ни добросовѣстности, ни способности капитана. Руководимый отчаяніемъ и презрѣніемъ, матросъ настойчиво думаетъ о захватѣ корабля командою. Какъ это осуществить и что дѣлать съ захваченнымъ кораблемъ, матросъ не знаетъ. Рабочій похожъ также на солдата, одержимаго навязчивой идеей, что ничто, кромѣ смерти неспособнаго офицера, не можетъ спасти положенія дѣла. Подозрительность англійскаго рабочаго новой формации такъ велика, что онъ перестаетъ вѣрить не только въ предпринимателя, но также и въ то, что законъ или парламентъ могутъ улучшить положеніе трудящихся массъ. Такимъ об-

разомъ рабочій доходить до мысли объ общей стачкѣ и о преступной стачкѣ, если мы ее сдѣлаемъ таковою примѣненіемъ репрессивныхъ мѣръ» ¹⁾.

«Англійскіе рабочіе гораздо лучше могутъ опредѣлить свои жалобы, чѣмъ то, какимъ способомъ установить нормальныя отношенія»,—констатируетъ другой вдумчивый наблюдатель. «Они требуютъ болѣе справедливаго распредѣленія богатствъ, чрезмѣрное накопленіе которыхъ наблюдаютъ постоянно. Рабочая плата остается неизмѣнной, хотя условія жизни становятся болѣе тяжелыми. Распространеніе образованія принесло съ собою расширеніе понятія о человѣческихъ правахъ. Рабочіе открыли, что они—сила» ²⁾. Наблюдатель отмѣчаетъ тотъ же фактъ, что и Уэльсъ, а именно—страшное недоувѣріе новаго англійскаго рабочаго ко всему тому, что исходитъ отъ командующихъ классовъ, и, между прочимъ, недоувѣріе къ парламенту. «Не надобенъ намъ парламентъ!—восклицаетъ Томъ Мэнъ, обращаясь къ ливерпульскимъ рабочимъ.—Сколько лѣтъ сидѣли въ парламентѣ представители отъ углекоповъ! А что они сдѣлали? Нѣтъ, мы сами теперь будемъ воевать! Общественную машину приводить въ движеніе трудъ рабочихъ, и рабочіе теперь остановятъ механизмъ до тѣхъ поръ, покуда ихъ требованіе не будетъ удовлетворено. И такимъ образомъ мы будемъ дѣйствовать, покуда трудъ заберетъ себѣ все и покуда капиталъ перестанетъ существовать. Зачѣмъ намъ парламентъ?» Не довѣряя «капитану», «матросы» отрицательно относятся ко всему тому, что слышали отъ него. Такимъ образомъ, между прочимъ, они пожимаютъ плечами, когда «капитанъ» говоритъ о патріотизмѣ. «Во имя патріотизма понижали нашу заработную плату и учили насъ ненавидѣть другъ друга. Патріотизмъ—одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ, при помощи которыхъ рабовъ заработной платы держатъ въ цѣпяхъ... Имъ говорятъ про любовь къ родинѣ? У нихъ нѣтъ ея. Про любовь къ знамени? Оно развѣвается не для нихъ. Про привязанность къ тому мѣсту, гдѣ они впервые увидѣли свѣтъ? Никто не любитъ трущобъ. Про радостныя воспоминанія, связанныя съ мѣстомъ дѣтскихъ игръ? Радостныя воспоминанія не могутъ быть связаны съ фабричнымъ поселкомъ. Гово-

¹⁾ *Ib.*, p. 4.

²⁾ «Daily News», May 28.

рять ли имъ про любовь къ материнскому языку? Они знаютъ только жаргонъ рабовъ, каждое слово котораго означаетъ утомительный трудъ или вынужденную праздность. Любовь къ расѣ? Капитализмъ заставилъ ихъ работать рядомъ съ людьми всякаго рода и подъ всеми широтами. Рабы заработной платы стали космополитами»¹⁾).

Невольно припоминаются слова Тиверія Гракха, приводимыя Плутархомъ. «Дикіе звѣри, бродящіе по Италіи, имѣютъ свои логовища и берлоги, но люди, которые сражаются и умираютъ за Италію, блуждаютъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, безъ дома, безъ крова. У нихъ нѣтъ ничего, кромѣ воздуха да солнечнаго свѣта. Когда передъ битвой полководцы убѣждаютъ ихъ сражаться за семейный очагъ и за могилы предковъ, они говорятъ—ложь. У несчастныхъ нѣтъ ни семейнаго очага, ни могилъ предковъ. Они сражаются и умираютъ, лишь чтобы защищать чужія богатства и роскошь». Любовь къ родинѣ и патриотизмъ—великія слова, несмотря на то, что захватаны грязными руками. Но нельзя требовать отъ только что прозрѣвшихъ рабовъ, спины которыхъ еще носятъ слѣды свѣжихъ рубцовъ, чтобы они приходили въ умиленіе отъ лозунговъ, которые покуда надобны только рабовладѣльцамъ и надсмотрщикамъ! Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что синдикалисты горько глумятся надъ однимъ изъ трогательныхъ англійскихъ гимновъ: «Впередъ, Христовы воины!» Пародія гласитъ:

Onward, Christian Soldiers,
On to heathen lands,
Bibles in your pockets,
Rifles in your hands;
And if of your sermons
They be «having none»,
Spread the «blessing tidings»
With the Maxim Gun!»

(Впередъ, Христовы воины! Ступайте въ страну язычниковъ съ библіями въ карманѣ и съ карабиномъ въ рукахъ. И если язычники не захотятъ вашихъ проповѣдей, распространяйте благую вѣсть при помощи пулеметовъ).

Друзья рабочаго класса въ Англійи указываютъ теперь крайнимъ отрицателямъ, что они абсолютно не правы, когда

¹⁾ «The Industrialist» (Органъ синдикалистовъ). May 1912, г 5.

отвертываются даже отъ парламента. «Группированіе рабочихъ является отвѣтомъ на концентрацію капитала. Между двумя воюющими сторонами стоитъ парламентъ, представляя собою общественный порядокъ и экономическую справедливость. Онъ можетъ сдѣлать очень много для удаленія причинъ недовольства со стороны рабочихъ. Парламентъ уже осуществилъ такія реформы, какъ государственная пенсія для стариковъ и государственное страхованіе. Въ ближайшемъ будущемъ должна пройти реформа о возвращеніи земли народу. Но парламентъ на этомъ не долженъ остановиться. Передъ нимъ лежитъ трудная задача, заключающаяся въ томъ, чтобы рабочимъ должна быть гарантирована прямая и болѣе справедливая доля въ производимыхъ богатствахъ» ¹⁾.

Такой испытанный борецъ за права пролетаріата, какъ Кейръ-Гарди настолько совѣтуетъ рабочимъ использовать парламентъ. «Соціальная проблема не будетъ и не можетъ быть разрѣшена стачками, хотя бы даже онѣ приняли грандіозный интернаціональный характеръ, — говоритъ Кейръ-Гарди. — Опытъ послѣдняго времени доказалъ, что рабочимъ необходимо имѣть контроль надъ парламентомъ. Стачка только можетъ улучшить положеніе рабочихъ, но она никогда не поведетъ къ революціи. Стачечники могутъ подготовить почву для принятія билля о минимумѣ заработной платы, но только одинъ парламентъ можетъ націонализировать рудники, желѣзныя дороги и другія промышленныя предпріятія. Такимъ образомъ, политическая, парламентская дѣятельность можетъ быть революціонной, тогда какъ прямыя выступленія являются только палліативами. Грандіозная стачка можетъ помочь политической дѣятельности, но не въ состояніи замѣнить ее. Чтобы добиться свободы, рабочіе классы должны имѣть въ своихъ рукахъ государственную машину, т.-е. парламентъ. Стачка же, хотя и имѣетъ воспитательное значеніе, не дѣлаетъ ничего для достиженія подобнаго контроля. Покуда у командующаго класса въ рукахъ военная и гражданская силы, онъ является хозяиномъ положенія. За него—пресса, полиція, солдаты и судьи... Парламентъ это—та цитадель, на захватъ которой демократія должна теперь направить все свои силы» ²⁾.

¹⁾ «Daily News», May 28.

²⁾ «The Lessons of the Strike»; «Socialist Review», May 1912.

Отмѣчу заодно чисто англійское отношеніе части верхне-среднихъ классовъ къ бурному броженію въ массахъ. На-дняхъ ¹⁾ состоялся въ Лондонѣ большой годичный банкетъ муниципальныхъ корпорацій подѣ председательствомъ лорда Дерби. Гостями были видные консерваторы, какъ лордъ Чарльзъ Бересфордъ, сэръ Вильямъ Буль и др. Правительство было представлено на обѣдѣ министромъ земствъ и муниципалитетовъ. И когда сэръ Вильямъ Буль предложилъ тостъ «за министровъ его величества», представитель кабинета коснулся рабочихъ волненій. «Они существовали и будутъ существовать,—сказалъ министр.—И если бы волненія прекратились совершенно, то это былъ бы плохой признакъ для націи. Мы, англичане, всегда были націей недовольныхъ людей, народомъ, состоящимъ изъ ворчуновъ. По темпераменту и по уму мы представляемъ собою самый революціонный народъ въ мірѣ. Англичане наименѣе *военный*, но наиболѣе *воинственный* народъ на всемъ земномъ шарѣ. Та нація, рабочіе которой не устраиваютъ болѣе стачекъ, умираетъ. Нація, рабочіе которой довольствуются тремя пенсами въ день, не могла бы захватить весь міръ, прогрессировать и увеличиваться въ силѣ, какъ это сдѣлали мы».

Вы видите, что такому народу, который такъ смотритъ на бурное броженіе въ массахъ, рано читать отходную. Во всякомъ случаѣ, теперь на землѣ нѣтъ націи, которой придется пѣть надъ скончавшимся отъ внутреннихъ неурядицъ Джономъ Булемъ: «Зряче мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи!»

II.

Параллельно съ недовѣріемъ новаго англійскаго рабочаго ко всѣмъ кодексамъ командующаго класса, мы наблюдаемъ также недовѣріе къ интеллигенціи. Когда англійскіе средніе классы находились въ динамическомъ состояніи, значительная часть интеллигенціи, такъ или иначе, склонна была переоцѣнивать существующія цѣнности. Въ то время англійская мысль ширяла орломъ. Наука сдѣлала поразительныя

¹⁾ Писано въ 1912 году.

завоеванія. Достаточно назвать Ляйеля, Дарвина и Уоллеса. Англійское общество внимательно слѣдило за социальными опытами Роберта Оуэна. Герценъ, излагая дѣятельность великаго социального реформатора, говоритъ: «Онъ до того увлекся, что вдругъ сталъ проповѣдывать устрицамъ, чтобы они взяли свои раковины и пошли за нимъ. Устрицы обидѣлись и сочли его *анти-моллюскомъ*, т.-е. безнравственнымъ въ смыслѣ раковинной жизни и прокляли его». Но это было уже впослѣдствіи, а сперва всѣхъ увлекалъ опытъ въ Нью-Лэнеркѣ, и кто только не находился въ рядахъ восторженныхъ поклонниковъ Роберта Оуэна!

Вся англійская интеллигенція въ то время привѣтствовала народности, возставшія противъ своихъ угнетателей. Гарибальди оказанъ былъ въ ноябрѣ 1864 года въ Лондонѣ совершенно безпримѣрный пріемъ. «Трубы. Является идолъ массъ, единственная, великая народная личность нашего вѣка, выработавшаяся съ 1848 г., является во всѣхъ лучахъ славы. Все склоняется передъ ней, все ее празднуетъ, это воочію совершающееся *hero worship* Карлейля. Пушечные выстрѣлы, колокольный звонъ, вымпела на корабляхъ». (Изъ статьи А. И. Герцена «*Camisia Rossa*»). Въ то время не было, кажется, ни одного сколько-нибудь крупнаго англійскаго поэта, который не писалъ бы гимновъ въ честь революціи. Дизраэли, ни раньше, ни позже не писавшій стиховъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда онъ былъ уже вполне сложившимся торійскимъ вождемъ, написалъ, однако, поэму, и въ этой единственной поэмѣ своей воспѣлъ свободу, добытую съ оружіемъ въ рукахъ. Наиболее видные представители интеллигенціи, какъ Моррисъ, какъ Кингсли и др., посвящали себя всецѣло интересамъ трудящихся массъ. Затѣмъ эпоха подъема кончается; средніе классы приходятъ въ статическое состояніе, и значительная часть интеллигенціи начинаетъ невольно тяготѣть къ тому классу, изъ котораго вышла. Въ началѣ XX вѣка проф. Дайси одобрительно констатировалъ «исчезновеніе иллюзій» въ англійскомъ обществѣ.

Когда англійскіе средніе классы перешли въ статическое состояніе, среди нихъ нашлась небольшая группа социалистически мыслящей интеллигенціи, а въ самое послѣднее время рабочіе классы стараются создать свою собственную интеллигенцію.

«Перерой внимательный читатель всѣ газеты и журналы за десять лѣтъ, отъ 1873—1883 года, онъ врядъ ли нашель бы въ нихъ хотя бы упоминаніе про социализмъ,—говорить секретарь Фабіанскаго общества Эдуардъ Писъ ¹⁾.—Робертъ Оуэнъ, первый употребившій въ Англии слово *соціализмъ*, тогда уже давно отошелъ, а общества, созданныя имъ, распались. Производительныя общества, созданныя христіанскими социалистами, были забыты. Теорія индивидуализма властвовала надъ умами, и молодые радикально мыслящіе интеллигентные люди увлекались позитивной философіей Конта. Если въ ихъ умахъ возникало сомнѣніе, то только относительно того, могутъ ли они, вмѣстѣ съ Конгривомъ, молиться человечеству каждое воскресенье?»

Въ 1883 году первыя зерна новаго міровоззрѣнія были занесены въ Англию изъ Америки. Удивительно, что Марксъ, прожившій много лѣтъ въ Англии, не создалъ здѣсь сколько-нибудь сильнаго движенія среди англійской интеллигенціи. Маркса въ Англии сталъ впервые проповѣдывать Хайндмэнъ, образовавшій партію чистыхъ марксистовъ, которая, собственно говоря, состояла изъ него самого. Громадное впечатлѣніе на умы молодежи зато произвела книга Генри Джорджа. Хотя она, по авторитетному приговору современныхъ экономистовъ, была «full of bad economics» (полна плохихъ экономическихъ ученій), но она захватила англійскую молодежь страстностью тона и вѣрой въ то, что государство можетъ сдѣлать все въ вопросѣ о бѣдности и богатствѣ. Надо помнить, что англійская радикальная молодежь воспитывалась тогда на теоріяхъ о полномъ невмѣшательствѣ государства въ состязаніе между предпринимателями и рабочими. Затѣмъ сильное впечатлѣніе на молодежь произвелъ проф. Томасъ Дэвидсонъ, посѣтившій въ 1883 году Лондонъ. То былъ визионеръ и мистикъ, соединившій въ себѣ съ этимъ направлениемъ ума, какъ и другіе американскіе мистики, практичнаго, необыкновенно дѣловитаго янки. Дэвидсонъ проповѣдывалъ новый земной рай, представлявшій собою не то фаланстерій, не то Телэмское аббатство, какъ его описалъ Раблэ. Въ то время въ Англии возникала социаль-демократическая федерація, основанная Хайндмэномъ; но на университетскую молодежь произвелъ сильное впечат-

¹⁾ «The Fabian Society and its work»; «T. P.'s Magazine», 1911, II.

лѣніе Томасъ Дэвидсонъ. Подъ его вліяніемъ она заинтересовалась социализмомъ и сгруппировалась въ Фабіанское общество.

Около того же времени въ Лондонѣ возникъ Демократическій клубъ, просуществовавшій до 1896 года и сыгравшій извѣстную роль въ исторіи англійской интеллигенціи. «Въ Демократическомъ клубѣ,—говоритъ Джозефъ Бергесъ,—засѣдали тѣ смѣлые молодые умы, которые готовы были немедленно взяться управлять чѣмъ угодно: «Times'омъ», британскимъ флотомъ, судьбами имперіи или человѣчества. И увы! Въ комитетѣ находились люди, которые хотя стремились диктовать свои условія міру, но не въ состояніи были бы вести даже маленькую лавочку»¹⁾. Отзывъ очень ядовитый, хотя врядъ ли вполне вѣрный. Къ клубу принадлежалъ, напр., извѣстный въ свое время адвокат Томсонъ, который до самой смерти своей редактировалъ «Reynolds's Newspaper». Въ молодые годы одно время членомъ клуба былъ Хольдэнъ,—нынѣ лордъ Хольдэнъ; военный министръ и членъ кабинета. Но Демократическій клубъ захватывалъ, главнымъ образомъ, революціонно настроенныхъ иностранцевъ, попавшихъ въ Лондонъ, а не англійскую интеллигентную молодежь. «Насъ, молодыхъ людей, слушавшихъ осенью 1883 года лекцію профессора Дэвидсона, было человѣкъ двѣнадцать, не больше. Послѣдняя лекція была въ пятницу. И когда профессоръ уѣхалъ, мы рѣшили собраться черезъ недѣлю въ тотъ же день, чтобы обсудить вопросы, поднятые Дэвидсономъ. Съ тѣхъ поръ Фабіанское общество собирается по пятницамъ и будетъ собираться покуда не прекратится... Мы представляли собою группу молодыхъ, университетски образованныхъ людей, изъ которыхъ никто не былъ очень богатъ или аристократическаго происхожденія. Всѣхъ насъ объединяло серьезное отношеніе къ дѣлу и стремленіе проникнуть «до самаго корня».—Такъ рассказываетъ Писъ. Вскорѣ въ молодомъ обществѣ произошелъ расколъ, отдѣлившій «мистиковъ» отъ «экономистовъ». Прямые послѣдователи Дэвидсона рѣшили образовать «Братство взыскующихъ». Они устроили свою колонію близъ Кройдона (подъ Лондономъ), желая личной жизнью показать, что рай на землѣ возможенъ. «Братство взыскующихъ» поселилось въ прозанческомъ пред-

¹⁾ J. B u r g e s s The Rise and Progress of a Right Honourable, p. 32.

мѣсть и старалось воспитывать въ новомъ духѣ своихъ дѣтей. Оно издавало трехмѣсячникъ «Посѣвъ» и продержалось около 10—12 лѣтъ, а затѣмъ мирно скончалось.

«Экономисты» рѣшили, что никакимъ личнымъ совершенствованіемъ невозможно устранить зло на землѣ, а надобно убѣдить всѣхъ окружающихъ, что положеніе дѣль ненормально. Такъ какъ всѣ молодые люди принадлежали къ верхне-среднимъ и обезпеченнымъ классамъ, то у реформаторовъ было время ждать. «Мы взяли себѣ образцомъ полководца Фабія Кунктатора, спасаго тѣмъ, что умѣлъ ждать, Римъ отъ Аннибалы. Мы рѣшили, что примемся за дѣло только тогда, когда въ совершенствѣ изучимъ его и точно будемъ знать, какъ поступать. Мудрецъ подгоняетъ исторію, науку и метафизику сообразно своимъ потребностямъ. Эта философія теперь называется прагматизмомъ; но въ то время,—продолжаетъ Пись,—слово еще не было извѣстно. Нашимъ исповѣданіемъ, тѣмъ не менѣе, былъ прагматизмъ». Молодое общество выпустило свой «манифестъ», составляющій теперь № 1 въ интересной серіи «Fabian Tracts». Манифестъ озаглавленъ:

«Почему люди бѣдны?»

«Мы живемъ въ обществѣ, основанномъ на конкуренціи, въ которомъ капиталъ находится въ частныхъ рукахъ,—читаемъ мы въ манифестѣ.—Каковы результаты? Очень немногіе богаты, нѣкоторые зажиточны, большинство бѣдно, а массы прозябаютъ въ нищетѣ.

Справедлива ли, разумна ли эта система? Достояна ли она человѣчества? Можемъ ли мы улучшить ее?

До настоящаго времени вся эта система не была осуждена отчасти только потому, что мы охотно миримся со всѣмъ установленнымъ, а отчасти вслѣдствіе невѣжества и непониманія причинъ всѣхъ бѣдствій.

Система, основанная на соперничествѣ, предоставляющая каждому бороться противъ всѣхъ и дающая возможность немногимъ воспользоваться всѣми общественными богатствами, является продолженіемъ порядка, сложившагося въ вѣка открытаго и грубаго насилія. Къ этому порядку система прибавила рядъ такихъ низкихъ дѣлъ, что нѣтъ даже словъ для осужденія ихъ».

Дальше излагаются основы социалистическаго ученія. Что же нужно дѣлать теперь? Манифестъ заканчивается отвѣтомъ крайне характернымъ для фабіанцевъ.

«Напрасно вы будете учить въ вашихъ школахъ и проповѣдывать въ церквахъ! До тѣхъ поръ, покуда слѣпой идолъ соперничества не будетъ сброшенъ, и до тѣхъ поръ, покуда капиталъ будетъ пребывать въ частныхъ рукахъ,—страданія человѣчества не уменьшатся.

«Вы, живущіе въ роскоши, вспомните, что ваше благоденствіе и досугъ куплены цѣною чужихъ страданій. У васъ есть излишества, потому что другіе бѣдны. Мы хотимъ вѣрить, что человѣческія чувства не выжжены въ васъ золотомъ, доставшимся по наслѣдству. Отрекитесь отъ вашихъ излишествъ и помогите намъ.

«Вы, которые страдаете, обдумайте все сказанное выше. Помогите осуществленію системы, которая только одна можетъ помочь вамъ. Наступаетъ время, когда капиталъ можетъ быть сдѣланъ общественной собственностью. Теперь вполне возможно, чтобы онъ содѣйствовалъ благосостоянію не отдѣльныхъ индивидуумовъ, а всего общества. Ваше содѣйствіе можетъ сдѣлать это. Безъ вашей помощи ничего не выйдетъ. Рычагъ находится въ вашихъ рукахъ. Отъ васъ зависитъ найти точку опоры и пустить рычагъ въ дѣйствіе. И если вы этого не сдѣлаете, то вы и ваши дѣти останутся жертвами конкуренціи и капитализма. Вы всегда будете бороться и вѣчно будете бѣдны» ¹⁾.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ «манифестъ» оставался единственнымъ плодомъ дѣятельности фабианцевъ. Общество было типично «интеллигентское». Очень долго единственнымъ знакомымъ фабианцевъ среди рабочихъ былъ маляръ. Такимъ образомъ фабианцамъ приходилось теоретически представлять себѣ трудящіяся массы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ обществу присоединился «поджарый, сильно нуждавшійся, поразительно остроумный молодой журналистъ, только что прибывшій въ Лондонъ изъ Ирландіи». То былъ Бернардъ Шоу, тогда никому неизвѣстный, выработывавшій въ мало распространенной газетѣ нѣсколько шиллинговъ въ недѣлю.

Бернарду Шоу поручено было обществомъ написать памфлетъ. Такимъ образомъ, появилась «Брошюра № 2», представляющая теперь большую библиографическую рѣдкость, такъ какъ фабианцы не перепечатываютъ ее. Фабианскія брошюры

¹⁾ «Fabian Tracts», № 1, стр. 1—3.

написаны академическимъ стилемъ, но «Tract № 2» отличается всѣми особенностями остроумія Бернарда Шоу. «Единственнымъ результатомъ того, что земля и капиталъ находятся въ частныхъ рукахъ, является раздѣленіе общества на два враждебныхъ класса. Одинъ обладаетъ громаднымъ аппетитомъ, но не имѣетъ обѣда для удовлетворенія его. Другой имѣетъ большой обѣдъ, но не обладаетъ аппетитомъ для поглощенія его»,—читаемъ мы въ этой брошюрѣ. Бернардъ Шоу доказываетъ, что государство должно соперничать съ отдѣльными индивидуумами, «а въ особенности съ родителями», въ доставленіи дѣтямъ «home», гдѣ они были бы счастливы. «Такимъ образомъ,—продолжаетъ Бернардъ Шоу,—каждый ребенокъ имѣлъ бы убѣжище отъ тираніи и невѣжества его естественныхъ опекуновъ». «Мужчины не нуждаются теперь больше въ спеціальныхъ политическихъ привилегіяхъ для защиты отъ женщинъ. Такимъ образомъ, наступила пора, когда оба пола могутъ пользоваться одинаковыми политическими правами». «Пожизненное пользованіе національными землей и капиталомъ является привилегіей каждаго индивидуума». Эти взгляды, выраженные впервые въ «Брошюрѣ № 2», Бернардъ Шоу впоследствии развивалъ въ своихъ пьесахъ и въ предисловіяхъ къ нимъ.

Бернардъ Шоу, оставшійся до настоящаго момента фабіанцемъ и однимъ изъ самыхъ усердныхъ поспѣшителей «пятницъ» этого общества, былъ для него слишкомъ оригиналенъ и слишкомъ блестящъ. Скоро къ обществу присоединился новый дѣятель, ставшій вождемъ его и Атласомъ всего фабіанства въ Англій. Я говорю про ученаго и дѣловитаго Сиднея Вебба. «Онъ присоединился къ намъ въ 1885 году,—говоритъ Пись въ цитированной уже журнальной статьѣ.—Сидней Веббъ служилъ тогда чиновникомъ въ министерствѣ колоній. У него еще не было такой увѣренности, какъ теперь, но и тогда онъ насъ поражалъ энциклопедичностью своихъ знаній и массой фактическихъ свѣдѣній. Все то, что онъ говорилъ, Сидней Веббъ могъ обосновать такимъ множествомъ фактовъ, что мы прямо стушевывались передъ нимъ. Намъ оставалось только дѣйствовать по его указанію». До появленія Сиднея Вебба фабіанцы не знали, что собственно надо дѣлать. Они издали четыре брошюры, изъ которыхъ перепечатываютъ теперь только первую. «Tract № 4», называвшійся «Что такое социализмъ?», былъ на-

правленъ противъ анархизма. Но фабианцы прибѣгли къ довольно любопытному методу опроверженія: они напечатали рядомъ ученія коллетивистовъ и анархистовъ, предоставивъ читателямъ самимъ разобраться.

Когда явился Сидней Веббъ, онъ сразу нашель, что надо дѣлать. «Необходимы факты, факты и факты»,—сказалъ онъ. И чтобы показать, каковы должны быть брошюры фабианскаго общества, Сидней Веббъ написалъ дѣйствительно хорошій «Тракт № 5», выдержавшій уже одиннадцать изданій. Брошюра называется «Факты для социалистовъ, заимствованные у экономистовъ и статистиковъ». Мы имѣемъ тутъ, прежде всего, вычисленіе національнаго дохода. Авторъ цитируетъ сэра Луиса Маллета, проф. Леона Леви, Гифена, Мюльхоля и проф. Маршала. Затѣмъ слѣдуютъ выдержки изъ трудовъ великихъ экономистовъ, доказывающія, что трудъ—единственный производитель національныхъ богатствъ. Путемъ такихъ же авторитетныхъ выдержекъ демонстрируется неправильное распредѣленіе цѣнностей: производители получаютъ только жалкія крохи, недостаточныя на жизнь, тогда какъ праздные классы имѣютъ все. Выясняется какъ образуется рента и кому она идетъ. Ссылаясь на Милля и на Мюльхоля, Сидней Веббъ показываетъ, что въ Англии живутъ двѣ націи: богатые и бѣдные, поглотители и производители. Когда-то еще Шелли выяснялъ ту же мысль въ знаменитомъ стихотвореніи.

«The seed ye sow another reaps;
The wealth ye find another keeps;
The robes ye weave another wears;
The arms ye forge another bears»¹⁾.

(«Хлѣбъ, который вы сѣете,—другой жнетъ; богатства, которыя вы находите,—другой хранитъ; платья, которыя вы ткете—другой носить; оружіемъ, которое вы куете, другой владѣеть»).

Въ фабианской брошюрѣ та же мысль выражена въ цифрахъ и въ діаграммахъ.

Потомъ въ брошюрѣ выясняется, что между «двумя націями» происходитъ вѣчная борьба. Тезисъ этотъ подтвержденъ вы-

¹⁾ «Song—to the Men of England».

держками изъ такихъ признанныхъ въ Англіи авторитетовъ въ области политической экономіи, какъ Фаусетъ, профессоръ Кэрнсъ, Уокеръ и др. Борьба, какъ всякая война, даетъ безконечное число жертвъ.

По преимуществу страдаетъ одна сторона. Борьба «націй»—своего рода война между англичанами, вооруженными пулеметами, и неграми, имѣющими только стрѣлы и копья.

Брошюра заканчивается объясненіемъ способовъ, какъ помочь злу. Приведены три выдержки: изъ «Политической экономіи», Милля, «Притязаній рабочихъ» Фоксуэля и «Исторіи политической экономіи» Ингрэма. Изъ Милля взяты слѣдующія строки: «Промышленный міръ страдаетъ больше всего не отъ соперничества, а отъ подчиненія труда капиталу, отъ того, что владѣльцы орудій производства могутъ брать себѣ самую крупную долю».

Сидней Веббъ занялся, по преимуществу, разработкой вопроса: что можно сдѣлать теперь, немедленно, при нынѣшнемъ строѣ? Какія реформы, проведенныя въ парламентѣ, подъ вліяніемъ фабианцевъ, могутъ содѣйствовать социализаціи Англіи? «Только со временемъ будетъ оцѣнено все то, чѣмъ социалистическое движеніе обязано Сиднею Веббу,—говоритъ Пись.—До него социализмъ былъ готовой, законченной, сухой схемой, которая должна быть введена во всѣхъ странахъ на другой день послѣ социальной революціи. Въ сороковыхъ годахъ высчитывалось, что революція эта, произведенная возставшимъ пролетаріатомъ, случится около 1889 года. Пролетаріатъ добьется побѣды, согласно предсказаніямъ, на баррикадахъ. Очень можетъ быть, что сами вожди не вѣрили въ возможность наступленія социалистическаго строя на другой день послѣ революціи; но такъ именно предсказывали лекторы. Фабианцы даже въ первыхъ своихъ брошюрахъ никогда прямо не утверждали, что социалистическій строй можетъ наступить немедленно, но они все-таки предпочитали осторожно обходить этотъ вопросъ...

Когда Сидней Веббъ явился, онъ прежде всего потребовалъ фактовъ. Послѣ упомянутой уже брошюры онъ написалъ другую: «Факты для жителей Лондона» (теперь «Tract, № 10»). Она вся состоитъ изъ цифръ и діаграммъ. Мы узнаемъ, какъ

велика бѣдность въ громадной метрополіи ¹⁾, сколько населеніе платитъ лэндлордамъ, какъ велико «незаработанное приращеніе», сколько городъ расходуетъ на воду, газъ, трамваи и полицію; мы узнаемъ, сколько выиграло бы населеніе, будь націонализированы водопроводы, трамваи и газовые заводы ²⁾.

Въ дальнѣйшихъ своихъ брошюрахъ Сидней Веббъ развивалъ, что социализмъ не представляетъ собою систему, которая будетъ введена сразу, когда увѣруютъ въ нее. Передъ нами, напротивъ, цѣлая серія постепенныхъ перемѣнъ, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности, быть-можетъ, незамѣтна даже. Сидней Веббъ доказываетъ, что уже и теперь мы всюду видимъ газовые заводы и водопроводы, принадлежащіе городу, а не частнымъ комиссіямъ. Улицы, парки, библіотеки, музеи, картинныя галереи и рынки тоже принадлежатъ всему населенію. Мы видимъ рядъ социалистическихъ реформъ, осуществляемыхъ какъ либеральными, такъ и консервативными министерствами. Фабіанцы должны стремиться къ тому, чтобы парламентъ возможно больше проводилъ такихъ реформъ.

«Таковъ новѣйшій англійскій социализмъ, открытый фабіанцами въ промежутокъ времени отъ 1885—1890 годовъ. Этотъ практическій, конституціонный и эволюціонный социализмъ фабіанскіе лекторы пропагандировали въ 1891—1892 годахъ во всѣхъ радикальныхъ лондонскихъ клубахъ, въ залахъ кооперативныхъ обществъ и на мѣстныхъ собраніяхъ Либеральной Ассоціаціи». Фабіанское общество тогда насчитывало не болѣе 200 членовъ, но мы видимъ тутъ рядъ выдающихся людей. И, конечно, только въ Англии при ея почти идеальной и гражданской свободѣ и терпимости къ чужому мнѣнію возможны слѣ-

¹⁾ «Лондонъ теперь (въ 1887 году) имѣетъ 4.300.000 жителей, изъ которыхъ 300.000 зарабатываютъ меньше 18 шил. въ недѣлю и, поэтому, живутъ въ вѣчной нуждѣ.

«Одна восьмая населенія умретъ въ рабочемъ домѣ или въ больницѣ при рабочемъ домѣ. Изъ каждыхъ шестнадцати жителей одинъ—пауперъ.

«Изъ всѣхъ дѣтей, посѣщающихъ народныя школы, 43.000 отправляются туда безъ завтрака.

«Болѣе 30.000 человекъ не имѣетъ другого пристанища, кромѣ ночлежнаго дома или ночлежки при рабочемъ домѣ».

²⁾ Водопроводы теперь муниципализированы, нѣкоторые трамваи тоже принадлежатъ уже городу; но всѣ газовые заводы въ Лондонѣ находятся еще въ частныхъ рукахъ.

дующіе факты. Цѣлый рядъ фабианцевъ, какъ Граамъ Уоллэсъ, Сидней Веббъ и др., состоятъ на правительственной службѣ. Одинъ изъ фабианцевъ, состоящій въ обществѣ со времени основанія его,—Сидней Оливеръ (теперь сэръ Сидней Оливеръ), занимаетъ постъ губернатора на Ямаикѣ. Интереснѣе всего то, что назначенъ онъ туда былъ консервативнымъ министерствомъ. Всѣ фабианцы и много другихъ социалистовъ устроили большой банкетъ своему уѣзжающему товарищу. Въ началѣ девяностыхъ годовъ къ фабианцамъ присоединилась г-жа Безантъ. Она увлеклась социализмомъ, какъ раньше увлекалась материализмомъ и неомальтузианствомъ. Черезъ пять лѣтъ г-жа Безантъ ушла отъ фабианцевъ въ область теософскихъ тумановъ.

Социалистически мыслящая интеллигенція выпустила, кромѣ брошюръ, нѣсколько книжекъ. Наиболѣе интересенъ коллективный трудъ семи фабианцевъ (Бернарда Шоу, Граама Уоллэса, Сиднея Вебба и др.) «Fabian Essays in Socialism». Надо упомянуть про характерные рисунки талантливаго художника Уолтера Крэна, тоже состоящаго членомъ фабианскаго общества.

«Фабианскія брошюры знаменуютъ новую эру въ исторіи англійскаго социализма,—говоритъ не безъ основанія Пись.—Впервые большая публика начала понимать, что такое, дѣйствительно, социализмъ. До тѣхъ поръ онъ казался темной и непонятной вѣрой, облеченной въ невозможный жаргонъ. Впервые (!) раздалась ясная и вполне понятная рѣчь. Средній обыватель увидалъ, что социалисты проповѣдуютъ не утопію, а нѣчто совершенно понятное и практичное. Теперь Фабианское общество имѣетъ болѣе 2.000 членовъ. Какъ и въ восьмидесятихъ годахъ, всѣ они, по преимуществу, вышли изъ рядовъ интеллигенціи. Мы видимъ тутъ всѣмъ извѣстныхъ литераторовъ (Бернардъ Шоу, Гренвиль Баркеръ, г-жа Несбитъ, Чіоза Монеи; до послѣдняго времени фабианцемъ былъ также Уэльсъ; теперь онъ не только ушелъ, но окарикатурилъ супруговъ Веббъ и другихъ видныхъ фабианцевъ въ своемъ романѣ «Анна-Вероника»), общественныхъ дѣятелей, крупныхъ коммерсантовъ (напр., Джозефъ Фелсъ) и священниковъ. Среди нихъ нѣкоторые, какъ, напр., Стопфордъ Брукъ или докторъ Кэмпбелъ, замѣчательны какъ смѣлые религіозные реформаторы. Кромѣ центрального общества, существуютъ еще отдѣленія

въ Лондонѣ, провинціи и въ колоніяхъ. Тутъ тоже членами, главнымъ образомъ, состоятъ интеллигенты. Въ извѣстные дни они собираются, чтобы обсудить детально проектъ какого-нибудь билля, или для выясненія такого вопроса, какъ желѣзнодорожная тракція въ социалистическомъ обществѣ. При «отдѣленіяхъ» существуютъ такъ называемыя «дѣтскія» (Fabian Nursery). Въ нихъ собирается молодежь 20—21 года, желающая выработать себѣ социалистическое міровоззрѣніе. «Первое поколѣніе, посѣщавшее «дѣтскія», теперь переженилось»,—коротко, но знаменательно отмѣчаетъ одинъ историкъ фабианскаго общества. Многія реформы, намѣченныя фабианцами двадцать лѣтъ тому назадъ, теперь стали закономъ. Таковы: государственное страхованіе, отвѣтственность предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ, государственная пенсія для стариковъ и т. д.

III.

Фабианцы обслуживали рабочихъ вмѣстѣ съ другими интеллигентными социалистами. Правда, изъ рабочихъ тоже выходили интеллигентные дѣятели, но они представляли собой не классъ. И вотъ въ самое послѣднее время англійскіе рабочіе пытаются создать свою собственную интеллигенцію. Мнѣ приходилось уже писать много разъ про то, какъ зародилось нынѣшнее бурное броженіе среди англійскихъ рабочихъ. Отличительной чертой настроенія ихъ является теперь глубокое недовѣріе ко всему тому, что создали средніе классы. «Они ничего не понимаютъ, даже когда относятся благожелательно къ рабочимъ»,—говоритъ Хобартъ (рабочій).—Та среда, въ которой живутъ писатели, вышедшіе изъ среднихъ классовъ, не даетъ имъ возможности получить правильное представленіе о трудящихся массахъ. Натуралистъ посвящаетъ полжизни на то, чтобы изучить, какъ живетъ и чѣмъ питается какое-нибудь микроскопическое насѣкомое. Геологъ будетъ рыть дробить и просѣвать тонны камней, чтобы рѣшить вопросъ о какой-нибудь ископаемой устрицѣ. Историкъ раскопаетъ цѣлую гору книгъ и перероетъ груды запыленныхъ документовъ, чтобы прослѣдить родословную какого-нибудь королевскаго дома.

Но когда приходится писать о жизни рабочихъ, то считается вполне достаточнымъ получасовое посѣщеніе коттѣджа. И тотъ писатель, который побывалъ раза два въ рабочемъ коттѣджѣ, съ скромной гордостью выставляетъ въ подзаголовкѣ своей статьи «One who knows» (сообщеніе человѣка, который знаетъ).

По мнѣнію Хобарта, писатели, принадлежащіе къ среднимъ классамъ, неправы не только тогда, когда обобщаютъ свои мимолетныя наблюденія надъ рабочими, но и тогда, когда пишутъ о нихъ, беря исходнымъ пунктомъ знаніе человѣка вообще. Правда, и интеллигентъ, и рабочій—люди, но между ними такая же разница, говоритъ Хобартъ, какъ между птицей въ клѣткѣ и птицей въ лѣсу. «Вообще человѣкъ изъ среднихъ классовъ живетъ, чтобы ѣсть,—утверждаетъ нашъ авторъ,—рабочій же ѣсть, чтобы жить. Интеллигентъ подгоняетъ платье къ своему тѣлу, тогда какъ рабочій подгоняетъ тѣло къ готовому платью. Интеллигентъ строитъ и отдѣлываетъ домъ сообразно своему вкусу и понятію о комфортѣ. Рабочій подчиняетъ свой вкусъ и представленіе о комфортѣ содержанію кошелька»¹⁾. «Эта разница замѣтна рѣшительно во всемъ, и ни одинъ писатель до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не раскрылъ вполне того, какъ живетъ рабочій,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Хобартъ.—Я хочу это сдѣлать теперь». Велико должно быть недовѣріе къ интеллигенціи, если однимъ взмахомъ пера отрицается громадная литература, посвященная жизни рабочихъ; литература, въ которой имѣются романы Фильпота, поэмы Брэдфорда, драмы Голсуорти, лэди Катерины Блэкъ и Гренвиля Баркера, изслѣдованія Раунтри и Чарльза Бузса и т. д.

Раньше было не мало лекторовъ и агитаторовъ-рабочихъ. Всѣ они почти безъ исключенія являлись повторителями формулированныхъ чужихъ мыслей и распространителями фактовъ, собранныхъ другими. Всѣ партіи, отъ рабочей до консервативной, издали спеціальныя руководства для такихъ ораторовъ. Рабочая партія, напр., выпустила книгу «The Case for the Labour Party», начиненную фактами, касающимися государственной машины, общества, промышленности и т. д. Рядомъ съ фактами—характерныя выдержки изъ рѣчей либеральныхъ

¹⁾ Н. W. H o b a r t, «Revelations of Industrial Life»; «English Review», June, 1912, p.p. 472—473.

или консервативныхъ вождей и тѣхъ цитаты, которыя постоянно повторяются газетами и читателями, цитаты, имѣющія нѣчто общее съ сильно стертой серебряной монетой: никто не помнитъ, кто ее ему сдалъ, и рѣдко кто стѣсняется сбыть ее другому. Консерваторы, въ свою очередь, по такому же плану составили книжку для своихъ ораторовъ-рабочихъ (то обыкновенно «свободные рабочіе», т. е. не состояще въ трэдъ-юніонѣ «The Case Against the Labour-Socialist Party»). Въ книжкѣ напирается на то, что трэдъ-юніоны «распадаются» вслѣдствіе бунта рядовыхъ сочленовъ противъ вождей, обусловленнаго распространеніемъ социалистическаго ученія ¹⁾. Затѣмъ, конечно, мы находимъ старыхъ знакомыхъ: обвиненія социалистовъ въ безбожїи и въ стремленїи разрушить семью.

Книжки подобнаго рода имѣютъ особую удобную форму, чтобы ихъ можно было держать во время рѣчи за спиной, заложивъ пальцемъ ту страницу, которую придется цитировать.

Новымъ рабочимъ понадобилась собственная интеллигенція, которая могла бы, между прочимъ, самостоятельно собрать факты, обработать ихъ и сдѣлать соотвѣтственные выводы. Появилась надобность въ новыхъ вождяхъ, такъ какъ рядовые трэдъ-юніонисты отказались слѣдовать за вождями прежняго типа. Вотъ, напр., типичный случай, какъ онъ разсказанъ въ «Times'ѣ». «Шестого іюня 1910 года на конференціи всѣхъ трэдъ-юніоновъ обращено было вниманіе на тотъ серьезный фактъ, что, несмотря на договоры между предпринимателями и рабочими, произошло тридцать пять стачекъ. Двадцать восемь изъ нихъ были начаты рабочими, принадлежащими къ обществу котельниковъ. Двадцать стачекъ, начатыхъ съ нару-

¹⁾ Въ книжкѣ приведена выдержка изъ рѣчи рабочаго депутата Чарльза Фенуика: «Страшнѣе всего для трэдъ-юніоновъ теперь—нарушеніе субординаціи, которое наблюдаемъ въ каждомъ отдѣлѣ. Рабочіе выбираютъ своихъ вождей, но не довѣряютъ имъ и въ важныхъ случаяхъ отказываются подчиняться распоряженіямъ. И если такъ будетъ продолжаться дальше, если вожди не будутъ имѣть довѣрія рядовыхъ рабочихъ, то секретарямъ останется только выйти въ отставку. (Голосъ среди слушателей рабочихъ: «О н и н е у й д у т ь!»). Коллективный договоръ, установленіе котораго намъ обошлось такъ дорого, разрушенъ теперь вслѣдствіе непризнаванія субординаціи. И если дѣло будетъ итти дальше, то трэдъ-юніоны переживутъ страшный крахъ». Выдержка эта дѣйствительно характерна для рабочаго вождя стараго типа.

шеніемъ договора, были очень серьезны. Что же касается мелкихъ забастовокъ, начатыхъ тоже съ нарушеніемъ договора, то имъ нѣтъ числа. Было указано, что договоры съ предпринимателями приняты коллективно всѣми рабочими на верфяхъ, а потому должны соблюдаться»¹⁾. Выяснилось, что стачки были начаты вопреки совѣту вождей. Рабочій-коммонеръ Снаудэнъ констатируетъ, что большинство трэдъ-юніонистовъ сочувствуетъ тѣмъ товарищамъ, которые начинаютъ стачку, не считаясь ни съ договорами, ни съ совѣтами вождей. «Все это доказываетъ,—продолжаетъ Снаудэнъ,—что трэдъ-юніонизмъ въ Англіи переживаетъ серьезный кризисъ. Если бы еще можно было вѣрить, что только котельники нарушаютъ договоръ, тогда положеніе дѣла было бы не такъ серьезно; но этого утѣшенія у насъ нѣтъ. Въ былое время котельники представляли собой наиболѣе дисциплинированный союзъ. Что же можно ожидать отъ менѣе организованныхъ трэдъ-юніоновъ? Отрицаніе субординаціи наблюдаемъ всюду. Новые лекторы такъ много говорили рабочимъ про ихъ права и силу, что они забыли свои обязанности. Демократія имѣетъ свои слабыя стороны, и ее ждуть свои опасности. Демократія, думающая только о силѣ, которою располагаетъ, представляетъ собою такую же тиранію, какъ и автократія. Полуобразованная демократія проявитъ такую же надменность и такое же пренебреженіе къ послѣдствіямъ, какъ и всякая плутократія»²⁾. Мы видимъ тутъ горькую жалобу стараго вождя, который потерялъ свое вліяніе.

«Мы выслали въ іюлѣ (1910 года) всѣмъ членамъ профессиональнаго союза котельниковъ циркуляръ, въ которомъ обращали вниманія на многочисленныя стачки и на угрозы предпринимателей сдѣлать всеобщій расчетъ (локаутъ),—писалъ главный секретарь трэдъ-юніона Хилль.—На наше указаніе не было обращено вниманія, и стачки продолжаются съ нарушеніемъ во многихъ случаяхъ условій національнаго договора. Серьезности положенія дѣлъ нельзя отрицать. Если члены нашего союза желаютъ объявить стачку, исполнительный комитетъ не можетъ высказаться противъ, но онъ желаетъ только, чтобы были соблюдены правила, изложенныя въ на-

¹⁾ «Times», Sept. 5, 1910.

²⁾ «Christian Commonwealth». Sept. 14, 1910.

шемъ уставѣ. А между тѣмъ всѣ стачки, объявленныя членами нашего союза въ этомъ году, были начаты съ нарушеніемъ устава. Локаутъ, объявленный теперь, является прямымъ послѣдствіемъ того, что небольшія группы нашихъ членовъ самочинно начали стачки, вопреки совѣтамъ вождей какъ мѣстныхъ, такъ и національныхъ. Трэдъ-юніонисты должны предоставить намъ прежнее право вести переговоры съ предпринимателями и заключать контракты. Иначе намъ невозможно вести дѣло Союза».

Большая стачка 1911 года началась вопреки совѣтамъ старыхъ вождей. Новые вожди совѣтуютъ другое. Вотъ, напр., интересный документъ, распространенный среди бастующихъ транспортныхъ рабочихъ. Онъ состоитъ изъ двухъ серій совѣтовъ. Первая серія озаглавлена: «Какъ терять стачки», а вторая: «Какъ выигрывать стачки».

«Вы думаете, что знаете все относительно того, какъ терять стачки,—читаемъ мы.—Вы эту игру вели всю жизнь и глубоко убѣждены поэтому, что вамъ нечему учиться. А между тѣмъ вы еще не вполне достигли совершенства въ искусствѣ терять стачки, такъ какъ все-таки иногда выигрываете ихъ. Но если вы примете къ свѣдѣнію слѣдующіе совѣты, то вы научитесь всегда терять забастовки.

«Раздробитесь на множество трэдъ-юніоновъ. Въ Англіи нѣсколько милліоновъ рабочихъ, а между тѣмъ всего лишь 1100 профессиональныхъ союзовъ.

«Грызитесь еще больше между собою. Различные трэдъ-юніоны могутъ драться между собою еще чаще, чѣмъ теперь.

«Вы должны мѣшать съ грязью всѣхъ рабочихъ, не принадлежащихъ къ вашему собственному маленькому союзу. Они тогда будутъ поставлены въ необходимость воздать вамъ сторицею, когда вы начнете стачку.

«Заведите еще больше теплыхъ мѣстечекъ для собственныхъ чиновниковъ всякаго рода. Они отвѣтственны за бѣольшую часть пораженій, понесенныхъ вами. И если вы хотите терять всѣ стачки, заведите еще больше секретарей.

«Всѣ договоры съ хозяевами вы должны соблюдать свято и ненарушимо. На эти документы смотреть какъ на священное писаніе; думайте, что каждая буква неприкосновенна.

«Всегда предупреждайте, раньше чѣмъ начнете стачку. Чѣмъ болѣе заблаговременно предупрежденіе сдѣлано, тѣмъ

лучше... для вашихъ хозяевъ. Это дастъ имъ время навербовать «паршивцевъ» ¹⁾).

«Блюдите священное право собственности. Начиная стачку, вы должны оставить машины въ отличномъ порядкѣ. Это болѣе удобно для «паршивцевъ». Все время, покуда продолжается стачка, ведите себя, какъ джентльмены.

«Наконецъ, вы должны всегда слушаться вождей. Помогайте поддерживать законы и порядокъ. Слѣпо довѣряйтесь политическимъ дѣятелямъ, а въ особенности достопочтеннымъ представителямъ Рабочей партіи въ парламентѣ. Исполняйте совѣты, подаваемые вамъ капиталистической печатью, а въ особенности усвойте мысль, что интересы имперіи—прежде всего».

Дальше слѣдуютъ совѣты «какъ выигрывать стачки».

«Прежде всего необходимо забыть методы, введенные еще вашими дѣдушками. Съ тѣхъ поръ условія перемѣнились. То, что было сравнительно хорошо раньше, совершенно не годится теперь, если только вы желаете выигрывать стачки.

«Хозяева, у которыхъ служили ваши дѣды, боролись между собою изъ-за того, кому захватить торговлю. Тогда частичная стачка приносила пользу, потому что другой хозяинъ выигрывалъ отъ того, что бойкотируютъ его конкурента. Теперь же всѣ предприниматели объединились въ одну международную федерацію, тогда какъ ваши силы попрежнему раздроблены.

«Ваши дѣды были искусными мастерами. Ихъ ремесло надо было изучать съ дѣтства. Вы же только приставлены къ машинамъ. Вашему дѣлу можно обучиться въ самое короткое время. Усовершенствованныя машины и раздѣленіе труда почти совершенно вытѣснили мастеровъ былого времени.

«Сто лѣтъ тому назадъ, если бастовали мастера, ихъ было почти невозможно замѣнить «паршивцами», такъ какъ свободныхъ знающихъ людей не было. Съ тѣхъ поръ машины, сберегающія трудъ, а равно усовершенствованныя методы производства цѣнностей создали громадную резервную армію безработныхъ. Такимъ образомъ, дѣло «паршивцевъ» превратилось въ профессию.

«Вслѣдствіе всего этого надобно отбросить старый методъ организаціи и принять новый, соотвѣтствующій двадцатому вѣку.

¹⁾ S c a b s,—такъ англійскіе рабочіе называютъ штрейкбрехеровъ.

«Уничтожьте 1100 профессиональных союзовъ и замѣните ихъ однимъ трэдъ-юніономъ, въ который вошли бы всѣ рабочіе. До тѣхъ поръ, покуда вы не соединитесь, у васъ нѣтъ никакихъ шансовъ. Объединившись, вы побѣдите; дѣйствуя врознь, вы проиграете.

«Если ваши хозяева говорятъ о договорѣ, поднимите ихъ на смѣхъ. Договоръ соблюдайте только до тѣхъ поръ, покуда это *вамъ* выгодно, но не больше.

«Стачку хорошо начинать давъ предупрежденіе за самое короткое время, а еще лучше не предупреждая совсѣмъ. Не позволяйте хозяевамъ подготовляться для вашего пораженія.

«Частичныя, мѣстныя стачки никуда не годятся. Стачкой можно сразу парализовать цѣлую отрасль промышленности. И если хозяева не одумаются, необходимо объявить всеобщую забастовку.

«Оставляя работу, не забудьте заглянуть въ машинное отдѣленіе. Удѣливъ нѣсколько минутъ машинамъ, можно, даже не портя ихъ, сдѣлать чудеса. Наемъ «паршивцевъ» станетъ тогда бесполезенъ и невозможенъ.

«Организуйтесь и ведите борьбу такъ, какъ указано выше. Тогда вы навѣрно побѣдите и устроите жизнь, какъ сами захотите».

Вотъ какіе совѣты подаетъ рабочимъ часть ея собственной интеллигенціи, вышедшей изъ рядовъ рабочихъ и оставшейся въ нихъ.

Гдѣ воспитывается эта новая рабочая интеллигенція? Въ 1899 г. два богатыхъ американца Уолтеръ Врумэнъ и докторъ Чарльзъ Бирдъ, расположенные къ рабочимъ, пришли къ заключенію, что англійскимъ трудящимся массамъ необходимо имѣть свой собственный университетъ. Нынѣшніе англійскіе университеты существуютъ только для среднихъ и выше-среднихъ классовъ. Трудящіяся массы должны довольствоваться объѣдками знаній. Теперь же, при демократизаціи общества, необходимо возможное сближеніе классовъ, тогда какъ университетъ создаетъ интеллигенцію, которая только углубляетъ пропасть существующую между ними. Необходимо, чтобы молодые рабочіе сами прошли университетскій курсъ. Это поможетъ имъ лучше понять структуру современнаго общества, что предупредитъ неосуществимыя требованія. Съ другой стороны, рабочая интеллигенція сможетъ сблизить производителей съ тру-

дящимися массами. Такъ разсуждали американцы. Въ февралѣ 1899 года въ Оксфордѣ, при мѣстномъ университетѣ, возникла новая автономная клѣточка, *Коллѣджъ Рэскина*, во главѣ котораго стоялъ магистръ Денисъ Хёрдъ. Собственно говоря, Врумэнъ являлся вначалѣ абсолютнымъ собственникомъ коллѣджа, такъ какъ единолично выбиралъ студентовъ и самъ назначалъ совѣтъ университета. «Мы возьмемъ людей, осуждающихъ нашъ социальный строй,—объяснялъ Врумэнъ цѣль, преслѣдуемую коллѣджемъ Рэскина,—и научимъ ихъ, какъ реформировать общество. И студенты, вмѣсто того чтобы огульно осуждать нашъ мѣръ, начнутъ методически работать, дабы дать въ немъ долю всѣмъ». По всей вѣроятности, Врумэну рисовались въ воображеніи студенты, помогающіе впоследствии введенію какой-нибудь панацеи въ родѣ участія рабочихъ въ прибыляхъ. За эту панацею ухватилась теперь консервативная партія, самые видные дѣятели которой вступили вице-президентами въ существующую уже двадцать восемь лѣтъ «Labour Co-partnership Association»¹⁾.

¹⁾ Представьте себя въ Лестерѣ или въ Кеттерингѣ,—читаемъ мы въ годичномъ докладѣ Ассоціаціи.—Заглянувъ въ четыре или пять мастерскихъ, вы поймете, что означаетъ участіе въ прибыляхъ. Вотъ, напр., сапожная фабрика, ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ промышленныхъ предпріятій этого рода. Фабрика снабжена новѣйшими машинами. Рабочіе, повидимому, такіе же, какъ и всюду, развѣ только что живутъ лучше да имѣютъ болѣе короткій рабочий день. Вскорѣ, однако, вы замѣтите, что всѣ лица выражаютъ особенную бодрость и оживленность. Вамъ скажутъ, что въ этой фабрикѣ рабочіе участвуютъ въ прибыляхъ. Рабочіе участвуютъ также въ администраціи фабрики. Вамъ скажутъ, что предпріятіе было начато въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Маленькій основной капиталъ составилъ изъ взносовъ самихъ рабочихъ, а затѣмъ изъ пособій, данныхъ сочувствующими лицами и трѣдъ-юніонами. Почти всѣ основатели фабрики были трѣдъ-юніонисты и члены мѣстной кооперативной лавки. Чтобы вести дѣло, они сгруппировались въ акціонерное общество съ ограниченной отвѣтственностью. Во главѣ его сталъ небольшой комитетъ акціонеровъ, избираемый всѣми пайщиками. Но новое общество отличалось отъ другихъ подобныхъ тѣмъ, что всѣ акціонеры имѣли равныя права. Отличается оно также методомъ распредѣленія прибылей. Оно, конечно, прежде всего покрываетъ издержки и платитъ проценты на занятый капиталъ. Затѣмъ общество выдаетъ пять процентовъ акціонерамъ. Часть остатка выдается въ видѣ дивиденда рабочимъ. Каждый получаетъ опредѣленную долю, въ зависимости отъ заработной платы. Другая часть остатка распредѣляется между покупателями, пропорціонально сдѣлан-

Колледжъ Рэскина, однако, быстро принялъ другой характеръ, чѣмъ думалъ Врумэнъ. Основатель скоро охладѣлъ къ своему дѣтищу, притомъ же Врумэнъ и Бирдъ должны были уѣхать въ Америку. Нѣкоторое время колледжъ Рэскина представлялъ собою почти благотворительное учрежденіе, поддерживаемое доброхотными пожертвованіями. Это продолжалось до тѣхъ поръ, покуда на помощь не явились трэдъ-юніоны. Они раньше всѣхъ пришли къ заключенію, что рабочимъ необходима собственная интеллигенція. Понадобились умные, развитые секретари, которые могли бы вести переговоры съ объединившимися хозяевами. Секретарь прежняго типа, т.-е. старый, толковый, но малограмотный рабочій, воспитанный на пенсовыхъ брошюркахъ и на воскресной газетѣ, не годился въ дипломаты. Съ хозяевами онъ еще умѣлъ стовариваться, но союзъ предпринимателей ведетъ теперь переговоры черезъ хитрыхъ, ловкихъ адвокатовъ, изощрившихся въ раскидываніи силковъ,—и гдѣ было добродушному, малограмотному старому трэдъ-юніонисту тягаться съ этими лисицами въ адвокатскихъ мантіяхъ! На первый взглядъ, напр., мирный договоръ, заключенный послѣ большой стачки, казался рабочимъ необыкновенно выгоднымъ. Черезъ самое короткое время

нимъ поупкамъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою не только рабочихъ, но и покупателей, участвующихъ въ прибыляхъ.

«Кеттерингское производительно-потребительное общество процвѣтаетъ и имѣетъ прибыль, чтобы распредѣлить ее. Послѣдняя не выдается наличными деньгами работникамъ и работницамъ, но отчисляется на приобрѣтеніе для нихъ акцій предпріятія. Такимъ образомъ, Общество никогда не можетъ превратиться въ организацію мелкихъ предпринимателей, пользующихся наемнымъ трудомъ. Демократическій характеръ предпріятія гарантированъ. Посторонніе акціонеры, т.-е. не-работіе, конечно, принимаются. Еще охотнѣе привѣтствуются акціонеры-кооперативныя общества. Мѣстное общество потребителей является главнымъ покупателемъ фабрики. Но каждый работающій на фабрикѣ становится «гражданиномъ промышленной республики», такъ какъ участвуетъ въ прибыляхъ.

«Я привелъ только одну изъ типичныхъ фабрикъ, рабочіе которой являются участниками въ прибыляхъ,—читаемъ мы дальше въ отчетѣ.— Я бы могъ назвать десятокъ другихъ фабрикъ. Оборота нѣкоторыхъ изъ нихъ достигаетъ 50 тысячъ ф. ст. въ годъ, число же рабочихъ достигаетъ до 300». Докладчикъ думаетъ, что черезъ тридцать лѣтъ подавляющее большинство фабрикъ и заводовъ въ Англіи сдѣлаютъ рабочихъ участниками въ прибыляхъ (Aneurin Williams, Labour Co-partnership and Labour Unrest. Докладъ 25 ноября 1911 года въ Оксфордѣ).

рабочіе убѣждались, что гдѣ-нибудь въ одномъ пунктѣ договора скрытъ замаскированный капканъ, уничтожающій весь его смыслъ. Капканъ прикрытъ предательскимъ словомъ, имѣющимъ на юридическомъ языкѣ иной смыслъ, чѣмъ въ разговорномъ языкѣ, или умышленнымъ умолчаніемъ. Немедленно же хозяева находили какого-нибудь рабочаго, который начиналъ дѣло, располагая, повидимому, безграничными средствами. И вотъ являлось судебное рѣшеніе, устанавливавшее прецедентъ, т. е. новый законъ, помимо парламента.

Понятно поэтому, недовѣріе молодыхъ рабочихъ къ договорамъ всякаго рода («хозяева всегда надуютъ!»). Понятно также стремленіе трэдъ-юніоновъ имѣть секретаремъ образованнаго, вполнѣ «своего» человѣка, котораго не такъ легко бы провести «на мякинѣ» и «обернуть вокругъ пальца». Образованный секретарь необходимъ рабочимъ не только при заключеніи мирныхъ договоровъ. Горнорабочіе, напр., просятъ, чтобы имъ дали прибавку въ шесть пенсовъ. Шахтовладѣльцы отвѣчаютъ делегатамъ: «мы всею душою дали бы вамъ прибавку; но посмотрите, каково теперь положеніе рынка. Германія и Бельгія конкурируютъ съ нами. Италія можетъ стать промышленнымъ вассаломъ другаго каменноугольнаго сюзерена. Если мы прибавимъ вамъ шесть пенсовъ, уголь вздорожаетъ; конкуренты захватятъ нейтральные рынки. Наше дѣло упадетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшится и ваше положеніе. Угольное дѣло таково, что безъ внѣшнихъ рынковъ существовать оно не можетъ, а на внѣшнемъ рынкѣ мы будемъ побиты, если теперь увеличится стоимость производства».

И если во главѣ рабочей депутаціи стоялъ секретарь стараго типа, то онъ никакъ ни могъ разобрать, правду ли говорятъ предприниматели, или же только «заговариваютъ зубы» и «втираютъ очки». Въ самомъ дѣлѣ, предприниматели подняли сложный, запутанный вопросъ. Рабочіе, отправляя секретаря трэдъ-юніона для переговоровъ съ хозяевами, никогда не зыбивали сказать ему:

— Be sharp, Jack! Do not be bamboozled!

(Смотрите въ оба, Джэкъ! Смотрите, чтобы васъ не надули!).

Но такой совѣтъ гораздо легче подать, чѣмъ исполнить.

Трэдъ-юніонамъ понадобились умные, знающіе секретари, хорошо понимающіе законы производства и обращенія. Понадобились образованные люди (и притомъ «свои»), изучившіе

эти вопросы не по пенсовымъ брошюркамъ, а тамъ же, гдѣ учились и хитрые адвокаты, выставленные предпринимателями. Большіе англійскія трэдъ-юніоны поняли значеніе коллэджа Рэскина и рѣшили явиться на помощь съ деньгами. Они послали въ Оксфордъ на два года способныхъ молодыхъ рабочихъ, выдавая каждому изъ нихъ стипендію въ 52 ф. ст. въ годъ.

Я знаю одного рабочаго, прослушавшаго полный курсъ въ коллэджѣ Рэскина. Рабочему было уже за тридцать и онъ успѣлъ обзавестись женой и дѣтьми. На желѣзной дорогѣ, гдѣ работалъ мой знакомый, у служащихъ мало досуга; но мистеръ Келли (такъ зовутъ рабочаго) находилъ время читать и учиться. И вотъ желѣзнодорожный союзъ назначаетъ одну стипендію въ коллэджѣ Рэскина. Келли сдаетъ предварительный экзаменъ, и у него есть возможность поѣхать. Возникаетъ вопросъ: а что будетъ дѣлать жена?

— Вы, Дикъ, непременно поѣзжайте учиться,—сказала жена.—Я поѣду за вами въ Оксфордъ. Обо мнѣ не беспокойтесь!

Жена продала имущество, забрала дѣтей и переѣхала въ Оксфордъ, гдѣ работала прачкой, куда учился мужъ. Теперь онъ опять работаетъ на желѣзной дорогѣ. Трэдъ-юніоны, явившись съ денежной помощью, потребовали, чтобы коллэджъ Рэскина не давалъ дипломовъ, и чтобы, такимъ образомъ, рабочая интеллигенція не уходила къ среднимъ классамъ. Около пятисотъ молодыхъ рабочихъ окончили уже коллэджъ. Кромѣ того, около 8500 работниковъ и работницъ прошли курсъ при помощи переписки съ коллэджемъ. Всѣ эти студенты остались въ рядахъ рабочихъ или служатъ секретарями трэдъ-юніоновъ. Секретари получаютъ такое же жалованье, какое вырабатываетъ толковый углекопъ или ткачъ.

Въ 1908 году началось сильное броженіе среди студентовъ уэскинскаго коллэджа. Они обвиняли совѣтъ Оксфордскаго университета въ томъ, что онъ старается вытравить основной духъ коллэджа. Студентовъ стали всячески поощрять, чтобы они слушали обычныя лекціи и сдавали потомъ экзамены на дипломы. Молодые рабочіе увидали въ этомъ стремленіе со стороны университета перетянуть ихъ въ ряды среднихъ классовъ. Затѣмъ причиной недовольства было стремленіе (дѣйствительное или мнимое) университета придать лекціямъ въ коллэджѣ менѣе красный характеръ. Профессору Хёрду, напр., предложено

было университетомъ, вмѣсто соціологіи, читать исторію литературы и логику. Это повело къ забастовкѣ со стороны студентовъ. Затѣмъ, въ мартѣ 1909 года наиболѣе крайніе студенты и рабочіе, состоявшіе въ перепискѣ съ коллѣджемъ, т.-е. проходившіе курсъ у себя дома, образовали Лигу Плебеевъ—*Pebs League*. Университетъ, полагая, что Лига возникла подъ вліяніемъ проф. Хёрда, заставила его выйти въ отставку. Тогда въ Лондонѣ, близъ Эрлса Корта, возникъ новый рабочій университетъ—*Central Labour College*, или «*C. L. C.*», во главѣ котораго сталъ проф. Хёрдъ. Коллѣджъ Рэскина попрежнему продолжаетъ существовать. Университетъ всячески поощряетъ студентовъ, чтобы они сдавали на дипломъ; коллѣджъ сталъ въ большей степени, чѣмъ раньше, составной единицей великой академической федераціи, которой имя Оксфордскій университетъ; но тредъ-юніоны теперь имѣютъ надъ нимъ полный контроль. Совѣтъ рэскинскаго коллѣджа избирается теперь парламентскими представителями отъ тредъ-юніоновъ, общей федераціей тѣхъ же союзовъ и кооперативными обществами. Тредъ-юніоны и кооперативныя общества даютъ средства на содержаніе коллѣджа. Въ немъ мы видимъ теперь представителей болѣе умѣреннаго крыла англійскихъ рабочихъ.

Студенты живутъ въ интернатѣ и платятъ 52 ш. ст. въ годъ. Въ сравненіи съ другими коллѣджами, гдѣ студенту надобно имѣть въ годъ, по крайней мѣрѣ, 2000 руб., 520 руб.—очень мало. Студентамъ читаютъ политическую экономію, исторію промышленности, исторію общественныхъ движеній, гражданское право, мѣстное самоуправленіе, соціологію и логику. Тѣ студенты, которые проходятъ курсъ путемъ переписки съ коллѣджемъ вносятъ только шиллингъ въ мѣсяць и еще одинъ шиллингъ за регистрацію.

IV.

Лондонскій коллѣджъ, или «*C. L. C.*», основанный *Лигой Плебеевъ*, представляетъ собою лѣвое крыло рабочей интеллигенціи. Коллѣджъ Рэскина вѣритъ въ соціальныя реформы, тогда какъ «*C. L. C.*» всю надежду возлагаетъ на неминуемую соціальную революцію. Коллѣджъ Рэскина получаетъ пособіе отъ болѣе умѣренныхъ тредъ-юніоновъ, тогда какъ лондонскій рабочій

колледжъ субсидируется, по преимуществу, трэдъ-юніонами углекоповъ. Послѣдніе представляютъ собою теперь наиболѣе революціонный элементъ среди англійскихъ рабочихъ. Изъ «С. Л. С.» вышли всѣ тѣ рабочіе, которые принимали видное участіе во время забастовки углекоповъ.

Опишу теперь мое посѣщеніе «С. Л. С.». Я засталъ студентовъ въ аудиторіи. Человѣкъ двадцать молодыхъ людей, въ возрастѣ отъ 22—30 лѣтъ, сидѣли за сдвинутыми вмѣстѣ простыми столами, въ родѣ кухонныхъ. Впереди столовъ стоялъ попитръ въ родѣ тѣхъ, на которыхъ держать ноты. На попитрѣ, лежала развернутая книга. Черезъ минуты двѣ вошелъ коренастый, округляющійся, бородатый старикъ съ большою лысою головою. Это и есть ректоръ колледжа—мистеръ Денисъ Хёрдъ, который долженъ былъ уйти изъ колледжа Рэскина. Профессоръ читалъ про трудовую теорію цѣнности. Лекція, повидимому, была уже пятая или шестая по этому вопросу. Меня интересовали больше студенты. Только у двухъ были типичныя, загорѣлыя, грубоватыя лица съ тяжелыми чертами, по которымъ можно было бы опредѣлить происхожденіе молодыхъ людей. То, вѣроятно, были углекопы откуда-нибудь съ сѣвера, но не изъ Шотландіи. Остальные студенты ничѣмъ не отличались отъ англійскихъ студентовъ, вышедшихъ изъ среднихъ классовъ. Тѣ же характерныя лица съ энергичными ртами и сильными подбородками, тѣ же гибкіе члены, тѣ же широкія плечи. Опытный глазъ могъ бы замѣтить тутъ англичанъ, рыжеволосыхъ шотландцевъ и болѣе нервныхъ и подвижныхъ валійцевъ.

Когда лекція кончилась, мой знакомый студентъ вызвался показать помѣщеніе. Мы вошли прежде всего въ комнату, гдѣ студентъ убиралъ постель. Молодые люди живутъ въ колледжѣ и дѣлаютъ сами всю черную работу. Комната была маленькая, не очень чистая, съ англійской точки зрѣнія; но русскій студентъ нашелъ бы ее великолѣпной. Англичанинъ, повидимому, можетъ удѣлять больше вниманія своей постели, чѣмъ русскій молодой человѣкъ, когда ему тоже приходится исполнять обязанность горничной. Мнѣ припоминалась моя изба въ Средне-Колымскѣ, которую я подметалъ разъ въ двѣ недѣли и считался еще чистѣхой. Я наблюдалъ, какъ студентъ тщательно взбиваетъ подушку, разстилаетъ простыню, вытягиваетъ одѣяло, чтобы не было морщинки (мы довольствова-

лись оленьими шкурами вмѣсто матраца и заячьими одѣялами. Наши простыни все пошли на палатки и на бѣлье). Надъ кроватью, на стѣнѣ у студента висѣлъ нагрудникъ, проволочная маска и рапиры для фехтованія. Въ комнатѣ было еще мѣсто для маленькаго умывальнаго стола, служившаго также и письменнымъ столомъ. Лоханка и кувшинъ съ водой стояли подъ столомъ, а на немъ лежали книги и бумаги. Мы разговорились со студентомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что родомъ изъ Йоркшира. Въ коллѣджѣ онъ только нѣсколько мѣсяцевъ, но пребываніе здѣсь уже революціонизировало его прежнія понятія о рабочихъ организаціяхъ и ихъ функціяхъ. Прежде онъ думалъ, что интересы предпринимателя и рабочаго тождественны, а теперь убѣжденъ, что они прямо противоположны. Классовая борьба существовала всегда и будетъ существовать. Конечно, рабочіе должны принять социальныя реформы, если ихъ дастъ парламентъ. Но парламентъ не можетъ сдѣлать ничего такого, чего не сдѣлали бы рабочіе сами для себя, и гораздо лучше.

Постель была сдѣлана въ это время. Студентъ надѣлъ пиджакъ, предложилъ мнѣ и знакомому стулья, а самъ сѣлъ на постель, такъ какъ другаго мѣста уже не было.

— Эдвардъ пишетъ,—объяснилъ мой знакомый. И изъ дальнѣйшихъ объясненій я узналъ, что студентъ составляетъ популярныя книжечки для самыхъ темныхъ людей. Онѣ будутъ переведены потомъ на валійскій языкъ, чтобы ими могли пользоваться деревенскіе жители въ такихъ мѣстахъ, какъ Тредетаръ или Абердэръ. На просьбу познакомить меня съ какою-нибудь книжкою, студентъ довольно охотно прочиталъ мнѣ кое-что и далъ отпечатанную брошюрку, изъ которой привожу діалоги между отцомъ и маленькимъ сыномъ.

— Что это за мѣсто, папа?

— Это—кирпичный заводъ, дитя мое.

— Чей это кирпичный заводъ?

— Мой.

— Принадлежатъ ли вамъ все сложенные кирпичи?

— Да.

— Принадлежатъ ли также вамъ все эти грязные люди?

— Нѣтъ. Въ нашей странѣ нѣтъ рабства. Они свободны.

— Почему они работаютъ такъ усердно?

— Они работаютъ, чтобы достать на жизнь.

— Почему они работаютъ, чтобы достать на жизнь?

— Потому, что они бѣдны и обязаны работать.

— Почему же люди эти бѣдны, если они работают такъ усердно?

— Не знаю.

— Быть можетъ, кто-нибудь крадетъ у нихъ то, что они зарабатываютъ?

— Нѣтъ, дитя мое! Почему вы задаете такіе смѣшные вопросы?

— Я думаю, что эта глина попадаетъ имъ въ глаза и дѣлаетъ ихъ слѣпыми. Ну, а кому принадлежатъ кирпичи, когда ихъ сдѣлаютъ? Тѣмъ людямъ, которые лѣпятъ ихъ, конечно?

— Нѣтъ, кирпичи принадлежатъ мнѣ.

— Изъ чего дѣлаютъ кирпичи?

— Изъ глины, мой мальчикъ.

— Что? Только изъ той грязи, которую мы видимъ здѣсь?

— Да, только изъ нея.

— Кому принадлежитъ эта грязь?

— Мнѣ.

— Вы сами сдѣлали ее?

— Нѣтъ. Богъ сотворилъ ее.

— Сотворилъ ли Богъ собственно для васъ?

— Нѣтъ, я ее купилъ.

— Вы купили ее у Бога?

— Нѣтъ, я купилъ ее, какъ покупаю вообще что-нибудь другое.

— А тотъ человѣкъ, у котораго вы приобрѣли грязь, купилъ у Бога?

— Не знаю. Спрашивайте меня о чемъ-нибудь другомъ.

— Во всякомъ случаѣ хорошо, что вы приобрѣли эту землю.

— Почему, сынокъ?

— Потому, что иначе вамъ пришлось бы дѣлать эти ужасные кирпичи, чтобы жить. Долженъ ли я буду, когда вырасту, работать, чтобы жить?

— Нѣтъ, мой мальчикъ. Когда умру, я вамъ оставлю эту землю.

— Во что обращаются всѣ люди, когда умрутъ?

— Въ глину, мой мальчикъ.

— Когда вы умрете, папа?

— Не знаю. Почему вы спрашиваете?

— Такъ. Я думаю, какой твердый кирпичъ выйдетъ изъ той глины, въ которую вы превратитесь.

Мы перешли въ слѣдующее помѣщеніе, оказавшееся кухней. Два студента, безъ сюртуковъ, въ бѣлыхъ передникахъ возились у чистаго кухоннаго стола. Одинъ старательно чистилъ картофель, а другой приготовлялъ тѣсто для пудинга. Студенты даже стряпаютъ по очереди, но, какъ объяснилъ мнѣ знакомый, не всѣ проявляютъ одинаковые кулинарные таланты. Есть прямо гении своего рода,—зато другіе стряпаютъ изъ рукъ вонъ плохо. Мнѣ припомнился афоризмъ Брїія-Саварэна изъ его гениальной поваренной книги: «La decouverte d'un mets nouveau fait plus pour le bonheur du genre humain que la decouverte d'une étoile». (Открытіе новаго блюда больше содѣйствуетъ счастью человѣческаго рода, чѣмъ открытіе звѣзды). Повидимому, въ Рабочемъ Коллѣджѣ не дѣлаютъ изысканій, ведущихъ къ открытіямъ подобнаго рода; но тутъ, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо больше думаютъ о ѣдѣ, чѣмъ среди всякихъ молодыхъ интеллигентныхъ людей. (И мнѣ пришлось стряпать по дежурству много лѣтъ тому назадъ. Дежурный бралъ котель, клалъ туда кусокъ оленины, наливалъ воду и ставилъ у огня. Когда оленина уваривалась, дежурный ставилъ котель на столъ, вынималъ мясо на доску и звалъ всѣхъ обѣдать).

Изъ кухни мы попали въ чистенько убранную гостиную. Полъ былъ застланъ ковромъ. Посреди комнаты стоялъ столъ, покрытый ковровой скатертью. На столѣ лежали книги, газеты и брошюры. Въ углу стоялъ, повидимому, самодѣльный шкафъ съ книгами. Все показывало, что minimum внѣшнихъ удобствъ превратился въ нѣчто необходимое, какъ воздухъ, какъ вода. Молодые люди, которые живутъ въ коллѣджѣ, прежде были литейщиками, матросами, докерами, каменотесами, ткачами, углекопами, машинистами. Всѣ они прошли суровую школу жизни; но есть нѣкоторыя жизненныя потребности, о которыхъ мы, русскіе интеллигенты, вышедшіе изъ сравнительно обезпеченнаго класса, никогда не думаемъ въ извѣстномъ возрастѣ и въ извѣстной обстановкѣ. Англичане же безъ этихъ потребностей нигдѣ не могутъ обойтись. Этимъ докерамъ и углекопамъ непонятно, какъ можно спать на полу, безъ простыни, какъ можно ѣсть безъ скатерти и салфетокъ и какъ можно бесѣдовать по душамъ въ грязной, заплыванной комнатѣ. Молодые студенты сами убираютъ гостиную, сами чистятъ коверъ и стираютъ пыль съ гравюръ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. А тутъ самый революціонный элементъ въ современной Англїи.

Я засталъ въ гостиной около десятка студентовъ. Потомъ пришли еще другіе, покончившіе съ обязательной работой въ спальняхъ или же въ кухнѣ. Одинъ изъ студентовъ досталъ изъ кармана нѣсколько листиковъ исписанной бумаги, вынулъ трубку изъ зубовъ и сталъ читать докладъ о стачкахъ. Студентъ доказывалъ, что теперь, когда, хозяева объединились, стачки становятся все болѣе и болѣе невыгоднымъ дѣломъ для рабочихъ, и ихъ безпомощное положеніе выясняется каждый разъ, когда возникаетъ стачка. Мы видимъ, какъ интересы разныхъ трэдъ-юніоновъ сталкиваются до такой степени, что рабочіе одного профессиональнаго союза готовы стать «паршивцами», когда члены другого союза объявляютъ стачку. Положеніе отдѣльных трэдъ-юніоновъ въ подобномъ случаѣ тяжело, но оно отягчается еще поведеніемъ самихъ стачечниковъ. Одни, напр., согласно правиламъ, предупреждаютъ хозяевъ о стачкѣ за недѣлю и даже раньше, давая имъ, такимъ образомъ, возможность заготовиться «паршивцами». Трэдъ-юніоны стараго типа мотивируютъ свой поступокъ тѣмъ, что хозяева тоже предупреждаютъ рабочихъ заранѣе, если хотятъ объявить локаутъ. Но сравненіе не подходитъ,—продолжалъ докладчикъ,—рабочіе и хозяева не находятся въ одинаковомъ положеніи. Сила рабочаго заключается только въ томъ, что онъ сразу можетъ остановить производство. Предупреждая объ этомъ заранѣе, онъ самъ отниметъ у себя послѣдній шансъ. А хозяинъ, рѣшившій объявить локаутъ, давно уже задумалъ закрыть свою фабрику или свой заводъ. Вотъ почему рабочіе никогда не должны предупреждать предпринимателей о стачкахъ. Затѣмъ стачки, объявляемыя англійскими трэдъ-юніонистами, отличаются еще одною особенностью,—продолжалъ докладчикъ.—Вмѣсто того, чтобы бастовать въ наиболѣе оживленное время, когда хозяину необходимы рабочіе, трэдъ-юніонисты, какъ будто нарочно, подгоняютъ стачки къ мертвому сезону. Это обусловливается контрактомъ, заключеннымъ между предпринимателями и рабочими. Отсюда мы видимъ, что договоры связываютъ только рабочихъ. Выводъ тотъ, что, объявляя стачку, рабочіе меньше всего должны считаться съ существующими договорами. Затѣмъ стачки, начинаемыя отдѣльными трэдъ-юніонами, затягиваются надолго. Всего лишь недавно мы видѣли стачку въ Южномъ Уэльсѣ, продолжавшуюся десять мѣсяцевъ. Чѣмъ дольше тянется стачка, тѣмъ выгоднѣе для

предпринимателей. Затянувшаяся стачка всегда кончается поражением рабочих. Выводъ, къ которому пришел докладчикъ, обычный, выставляемый синдикалистами. Надо сформировать одинъ трэдъ-юніонъ и устраивать большія забастовки, безъ всякихъ предупрежденій, въ самый оживленный періодъ промышленности.

Докладчику возражали. Было очевидно, что среди студентовъ есть и не-синдикалисты. Мнѣ было интересно слушать студентовъ не только потому, что передо мною выяснялись настроенія молодой рабочей публики. Я вглядывался въ лица спорившихъ (несмотря на то, что тема, повидимому, захватывала за живое всѣхъ, не было ни крика, ни запальчивыхъ «полемическихъ» приемовъ), и мнѣ припоминалось одно мѣсто у Герцена. Описывая нѣмецкаго эмигранта Германа Струве, Герценъ говоритъ: «Лицо его выражало тотъ нравственный столбнякъ, который изувѣрство придаетъ святошамъ и раскольникамъ. Глядя на этотъ крѣпкій, старый лобъ, на покойное выраженіе глазъ, на нечесанную бороду и на всю его фигуру, мнѣ казалось, что это или какой-нибудь фанатическій пасторъ изъ войска Густава-Адольфа, забывшій умереть, или какой-нибудь таборить, проповѣдующій покаянiе и причастіе въ двухъ видахъ». Въ Рабочемъ Коллѣджѣ я видѣлъ, прежде всего, очень энергичныхъ и сильныхъ людей. Требуется, конечно, большая энергія для молодого углекопа или каменотеса, чтобы послѣ утомительной работы взяться за книги. Я видѣлъ не только сильныхъ, но и глубоко убѣжденныхъ людей. Всѣ они учились только для того, чтобы съ запасомъ знаній возвратиться въ мастерскія, въ шахты или въ сигнальныя будки. Но я не замѣтилъ въ коллѣджѣ фанатиковъ съ лицами, выражавшими «нравственный столбнякъ». Очевидно, англійскому ясному и точному уму чуждо совершенное окоченіе на одной какой-нибудь сакраментальной формулѣ, какого бы характера она ни была. Студенты, прежде всего,—англичане, т.-е. люди практичные, желающіе дѣла, а не формулы...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Безъ работы.

I.

Послѣ того, какъ былъ проѣденъ послѣдній фартингъ тѣхъ двухъ шиллинговъ, которые получила за шаль отъ закладчика, Флоренсъ Грэй, она три дня пролежала въ постели. Наконецъ, сильно ослабѣвшая, она поднялась, обулась и, несмотря на то, что въ головѣ плыло все, а ноги дрожали,—вышла на улицу. Туда ее потянуль стадный инстинктъ, присущій человѣку. Определенныхъ цѣлей у Флоренсъ Грэй не было. Хотѣлось только быть тамъ, гдѣ есть люди.

Больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ молодая дѣвушка Флоренсъ Грэй, служившая прежде въ деревенскомъ трактирѣ *Голова Турка*, явилась въ Лондонъ, поселилась въ Жемчужной Аллеѣ и стала нашивать пуговицы для фирмы «Блэкъ, Пэмбертонъ и К^о». Съ тѣхъ поръ Флоренсъ Грэй прожила несмѣнно въ одной и той же комнатѣ, и здѣсь, за тою же работой, превратилась незамѣтно въ старуху. Философъ древности сказалъ: «Скоро наступитъ время, когда ты забудешь; но еще скорѣе случится, что тебя забудутъ всѣ». Вторая часть афоризма сбылась очень скоро. Флоренсъ Грэй не только забыли всѣ въ трактирѣ, но не замѣтили даже, какъ она ушла изъ деревни. Такъ не замѣчаютъ приبلудшую кошку, которая посидѣла у порога и убѣжала, вспугнутая собакой. Зато первая часть афоризма оказалась невѣрной. Флоренсъ Грэй не забывала прошлаго. И, чѣмъ больше уходило лѣтъ, чѣмъ больше сотенъ тысячъ пуговицъ нашивала она на синіе кусочки картона; чѣмъ больше сѣдыхъ волосъ появлялось въ вискахъ,—

тѣмъ чаще возвращалась Флоренсъ Грэй къ прошлому, точнѣе, къ одному моменту. Она вспоминала жаркій лѣтній день, тихую рѣку и нависшія ветлы. Надъ водою вьются зеленыя стрекозы. Въ воздухѣ сильно пахнеть бѣлыми цвѣтами, растущими у самой воды. На травѣ сидитъ Флоренсъ, а рядомъ съ ней—краснощекой Дикъ Путнеръ. Черезъ день ему нужно быть въ Кардиффъ, на кораблѣ *Жаворонокъ*, который уходитъ куда-то далеко на югъ, къ испанскому материку, какъ называютъ до сихъ поръ англичане Южную Америку. Дикъ Путнеръ—матросъ. Онъ такой веселый, здоровый, добродушный. Щеки у него буры, носъ и скулы лоснятся. Дикъ Путнеръ, громко чмокая, цѣлуетъ Флоренсъ и поетъ ей старыя пѣсни матросовъ про Непобѣдимую армаду, про пирата сэра Говера, снявшаго буй съ колоколомъ, которымъ была обозначена подводная скала, про ограбленіе буканирами Номбре-де-Диосъ и пр. И изъ всѣхъ пѣсень Флоренсъ Грэй запомнила одну, не морскую, а про удалого разносчика, выкликающаго: «Перчатки, пахнуція дамасскими розами, маски для лицъ и для носовъ, браслеты, янтарныя ожерелья». Пѣснѣ этой столько же лѣтъ, сколько и балладъ про разгромъ Испанской армады или про пирата сэра Говера. Каждый куплетъ кончается припѣвомъ:

«Come buy of me, come; come buy, come buy;
Buy, lads, or else your lasses cry:
Come buy».

(«Покупайте, покупайте у меня, парни, иначе ваши дѣвушки будутъ плакать; покупайте»). Дикъ Путнеръ говорилъ тогда, что отправляется въ *последнее* плаванье, послѣ котораго вернется и женится на Флоренсъ. Плаванье, дѣйствительно, было послѣднее; но Дикъ Путнеръ не женился на Флоренсъ Грэй, потому что не возвращался больше. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стали говорить, что *Жаворонокъ* со всѣми «руками» на немъ погибъ, захваченный штормомъ гдѣ-то въ Караибскомъ морѣ. Флоренсъ Грэй къ тому времени нужно было оставить деревню. Она ушла въ Лондонъ. Здѣсь родился ребенокъ, прожившій только недѣлю. И когда Флоренсъ оправилась, она достала работу и поселилась въ Жемчужной Аллеѣ. Флоренсъ забыла морскія баллады, которыя пѣлъ ей Дикъ, забыла напѣвъ ихъ; но запомнила она пѣсню про удалого разносчика. Собственно, въ памяти остались отдѣльныя слова и весь при-

пѣвъ. Что касается напѣва, то онъ звучалъ въ памяти, хотя Флоренсъ никогда не пробовала повторить его.

Никто не могъ бы сказать, почему тотъ тупой переулокъ, въ которомъ поселилась Флоренсъ Грэй, назывался Аллеей, да еще Жемчужной. Въмѣсто деревьевъ, въ Аллеѣ были только два ряда черныхъ, двухъэтажныхъ домиковъ, двери которыхъ находились наравнѣ съ тротуаромъ. Аллея была такъ узка, что сосѣдки, переругивавшіяся изъ противоположныхъ оконъ, почти могли вцѣпиться другъ другу въ волосы. Нѣкоторые домики, въ которыхъ жили накрашенные женщины, выходившія только ночью, были особенно шумны. Тамъ постоянно ругались или били кого-нибудь. Но въ Жемчужной Аллеѣ жили также мирные, тихіе люди, работавшіе съ утра до поздней ночи. Тутъ ютились жертвы «выжимальщиковъ пота». Въ домикѣ № 14, на примѣръ, жила горбунья, которую постоянно можно было видѣть у громадныхъ пяльцевъ. Она обшивала золотой ниткой украшенія на воротникахъ военныхъ мундировъ. Горбунья была такъ искалѣчена, что безъ посторонней помощи не могла взобраться на высокій стулъ у пяльцевъ. Въ верхнемъ этажѣ того же домика № 14 жила женщина съ тремя дѣтьми. Онѣ клеили коробки для фирмы, выпустившей какія-то новыя конфеты, для которыхъ придумали новое слово «маиспошъ». За двѣнадцать дюжинъ такихъ коробокъ женщина получала $2\frac{1}{4}$ пенса, при чемъ должна была покупать свой клейстеръ. Рядомъ, въ другомъ домикѣ, въ нижнемъ этажѣ жили иностранцы, доканчивавшіе панталоны для большой и богатой фирмы. Каждую субботу оборванные, растрепанные дѣвочки, нагруженные черными фрачными панталонами, сѣрыми, кашемировыми и короткими твидовыми брюками, отправлялись въ центръ города сдавать работу. Надъ иностранцами помѣщался высокій, высохшій, какъ скелетъ, жилецъ, всегда тщательно выбритый, съ длинными полусѣдыми кудрями до плечъ. То былъ актеръ, когда-то пользовавшійся большою популярностью въ мюзикъ-холлахъ. Актеръ страдалъ тихимъ помѣшательствомъ. Какіе-то старые друзья присылали ему правильно десять шиллинговъ въ недѣлю. Каждый день актеръ, тщательно выбрившись, накинувъ свое единственное длинное и широкое выцвѣтшее пальто, отправлялся пѣшкомъ въ центръ города, гдѣ находятся главные театры. Здѣсь онъ помѣщался у дверей того мюзикъ-холла, въ которомъ имѣлъ когда-то успѣхъ, и

стоялъ неподвижно до тѣхъ поръ, покуда публика начинала расходиться. Тогда онъ тоже отправлялся домой. Актеръ былъ совершенно одинокъ, никого онъ не зналъ и жилъ только своимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ. Домикъ № 20 сравнительно съ другими былъ чистый. Здѣсь жилъ аристократъ Жемчужной Аллеи—работникъ Джо Торнъ, служившій уже лѣтъ двадцать пять въ сосѣдней громадной каретной мастерской, гдѣ онъ отдѣлывалъ ручки. Никто въ Жемчужной Аллеѣ, кромѣ Джо Торна, не зарабатывалъ сорокъ шиллинговъ въ недѣлю. Никто, кромѣ миссисъ Торнъ, не покупалъ по субботамъ на воскресенье большую ногу баранины. Ни у кого, кромѣ Торна, не было книжки въ сберегательной кассѣ, никто, наконецъ, въ Жемчужной Аллеѣ, кромѣ Джо, не ощущалъ необходимости разстегнуть пуговицы на жилетѣ послѣ обѣда и дать просторъ желудку. Джо Торнъ привыкъ къ почету. Онъ не переселялся изъ Жемчужной Аллеи, главнымъ образомъ, потому, что здѣсь игралъ первую роль. Когда дѣти Джо Торна подросли и устроились самостоятельно, въ домѣ освободилась комната, которую сдавали за три шиллинга въ недѣлю калѣкѣ Фьюстнеру. Онъ работалъ раньше не въ Лондонѣ, а въ Генлей, на гончарномъ заводѣ; здѣсь у Фьюстнера появилась сперва слабость и дряблость мускуловъ, потомъ начались жестокия колики въ самомъ центрѣ живота. Цѣлыми днями донимала невралгія. Стали дрожать руки и ноги. Наконецъ, разъ на фабрикѣ Фьюстнеръ свалился въ жестокихъ конвульсіяхъ. Врачъ осмотрѣлъ синія полоски на деснахъ у корня зубовъ и констатировалъ свинцовое отравленіе. Больного отправили въ больницу. Какъ только онъ немного оправился, то опять пошелъ на работу. Невралгія и дрожаніе конечностей опять возвратились еще въ болѣе жестокой формѣ. Снова повторились колики. Явилась подагра. Каждый мѣсяць отравленный болѣлъ нѣсколько дней. Заводъ пришлось покинуть. По закону объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье работниковъ, заводъ выдалъ больному вознагражденіе въ 112 ф. ст. Съ этими деньгами Фьюстнеръ явился въ Лондонъ. Онъ нашелъ несложную работу у зеленщика. Болѣзнь являлась періодически. Въ это время работу приходилось оставлять. Сперва Фьюстнеръ сидѣлъ въ это время дома; но такъ какъ въ нетопленной комнатѣ зимой холодно, то онъ отправлялся грѣться въ ближайшую бесплатную библіотеку. Здѣсь онъ сталъ читать и думать. Скоро Фьюстнеръ пристра-

стился къ чтенію и живо заинтересовался экономическими вопросами. Память на факты и цифры у него была изумительная. Лѣтомъ, когда окна были открыты, все населеніе Жемчужной Аллеи часто слышало, какъ Фьюстнеръ спорить съ Джо Торномъ, у котораго снималъ комнату. Джо, горячій поклонникъ «Daily Mail», которую читалъ изо дня въ день, оттуда черпалъ свои политическіе и экономическіе взгляды. «Мы, англійскіе работники,—солидно говорилъ Джо,—не вѣримъ пустымъ бреднямъ. Вашъ социализмъ намъ не надобенъ. Всѣ необходимыя реформы можно осуществить и при нынѣшнемъ порядкѣ». Джо былъ очень доволенъ этой фразой и засосалъ трубку, ожидая что скажетъ оппонентъ. Фьюстнеръ заволновался и, по обыкновенію, засыпалъ противника цифрами.

— Вѣдомо ли вамъ, что годичный доходъ всего населенія Соединеннаго Королевства достигаетъ 1.750 мил. ф. ст.? Вѣдомо ли вамъ, что 600 мил. ф. ст. изъ всей этой суммы берутъ себѣ 250.000 человѣкъ? Знаете ли вы, что пять милліоновъ населенія имѣютъ доходовъ въ 850 мил. ф. ст.? Что же, по вашему мнѣнію, они *зарабатываютъ* эти деньги? Знаете ли вы, что 39 милліоновъ людей получаютъ въ Англии столько же, сколько 5 милліоновъ богачей и состоятельныхъ людей? Скажете ли вы, что это справедливое распредѣленіе? Ежегодно умираютъ 700 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ 600.000 не оставляютъ никакого наслѣдства. Въ прошломъ году сумма оставленныхъ наслѣдствъ достигла 299 мил. ф. ст. И знаете еще что? Двадцать одна тысяча скончавшихся оставили наслѣдство въ 280 мил. ф. ст. Четыре тысячи человѣкъ оставили наслѣдство въ 218 мил. ф. ст. Какъ вы думаете, эти люди *заработали* всѣ эти деньги? Землевладѣльцы и капиталисты получаютъ въ годъ въ видѣ ренты и процентовъ 650 мил. ф. ст. Чтобы получить эти деньги, капиталистамъ не приходится ударить даже палець о палець.

— Mate (обращеніе англійскихъ работниковъ другъ къ другу),—почтительно замѣчаетъ Джо,—вашъ «кокосовый орѣхъ» (тутъ Джо тыкалъ пальцемъ въ лобъ собесѣдника) начиненъ цифрами, какъ гранатовое яблоко сѣмячками.

— Знаете ли вы, что въ Англии двѣнадцать милліоновъ народа находится всегда на границѣ бѣдности?—продолжаетъ между тѣмъ Фьюстнеръ.—Знаете ли вы, что въ Лондонѣ милліонъ людей, зарабатывающихъ не больше гиней въ недѣлю?

Сельскій работникъ получаетъ въ недѣлю только отъ 10—17 шиллинговъ. Въ городѣ многіе работники имѣютъ не больше сорока восьми фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Вы хорошо знаете, что семья изъ пяти человѣкъ не можетъ жить прилично меньше, чѣмъ на 21 шил. 8 пенсовъ въ недѣлю. И это тогда—если большакъ не пьетъ пива, не курить, не читаетъ газетъ и не устраиваетъ себѣ отдыха разъ въ годъ. Въ Лондонѣ каждый изъ трехъ умираетъ въ рабочемъ домѣ въ госпиталѣ или пріютѣ. Милліонъ дѣтей идутъ въ народную школу безъ завтрака. Люди женятся, чтобы имѣть семью, свой очагъ. Между тѣмъ милліонъ замужнихъ женщинъ отправляются ежедневно на работу на фабрики и въ мастерскія. Въ любое время въ Англии не меньше пятисотъ тысячъ безработныхъ. Неужели намъ не надобенъ социализмъ? Социализмъ дастъ намъ здоровую и справедливую общественную систему. Когда производство будетъ организовано по-новому и хорошему, всѣ получатъ возможность жить прилично. Социализмъ организуетъ производство и замѣнитъ дьявольскую систему соперничества коопераціей. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ выяснено ужасное положеніе массъ. Реформы не дали почти никакихъ результатовъ. Необходимо кореннымъ образомъ измѣнить все. Только социализмъ можетъ сдѣлать это.

Джо къ этому времени оправился уже отъ потрясенія, произведеннаго градомъ цифръ. Онъ приобрѣлъ прежній апломбъ, приличествующій первому лицу въ Жемчужной Аллеѣ, человѣку, который испытываетъ необходимость разстегивать послѣ обѣда жилетъ.

— Mate, не говорите глупостей!—спокойно замѣтилъ Джо. Потомъ, вспомнивъ аргументъ изъ «Daily Mail», прибавилъ:— Вашъ социализмъ установитъ только рай для бездѣльниковъ.

— Рай для бездѣльниковъ нечего устанавливать,—возразилъ калѣка,—онъ существуетъ теперь. Социализмъ превратилъ землю въ рай для желающихъ работать.

— Хорошъ рай, въ которомъ армія чиновниковъ будетъ гнать палками народъ на работы!—иронически замѣтилъ Джо, вспомнивъ еще разъ вычитанное изъ «Daily Mail».

— Если при социализмѣ, дѣйствительно, всѣхъ станутъ гнать палками на работу,—отпарировалъ Фьюстнеръ,—то какъ же это будетъ рай для бездѣльниковъ?

Джо раскрылъ даже ротъ отъ изумленія.

— Mate, вы остры, какъ бритва!—прохрипѣлъ онъ, нако-

нець:—но стойте, у меня еще аргументъ: если государство будетъ давать каждому, сколько ему нужно, то что же заставить людей работать? Я иду въ каретную мастерскую, потому что мнѣ нужны сорокъ шиллинговъ. Если бы мнѣ давали сорокъ шиллинговъ такъ, то я бы не вставалъ въ шесть часовъ и не отправлялся въ мастерскую, а сидѣлъ бы цѣлый день безъ сюртука у окна, курилъ бы мою трубку, пилъ пиво и читалъ бы «Daily Mail».

— Я уже говорилъ вамъ, что государство это—весь народъ. Онъ не можетъ давать каждому всего, если люди не работаютъ. Когда государственная машина, дѣйствительно, будетъ находиться въ рукахъ всего народа, бездѣльникамъ придется или работать, или окопѣвать съ голода. Свободный, образованный народъ не допуститъ существованія орды бездѣльниковъ. Ихъ рай *теперь*. По послѣдней переписи, въ Англии 665.000 человекъ, не имѣющихъ никакого дѣла, но живущихъ на капиталъ. Затѣмъ у насъ есть люди, не имѣющіе дѣла, потому что не находятъ спроса на силу своихъ рукъ. Потомъ бездѣльниковъ мы имѣемъ въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Теперь поощряютъ ничегонедѣланіе. Богатые бездѣльники существуютъ потому, что у насъ нѣтъ чувства самоуваженія и потому, что мы не смѣемъ сбросить лѣнтыя, усѣвагося намъ на плечи. Бѣдные бездѣльники существуютъ потому, что мы сочувствуемъ несчастнымъ. При настоящемъ порядкѣ вещей мы никогда не знаемъ, почему ходитъ человекъ безъ дѣла и нищенствуетъ: потому ли, что *не можетъ*, или потому, что *не хочетъ* достать работу. При социализмѣ никто не сможетъ жаловаться, что нѣтъ работы. Ее хватитъ на всѣхъ. Никто не сможетъ сказать, что онъ не способенъ работать. Такимъ образомъ, рай бездѣльниковъ будетъ разрушенъ.

II.

Флоренсъ Грэй нашивала перламутровыя пуговицы для фирмы «Блэкъ, Пэмбертонъ и К^о». За четырнадцать тысячъ пуговиць платили 2½ шиллинга. Такъ какъ Флоренсъ Грэй необходимо было выработать 7½ шиллинговъ въ недѣлю, то для этого приходилосьшивать сорокъ двѣ тысячи пуговиць. Это означало

четырнадцать часовъ работы и семь рабочихъ дней въ недѣлю. За двадцать слишкомъ лѣтъ жизни въ Лондонѣ Грэй знала только дорогу отъ Жемчужной Аллеи до Шордича, гдѣ помѣщалась фирма «Блэкъ, Пэмбертонъ и К^о». Сюда она ходила каждую субботу въ 4 ч., чтобы сдать работу, получить 7½ шил. и взять новый запасъ пуговицъ. Перламутровыя пуговицы заполнили весь горизонтъ Флоренсъ Грэй и вытѣснили все. И когда послѣ четырнадцатичасовой работы Флоренсъ Грэй ложилась спать, то ей снились только перламутровыя пуговицы.

Само солнце, когда оно показывалось, покрытое, какъ всегда въ Лондонѣ, туманной дымкой, представлялось Флоренсъ Грэй большой, плохо нашитой, а потому двигающейся перламутровой пуговицей. Двадцать лѣтъ прошли, какъ недѣля, не оставивъ почти никакихъ воспоминаній. Изъ пребыванія въ Жемчужной Аллеѣ Флоренсъ Грэй помнила только первый вечеръ. То было еще въ 1887 г., въ душный августовскій день, когда черные кирпичи великой каменной пустыни, въ которой находится Жемчужная Аллея, накалились, какъ печь. Флоренсъ, какъ теперь, помнитъ десятки дѣтей, высыпавшихъ изъ душныхъ домиковъ и гомозившихся на мостовой среди капустныхъ листьевъ и лоскутковъ бумаги, помнитъ все и разговоры. Девятилѣтняя Марджори, только что возвратившаяся съ берега моря, гдѣ провела цѣлую недѣлю съ другими дѣтьми, отправленными туда благотворительнымъ обществомъ, рассказывала своей пріятельницѣ Мэйбель, которая никогда никуда не выѣзжала, про чудеса «country» (деревни).

— Молоко берутъ отъ коровы. Корова ѣстъ траву, а вечеромъ люди берутъ чистое ведро и идутъ къ коровѣ.

— Но зато въ деревнѣ скучно,—старается обезцѣнить «country» Мэйбель, пораженная чудеснымъ способомъ добыванія молока.

— Нѣтъ, очень весело,—горячо защищала Марджори деревню.

— Тамъ людей нѣтъ.

— Кишмя кишать. Повернуться негдѣ.

— А карусели тамъ есть?

— Милліоны. Сто милліоновъ каруселей.

— А итальянцы, развозящіе въ повозочкахъ мороженое?

— Отъ нихъ прохода нѣтъ!

Мэйбель смущена и поражена чудесами и великолѣпіемъ деревни. Дѣвочка не находитъ даже что сказать.

Десятки дѣтей, взявшись за руки, вертѣлись, припѣвая: «Вотъ какъ мы ходимъ вокругъ шелковичнаго дерева въ ясное и морозное утро»¹⁾). Наконецъ, имъ надоѣло вертѣться.

— Будемъ играть въ золотой юбилей,—предложила десятилѣтняя Куини, первая красавица во всей Жемчужной Аллеѣ. Слухъ про юбилей Викторіи достигъ даже до каменной пустыни. Предложеніе было немедленно принято всѣмъ обществомъ, но возникли недоразумѣнія по поводу того, кому быть королевой. Куини категорически заявила, что Викторію изображать будетъ она, такъ какъ, помимо всего, можетъ достать «карету». Скоро устроилась и процессія. Впереди выступалъ лордъ Уолсли, держа въ рукахъ, вмѣсто маршальскаго жезла, мѣдный пестикъ отъ ступки; потомъ шествовала музыка, играя усердно на губахъ. Индійская гвардія тщательно вычернила себѣ лицо углемъ. Наконецъ шесть двуногихъ лошадей волокли «ландо», т.-е. ящикъ изъ-подъ крахмала, съ королевой Викторіей. Она кланялась и ласково улыбалась подданнымъ.

— Куини!—послышалось изъ одного окна.—Вы скверная дѣвчонка! Сейчасъ ступайте сюда и помогите мнѣ приготовить постели.

— Мы играемъ въ золотой юбилей.

— Я вамъ такъ наюбилею сейчасъ, что до рождественскаго пудинга помнить будете.

— Еще одинъ разъ проѣдемся!

— Если скажете еще слово, то отправлю спать безъ ужина.

Въ виду такой перспективы, королева Викторія рѣшила сложить съ себя санъ. Она выскочила изъ кареты и побѣжала домой. Процессія разрушена, но возникли другія игры. Дюжій Робби, изображавшій лорда Уолсли, сталъ у стѣны и согнулся.

— Мельникъ, мельникъ, тащи мѣшки!—закричали мальчишки, и одинъ за другимъ стали прыгать на спину Робби. Въ эту игру дѣвченокъ, конечно, не принимали. Тогда онѣ затѣяли свою собственную игру въ лавочку. «Лавочница» усѣлась у стѣны и на доскѣ разложила товары: кусочки дерева, камни и тряпочки.

— Здравствуйте, *та'ат*,—начала одна покупательница.—

¹⁾ Дѣтская англійская игра.

Какой хорошей день, не правда ли? Какъ поживаетъ ваше баби, *ma'am*?—Лавочница съ достоинствомъ отвѣчаетъ, что баби чувствуетъ себя хорошо, но только мучается зубами.

— Чѣмъ могу служить?—дѣловито спрашиваетъ она.

— Дайте мнѣ,—говоритъ покупательница, подтягивая спадающій чулокъ,—двадцать пять самыхъ лучшихъ пирожковъ съ вареньемъ и двѣ тысячи фунтовъ лучшаго мороженаго различныхъ цвѣтовъ.

Громадный заказъ нисколько не смущаетъ лавочницу. Она спокойно заворачиваетъ двѣ деревяшки и получаетъ въ обмѣнъ камушекъ.

— Благодарю,—говоритъ она, слегка наклоняя голову.— Чѣмъ могу еще служить сегодня? У насъ очень хорошее имбирное пиво (родъ шипучаго кваса, очень любимаго англійскими дѣтьми). Есть у насъ еще отличный шербетъ, который шипитъ какъ не знаю что.

Покупательница задумывается, взвѣсивая въ головѣ предложеніе, и, наконецъ, спрашиваетъ «тридцать девять бушелей шербета».

— Мы вамъ пришлемъ на домъ покупку, *ma'am*, не беспокойтесь. Какъ ваши дѣти?—Покупательница отвѣчаетъ, что хорошо, но она не знаетъ, что дѣлать съ средней дѣвочкой. Просто бѣда съ нею.

Мало-по-малу изъ оконъ стали звать дѣтей, и Жемчужная Аллея опустѣла.

Только первый вечеръ пребыванія въ Жемчужной Аллеѣ помнила ясно Флоренсъ Грэй. Больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Марджори была потомъ замужемъ за Робби, который умеръ два года тому назадъ. Теперь она опять живетъ въ Жемчужной Аллеѣ съ тремя дѣтьми и клеитъ коробки. Берти Пальмеръ, который изображалъ вождя индійской гвардіи, пошелъ потомъ въ солдаты и пропалъ безъ вѣсти гдѣ-то въ Южной Африкѣ. Никто не знаетъ, гдѣ лежатъ его кости. Здоровякъ Билли Нолисъ—въ тюрьмѣ. Маленькій Френки Снэльгровъ вышелъ въ большіе люди. Теперь, говорятъ, животъ у него вдвое больше, чѣмъ у Джо, и на животѣ—двѣ золотыя цѣпочки. Красавица Куини въ семнадцать лѣтъ исчезла изъ Жемчужной Аллеи. Говорили потомъ, что она бродитъ ночью, накрашенная, по тротуару. Черезъ нѣсколько лѣтъ кто-то сказалъ, что Куини вытащили изъ Темзы. Бывали и

въ Жемчужной Аллеѣ большія событія, какъ, на примѣръ, тогда, когда въ домѣ № 21 задушили покрашенную женщину. Кто это сдѣлалъ, такъ и осталось невыясненнымъ. Два дня въ Аллеѣ толпились полисмѣны, сыщики, газетные репортеры, фотографы, а потомъ все опять успокоилось. Потомъ туфельщица Глэдисъ Ридъ пыталась во время мертвѣго сезона утопиться въ мутномъ и вонючемъ обводномъ каналѣ. Ее вытащили, привели въ чувство и привлекли къ суду; но у магистрата Глэдисъ безстрашно рассказала, какъ трудно ей жить съ четырьмя дѣтьми. Лучше смерть, чѣмъ видѣть, какъ они голодаютъ. Случай произвелъ тогда большое впечатлѣніе. Газеты въ тотъ день писали, что Лондонъ не знаетъ про то, какъ живутъ тысячи людей. Глэдисъ отпустили безъ наказанія. Въ Жемчужной Аллеѣ появились послѣ того дамы-благотворительницы, которыя навезли теплое платье, чай, сахаръ и обувь дѣтямъ.

А Флоренсъ Грэй все нашивала пуговицы. Прошло болѣе двадцати лѣтъ. За это время открыли Центральную Африку, изобрѣли удивительныя машины, овладѣли воздухомъ, нашли радій и аргонъ, создали теоріи, перевернувшія старые незыблемыя взгляды, начался и кончился цѣлый рядъ войнъ. Люди говорили, что міръ стремительно мѣняется, а въ Жемчужной Аллеѣ Флоренсъ Грэй все нашивала перламутровыя пуговицы. Каждую субботу въ четыре часа дня она отправлялась въ Шордичъ, чтобы сдать фирмѣ «Блэкъ, Пэмбертонъ и К^о» работу и получить новый запасъ пуговицъ. Фирма была большая, и Флоренсъ не знала мертвыхъ сезоновъ.

III.

И вотъ времена измѣнились. Появленіе холеры даже въ слабой формѣ, даже тогда, когда она ограничивается двумя—тремя жертвами, ставитъ на ноги всю страну. Принимаются чрезвычайныя предосторожности, щедро льются деньги; всякая жертва окружается необыкновенными заботами. Между тѣмъ есть постоянная болѣзнь, присущая всѣмъ культурнымъ государствамъ, захватывающая иногда неизмѣримо больше жертвъ, чѣмъ холера,—и замѣчаемая только тогда, когда жертвы отказываются страдать молча. Страданіе это—безработица Болѣзнь

эта—эндемическая, но иногда принимаетъ характеръ эпидеміи и передается изъ одной страны въ другую. Такой именно характеръ носитъ безработица, надвинувшаяся на Англію осенью 1908 г. Писатели и общественные дѣятели спорили между собою при опредѣленіи причинъ «экономической эпидеміи». Одни говорили, что болѣзнь зародилась въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ послѣдствіе денежнаго кризиса. Въ настоящее время экономическая жизнь всѣхъ странъ такъ тѣсно связана, что кризисъ въ одномъ углу земли немедленно отражается всюду. Что общаго, напримѣръ, имѣетъ Перу съ Болгаріей и Турціей? А между тѣмъ, когда Болгарія провозгласила свою независимость, на лондонской фондовой биржѣ одновременно упали не только болгарскія, турецкія, русскія, сербскія и австрійскія бумаги, но также и перувіанскія. Кризисъ въ Соединенныхъ Штатахъ, доказывали экономисты, не могъ не повести за собою кризиса въ Англій. Другіе экономисты столь же убѣдительно доказывали, что всему виною система свободной торговли. Нѣмцы и американцы,—говорили экономисты,—навезли въ Англію свои фабрикаты, пустили ихъ по крайне низкой цѣнѣ и, такимъ образомъ, довели англійскихъ заводчиковъ если не до банкротства, то до необходимости искать за границей для своихъ капиталовъ поле дѣятельности. Одна фабрика за другой вынуждена теперь прекратить работу. Послѣдствіемъ, конечно, является безработица. Чтобы уничтожить ее необходимо поэтому прежде всего возвратиться къ охранительнымъ, если не къ покровительственнымъ тарифамъ. Высокія пошлины на ввозные товары дадутъ возможность окрѣпить англійскимъ заводамъ и фабрикамъ. Возникнутъ новыя отрасли промышленности, захваченныя теперь иностранцами. (При этомъ обыкновенно указывалось на изготовленіе автомобилей). При возникновеніи новыхъ фабрикъ явится усиленный спросъ на рабочія руки, что, въ свою очередь, поведетъ къ повышенію заработной платы и къ сокращенію рабочаго дня. Такимъ образомъ, протекціонизмъ означаетъ работу для всѣхъ. А такъ какъ таможенныя пошлины дадутъ значительный доходъ казнѣ, то государство сможетъ уменьшить подоходный налогъ. Другими словами, протекціонизмъ означаетъ еще уменьшеніе налоговъ.

— Если все то, что вы говорите о протекціонизмѣ, вѣрно,—возражали экономисты-фритредеры,—то чѣмъ же объяснить

существованіе безработныхъ въ странахъ, оцѣпленныхъ таможенными кордонами? Нѣтъ другой страны, гдѣ таможенные пошлины были бы такъ высоки, какъ въ Россіи. Заводчики и фабриканты являются тамъ любимыми и въ достаточной степени наглыми дѣтищами правительства. Между тѣмъ, ни въ одной странѣ нѣтъ столько безработныхъ, какъ въ Россіи. Нѣтъ также другой страны въ Европѣ, гдѣ населеніе было бы такъ бѣдно. Предположимъ, въ значительной степени это объясняется тѣмъ, что англичане называютъ *misgovernment*.

Возьмемъ, въ такомъ случаѣ, другія протекціонныя страны: республиканскіе Соединенные Штаты и высококультурную Германію. По официальнымъ отчетамъ «New - York Department of Labor» безработныхъ въ городахъ Сѣверо-Американской республики было въ 1902 г.—14,8%, въ 1903 г.—17,5%, въ 1904 г.—16,9%, а въ 1905 г.—11,2%. Теперь же безработныхъ въ большихъ городахъ 34%. «Богатства Соединенныхъ Штатовъ такъ безграничны,—читаемъ мы въ «The Encyclopedia of Social Reform»,—источники доходовъ такъ обильны; благоденствіе нѣкоторыхъ классовъ такъ очевидно, а заработная плата такъ высока, что не вѣрится въ возможность существованія людей, хронически не могущихъ достать работу. А между тѣмъ такова дѣйствительность». Въ Берлинѣ около 12% безработныхъ. Въ Англій въ нормальное время безработныхъ только 2,8%. Такимъ образомъ, при системѣ свободной торговли Англія имѣетъ значительно меньше безработныхъ, чѣмъ защищенные таможенными тарифами Соединенные Штаты и Германія. Нигдѣ въ Европѣ массы не живутъ такъ сыто, просторно, уютно и тепло, какъ въ Англій. Правда, теперь число безработныхъ значительно увеличилось и достигло до безпримѣрной въ Англій цифры—9%; но въ Берлинѣ теперь 16% безработныхъ, а въ Нью-Йоркѣ—34%. Увеличеніе числа безработныхъ въ Англій обусловливается не свободной торговлей, а общимъ кризисомъ. Такимъ образомъ, утвержденіе, что протекціонизмъ принесетъ съ собою работу для всѣхъ, не выдерживаетъ критики. Въ такой же степени неосновательно второе утвержденіе («протекціонизмъ принесетъ съ собою уменьшеніе налоговъ»). Въ самомъ дѣлѣ. Высокія пошлины или остановятъ ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ, или не остановятъ. Если остановятъ, значитъ, казна не будетъ получать доходъ отъ пошлинъ, а потому не сможетъ на счетъ

ихъ уменьшить подоходный налогъ. Если не остановать, то, значить, иностранные фабрикаты попрежнему будутъ конкурировать на внутреннемъ рынкѣ съ мѣстными товарами. Разсужденія фритредеровъ были совершенно правильны. Безработныхъ въ Англии, дѣйствительно, только 9%, тогда какъ въ Берлинѣ 14, а въ Нью-Йоркѣ—34%; но тѣмъ, которые попали въ эти 9%, трудно было утѣшиться подобными доводами.

— Причина безработицы лежитъ не въ свободной торговлѣ и не въ протекціонизмѣ, а въ другомъ,—объясняли иные экономисты.

Промышленные кризисы обусловливаются простыми естественными причинами, какъ, напримѣръ, хорошей или дурной погодой. Всѣ богатства приходятъ отъ земли или отъ моря. Большой или меньшій притокъ ихъ зависитъ отъ естественныхъ причинъ и лежитъ совершенно внѣ контроля человѣка. Поразительнымъ классическимъ примѣромъ является развитие и паденіе ганзейскихъ городовъ въ зависимости отъ неуреста сельдей. Подобные примѣры случаются ежегодно. Предположимъ, что страну по ту сторону рѣки Трэнть постигъ большой неурожай. Фермеры понесли большія потери. У нихъ теперь меньше что продавать, а потому покупательная способность уменьшилась. Вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые обслуживаютъ въ обычное время фермеровъ: заводчики сельскохозяйственныхъ машинъ, поставщики сѣмянъ, суконщики, бакалейщики и т. п.,—получаютъ теперь меньше заказовъ. Теперь посмотримъ на то же явленіе, но только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ.

Изъ года въ годъ Англія получала изъ Соединенныхъ Штатовъ три четверти всей потребляемой ею пшеницы. Но вотъ въ Соединенныхъ Штатахъ большой неурожай. Республика не имѣетъ больше хлѣба, который могла бы вывезти. Англія должна обратиться къ Аргентинѣ и Индіи. Но Соединенные Штаты, не имѣя хлѣба для экспорта, сократили также покупку англійскихъ товаровъ. И вотъ произошло полное нарушеніе равновѣсія на международныхъ рынкахъ, послѣдствіемъ котораго явилась безработица.

— Ни протекціонизмъ, ни свободная торговля, ни нарушеніе равновѣсія на международныхъ рынкахъ, вслѣдствіе стихійныхъ причинъ, не играютъ главной роли, опредѣляющей причину безработицы,—говорили еще экономисты. Всѣ

эти обстоятельства имѣютъ только второстепенное значеніе. Главной причиной безработицы является пристрастіе англійскихъ массъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Знаете, сколько каждый работникъ въ среднемъ несетъ въ недѣлю въ кабакъ? пять шиллинговъ. Рабочія массы въ Англии пропиваютъ въ годъ сто милліоновъ ф. ст.

За шиллингъ въ недѣлю каждый, принадлежащій къ большому профессиональному союзу, можетъ въ известной степени застраховаться отъ безработицы. Въ случаѣ болѣзни или потери работы застрахованный будетъ получать отъ своего трэдъ-юніона въ теченіе одного года по десяти шиллинговъ въ недѣлю. На верфяхъ на Клайдѣ теперь безработица. Сколько страданій можно было бы предупредить, если бы всѣ рабочіе тамъ носили свои шиллинги не въ кабакъ, а въ трэдъ-юніонъ! И теперь, несмотря на безработицу, на Клайдѣ въ одинъ мѣсяць пропито 4 мил. ф. ст.

Были, наконецъ, такіе экономисты, которые доказывали, что безработица неизбѣжное послѣдствіе капиталистической формы производства. Будетъ ли расцвѣтъ промышленности или кризисъ; будетъ ли страна окружена таможеннымъ кордономъ или нѣтъ,—безработица въ странѣ съ капиталистической формой производства неизбѣжна.

Какъ бы тамъ ни было, промышленный кризисъ надвинулся, и число безработныхъ стало быстро возрастать. На верфяхъ остановилась постройка новыхъ кораблей; въ томъ промышленномъ мірѣ, центромъ котораго является Бирмингэмъ, стали закрываться заводы. Въ Ланкаширѣ фабрики работали только черезъ день. Такъ какъ у фабрикантовъ накопился громадный запасъ товаровъ, то предприниматели понизили заработную плату на 5%. Рабочіе отвѣтили стачкой, тѣмъ именно, чего добивались фабриканты. Фабрики остановились, что дало предпринимателямъ возможность очистить склады. Остановившіеся станки прибавили къ кадрамъ безработныхъ тысячи людей, косвенно живущихъ «отъ хлопка». Изъ маленькихъ городковъ и деревень безработное населеніе устремилось въ большіе города, еще больше ухудшая тамъ такимъ образомъ положеніе ищущихъ работы. Англичанинъ по натурѣ своей не склоненъ терпѣть молча. И по мѣрѣ роста кадровъ безработныхъ увеличивалось раздраженіе, на что было указано въ парламентѣ, когда обсуждалось тамъ поло-

женіе вещей. «Я долженъ сказать палатѣ, что если безработныхъ ставятъ внѣ закона, то нельзя ожидать отъ нихъ также уваженія къ закону,—заявилъ одинъ изъ коммонеровъ.—Я не ограничусь произнесеніемъ рѣчей въ спокойной обстановкѣ, гарантируемой мнѣ парламентомъ, но пойду къ страдающему отъ голода народу и возьму на себя отвѣтственность за тѣ совѣты, которые дамъ ему. Страна должна быть выведена изъ бездѣйствія. Правительство, я надѣюсь, пойметъ всю серьезность положенія дѣль и внесетъ какую-нибудь рѣшительную реформу. Необходимо немедленно принять мѣры къ тому, чтобы люди не голодали на улицахъ богатѣйшаго въ мірѣ города».

Правительство обѣщало внести радикальную реформу зимой, а куда предложило парламенту «болеутоляющую» мѣру, какъ выразился премьеръ. Она заключалась въ ссудахъ муниципалитетамъ 1½ мил. ф. ст. для немедленнаго осуществленія намѣченныхъ работъ. Кромѣ этого, предложено вызвать двадцать четыре тысячи резервистовъ для ученія зимой. Проектировано было отпустить 300,000 ф. ст. существующимъ уже комитетамъ для пріисканія работы нуждающимся въ ней. Всѣ эти мѣры признаны были недостаточными людьми, стоявшими близко къ безработнымъ. «Въ настоящій моментъ намъ нужны не деньги,—сказалъ коммонеръ, критикуя въ парламентѣ предложеніе премьера.—Намъ нужна организованная система, которая поставила бы безработныхъ на работу. Если бы правительство отпустило не 1½ мил. ф. ст., а десять мил. ф. ст., то положеніе дѣль нисколько не улучшилось бы. Здѣсь говорятъ объ ассигнуемыхъ деньгахъ. Намъ нужна *работа*. Правительство отпускаетъ 300,000 ф. ст. специальнымъ комитетамъ. «Хорошо,—говорятъ безработные,—но гдѣ мы заработаемъ эти деньги?—Не знаю!»—отвѣчаетъ правительство». Отъ имени правительства отвѣчалъ этимъ коммонерамъ Джонъ Бернсъ, когда-то безработный, а теперь—министръ. «Къ правительству предъявляются требованія, чтобы оно сразу уничтожило безработицу и нищету,—сказалъ Бернсъ.—Внушающіе рабочимъ классамъ, что правительство можетъ это сдѣлать, находятся въ глубокомъ заблужденіи. Причины безработицы многочисленны. Мы имѣемъ тутъ факторы социальныя, экономическія, политическія и, такъ сказать, индивидуальныя. Всѣ эти факторы дѣйствовали на протяженіи многихъ вѣковъ. Одною мѣрою невозможно уничтожить все на-

копившіеся результаты». По утверждению Джона Бернса, острота кризиса значительно преувеличена. В палатѣ было сказано, что теперь въ Англіи до двухъ милліоновъ безработныхъ. Это утвержденіе несогласно съ фактами. Въ Лондонѣ, напри- мѣръ, въ 1907 г. на 1000 населенія 24,1 получали обществен- ную помощь. Въ 1908 г. процентъ нуждающихся только слегка поднялся, а именно 24,7 на тысячу. На тысячу населенія въ Англіи и Уэльсѣ было въ 1907 г.—21,5 нуждающихся, а те- перь 21,9. Въ Лондонѣ 31 комитетъ призрѣнія неимущихъ (Board of Guardians). Изъ нихъ пятнадцать комитетовъ имѣютъ теперь на попеченіи меньше неимущихъ, чѣмъ въ прошломъ году. Только три комитета, находящіеся въ восточномъ Лон- донѣ, имѣютъ теперь гораздо больше работы, чѣмъ въ про- шломъ году. Въ семи приходяхъ (Parishes) восточнаго Лондона 715,739 населенія, въ томъ числѣ неимущихъ, находящихся на общественномъ попеченіи, 25,826 человекъ. Въ трехъ при- ходахъ число пауперовъ уменьшилось, а въ трехъ—увеличи- лось на 2883. Рабочіе депутаты требуютъ, чтобы правитель- ство отпускало не деньги, а поручило бы муниципалитетамъ устраивать какія-нибудь общественныя работы на счетъ суммъ, собираемыхъ путемъ городскихъ налоговъ. Но именно это дѣла- лось въ тѣхъ округахъ восточнаго Лондона, гдѣ теперь больше всего пауперовъ.

IV.

За стѣнами парламента, на площадяхъ, перекресткахъ и въ паркахъ произносились гораздо болѣе страстныя и за- жигательныя рѣчи. Появился цѣлый рядъ ораторовъ, вне- запно выдвинувшихся изъ массъ. Эти ораторы изъ года въ годъ проповѣдывали въ паркахъ, но газеты никогда не находили надобнымъ отмѣчать ихъ рѣчи. Таковъ былъ Вильямсъ, или «Джэкъ», коренастый, широкоплечій человекъ съ круглой, большой головой, маляръ по профессіи. Маляры періодически страдаютъ отъ безработицы, а потому имѣютъ нѣсколько про- фессій. «Джэкъ» состоялъ секретаремъ какого-то трэдъ-юни- она. Стремительно выдвинулся Стюартъ Грэй, или «служи- тель евангелія», какъ онъ себя называлъ. Онъ ходилъ

всегда въ длинномъ, бѣломъ балахонѣ, съ большимъ отложнымъ воротникомъ. Подпоясывался Грэй всегда ораремъ, какой носятъ дьяконы. Стюартъ Грэй организовалъ особый отрядъ, который называлъ Голодными дружинниками. Одинъ изъ фланговыхъ этой дружины, Маскетъ быстро сталъ извѣстенъ призывами къ насилію. Но въ особенности изъ ораторовъ, обращавшихся къ безработнымъ, получилъ извѣстность Викторъ Грэйсонъ. Онъ былъ коммонеромъ, но его удалили на всю сессію за оскорбленіе всей палаты. Рѣчи Грэйсона дышали, прежде всего, глубокой ненавистью къ Джону Бернсу, котораго ораторъ именовалъ не иначе, какъ Іудой Искаріотомъ.

— Предложеніе, сдѣланное премьеромъ, не затрогиваетъ даже вопроса о безработныхъ,—говорилъ Грэйсонъ. Асквитъ и я—мы знаемъ, что случится. Если зимою не найдутъ работы для безработныхъ, то Вэстъ-эндъ будетъ плохо. Гдѣ ни выступятъ на платформѣ министры кабинета,—они прежде всего услышатъ про безработныхъ. Въ нашихъ рукахъ теперь ключъ позиціи. Мы скоро будемъ хозяевами. Кризисъ захватилъ насъ. Если вы не можете достать хлѣба для вашихъ голодающихъ женъ и дѣтей, то вотъ вамъ мой совѣтъ: грабьте и отнимайте.

— Вы не должны устраивать митинги за три мили отъ парламента. Ступайте ближе къ палатѣ, возьмите коммонеровъ за лацканы и заставьте выслушать ваши аргументы,—совѣтовалъ «Джэкъ» Вильямсъ.—Необходимо отравить существованіе коммонерамъ. Тогда они поймутъ, что нельзя терять времени.

— Я, Стюартъ Грэй, служитель евангелія и вождь Голодныхъ дружинниковъ—между вами. Если правительство захочетъ отправить меня въ тюрьму, вы должны испортить архитектуру этого зданія. Нельзя посылать въ тюрьму чело­вѣка за то, что онъ говоритъ правду. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ казнили чело­вѣка за то, что онъ дерзнулъ вѣщать правду. Теперь за это не смѣютъ казнить, но все же отправляютъ въ тюрьму. Не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ мы свершимъ дѣянія, которыя будутъ вписаны въ исторію. Мы разбудимъ спящую палату. Вы, безработные, голодные и страдающіе! Выползайте изъ вашихъ берлогъ. Несите ваши страданія къ палатѣ общинъ. Заставьте силой коммонеровъ, чтобы они васъ

выслушали. Я буду всегда впереди въ самыя трудныя минуты. Отдаю себя всецѣло на жертву за народное благо.

Но самыя рѣзкія рѣчи произносились «фланговымъ» Голодныхъ дружинниковъ, Маскетомъ. Онъ прямо призывалъ къ насилію.

— Вооружайтесь не палками и камнями, а бомбами и ступайте къ парламенту. Я поведу васъ. Необходимо послать этихъ лѣвтяевъ химическимъ экспрессомъ на тотъ свѣтъ. Я былъ солдатомъ и принялъ тогда присягу сражаться за родину. Присяга эта въ силѣ еще и теперь. Я—въ вашемъ распоряженіи... Отравляйте существованіе богатымъ людямъ. Уничтожайте все, что дорого имъ. Ступайте въ Національную галерею и тамъ уничтожайте картины.

Стюарта Грѣя и Маскета привлекли къ магистрату за произнесеніе рѣчей, призывающихъ къ безпорядкамъ.

— Вы иностранецъ?—спросилъ магистратъ у Маскета.

— Нѣтъ, англичанинъ.

— А въ домѣ умалишенныхъ сидѣли?

— Нѣтъ.

— Такъ вы были пьяны. Иначе не могу объяснить, какимъ образомъ англичанинъ, въ здоровомъ умѣ и имѣющій представленіе о конституціи своей страны, можетъ произносить подобныя рѣчи.

Вызванный свидѣтель показалъ, что знаетъ Маскета около двухъ лѣтъ и за все это время почти не помнитъ его трезвымъ. Магистратъ обязалъ обоихъ обвиняемыхъ вести себя тихо въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Крайне рѣзкія рѣчи раздавались не только въ паркахъ и на площадяхъ, но также съ церковнаго амвона. Извѣстное впечатлѣніе произвело письмо настоятеля церкви св. Троицы въ Блэки—Скофильда Батерси, къ епископу манчестерскому. Епископъ предлагалъ всѣмъ настоятелямъ церквей своей епархіи устраивать денежные сборы въ пользу безработныхъ. «Владыка,—писалъ настоятель Скофильдъ Батерси въ отвѣтъ на это,—когда же церковь и вожди ея поймутъ, что безработные требуютъ не милостыни, а справедливости? Когда церковь пойметъ, что нынѣшняя система правленія, какъ свѣтская, такъ и духовная, основана на несправедливости и на антихристіанскомъ принципѣ. Никакіе палліативы не могутъ принести справедливости въ міръ, держащійся на ненависти, чело-

вѣконенавистничествѣ и на всемъ, что отъ дьявола. Современная плутократическая система гибнетъ и разсыпается въ прахъ. Приближается великій переворотъ. Въ виду этого церковь должна взять на себя роль вождя, какъ и тогда, когда погибала древній міръ. Обновленная церковь должна отречься отъ лукавыхъ вождей, заполнившихъ ее и предававшихся всецѣло сильнѣнмъ міра сего. Прежде всего по отношенію къ безработнымъ необходима теперь справедливость. Помогать безработнымъ, не думая объ измѣненіи причинъ, производящихъ безработицу, могутъ только или ограниченные, слѣпые люди, или нечестные (knaves). Владыка, вы должны помочь намъ осудить тѣхъ богачей, которые путемъ эксплуатаціи труда бѣдняковъ, вопреки евангельской заповѣди, накопляютъ земли и дома. Поведите насъ въ походъ противъ тѣхъ лицемѣрныхъ христіанъ, которые кощунственно бормочутъ про братство людей и въ то же время готовы выслать вооруженныхъ людей для пролитія крови во имя защиты правъ собственности; противъ тѣхъ лицемѣровъ, которые говорятъ о помощи безработнымъ и въ то же время всѣми своими поступками увеличиваютъ число ихъ. Владыка, въ вашей епархіи въ Ланкаширѣ всюду видны зданія, камни которыхъ скрѣплены кровью и слезами. Эти камни вопіютъ къ Богу объ отомщеніи. Вы совѣтуете мнѣ молиться за безработныхъ. Но не оскорблю ли я Господа тѣмъ, что, молясь за безработныхъ, не обращаюсь къ производящимъ безработицу? Въ началѣ Господь сотворилъ не только небеса, но и землю, которую отдалъ человѣку, чтобы онъ жилъ на ней и кормился отъ плодовъ ея. Въ настоящее время мы имѣемъ десятки тысячъ акровъ, которые могутъ быть превращены въ страну, текущую молокомъ и медомъ. Съ Божьяго благословенія земля эта кормила бы всѣхъ желающихъ работать на ней. Но что же мы видимъ въ дѣйствительности? Христіанское правительство, съ благословенія христіанской церкви, закрѣпляетъ всю эту землю, столь необходимую народу, за нѣсколькими изнѣженными двуногими существами, дабы они могли утолить свою жажду крови охотой на невинныхъ птицъ и четвероногихъ. Мы, священники, постоянно живущіе среди народа и наблюдающіе круглый годъ безработныхъ, приходимъ къ такому заключенію. До сихъ поръ всѣ силы христіанскаго государства отданы были плутократіи и помогали ей создавать хроническую бѣдность. Этотъ порядокъ вещей необходимо уничтожить. Если христіан-

ское государство бьет дубинами и стрѣляетъ въ народъ во имя созданія хронической бѣдности, то не имѣемъ ли мы священнаго права прибѣгнуть къ насилію во имя правъ человѣка? Если церковь станетъ во главѣ движенія, то переворотъ свершится мирно, безъ пролитія хотя бы единой капли крови. Но если церковь попрежнему будетъ отстаивать интересы только богатыхъ насильниковъ, тогда она погибнетъ. Что же касается движенія, то оно не остановится, но только будетъ сопровождаться рѣками крови».

V.

Кризисъ и безработица отразились, конечно, на населеніи Жемчужной Аллеи. «Выжимальщики пота», столь безжалостные по отношенію къ своимъ работникамъ, обыкновенно раньше всѣхъ становятся жертвами надвигающагося кризиса. Каждый день кто-нибудь новый изъ обитателей Жемчужной Аллеи получалъ отдыхъ, котораго не желалъ. Большинство мужского населенія присоединялось къ партіямъ безработныхъ, бродившихъ по улицамъ Лондона. Обыкновенно такія партіи носятъ знамя съ надписью: «Мы требуемъ наше право на трудъ». Десятка два человѣкъ поютъ «голодные гимны», сложенные еще дѣдами въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Человѣкъ десять гремятъ коробками и приглашаютъ прохожихъ опускать туда пенсы. Такую партію провожаютъ обыкновенно два полицмэна. Тѣ мужчины изъ Жемчужной Аллеи, которые не участвовали въ шествіи безработныхъ, окружали обыкновенно калѣку Фьюстнера и просили его выяснитъ имъ положеніе дѣлъ. Калѣка объяснялъ—почему происходитъ безработица.

— Почему мы не въ состояніи найти работу, хотя готовы и умѣемъ работать? Доступъ къ землѣ для насъ закрытъ. Вся земля принадлежитъ теперь немногимъ собственникамъ. Всѣ богатства идутъ отъ земли. Если государство находитъ справедливымъ, чтобы источникъ всѣхъ богатствъ находился въ рукахъ немногихъ, то оно *обязано* найти работу для насъ, которыхъ оно устранило отъ этихъ источниковъ. Государство не должно грабить насъ и лишать *права на трудъ*. Намъ гово-

рять, что извѣстный процентъ безработныхъ неизбеженъ. Но это говорятъ люди, лишившіе насъ права на трудъ, Мы, попавшіе въ «неизбѣжный процентъ безработныхъ», не желаемъ мириться съ этимъ.

— Говорятъ еще, что времена теперь плохи, а когда улучшатся, то и безработныхъ будетъ меньше,—замѣтилъ одинъ изъ внимательныхъ слушателей.

— Дѣла могутъ поправиться, а безработные все-таки будутъ,—отвѣтилъ Фьюстнеръ.—Люди толкуютъ о работѣ такъ, какъ-будто она зависитъ отъ дождя или солнца. Одни говорятъ: «Состояніе промышленности хорошо или плохо». Хорошее состояніе промышленности никогда не разрѣшаетъ вопроса о безработныхъ и не можетъ разрѣшить. Намъ говорятъ, что, когда положеніе промышленности улучшится, работа будетъ для всѣхъ желающихъ. Если бы это было вѣрно, то и теперь работы должно было бы хватить на всѣхъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ состояніе промышленности было плохо, и сотни тысячъ безработныхъ бродили по улицамъ. Населеніе Англіи зарабатывало тогда 1.300 мил. ф. ст. въ годъ. Теперь оно зарабатываетъ 1.710 мил. ф. ст. Такимъ образомъ, состояніе промышленности улучшилось. Между тѣмъ, въ Соединенномъ Королевствѣ мы имѣемъ теперь 12 милліоновъ человѣкъ, которыхъ вся жизнь проходитъ впроголодь. Не доказываетъ ли это, что хорошее состояніе промышленности не разрѣшаетъ вопроса о безработныхъ?

Лекція эта происходила на тротуарѣ, гдѣ дѣти играли въ hopscotch, для чего на камняхъ начерчивается большой прямоугольникъ, раздѣленный на отдѣльные квадраты. Дѣти, прыгая на одной ногѣ, гонятъ носкомъ камешекъ изъ одного квадрата въ другой. Калѣка взялъ кусочекъ мѣла, начертилъ на плитахъ тротуара прямоугольникъ и раздѣлил его на четыре квадрата. Въ первомъ и во второмъ квадратахъ онъ положилъ по камешку и подписалъ подъ каждымъ: «помѣщикъ», «хозяинъ». Въ третій квадратъ онъ положилъ десять камешковъ и подписалъ «работчіе». Въ четвертый квадратъ калѣка положилъ одинъ камешекъ и подписалъ: «безработный».

— Вотъ вамъ положеніе Англіи,—сказалъ онъ, когда кончилъ чертежъ.—Годовой доходъ помѣщика, хозяина и десяти работниковъ, т.-е. стоимость богатствъ, производимыхъ ими въ годъ, составляетъ въ среднемъ 13 тысячъ ф. ст., въ ко-

торыхъ безработному не принадлежитъ никакой доли. Помѣщикъ не дозволитъ безработному даже пройти по землѣ; хозяинъ не желаетъ взять безработнаго. На всемъ островѣ нѣтъ спроса на его трудъ. Помѣщикъ и хозяинъ—отмѣнные политики и государственные дѣятели. Они говорятъ рѣчи безработному и увѣряютъ его, что работа явится тогда, когда улучшится состояніе промышленности и когда найдутъ новые рынки. Прошло двадцать лѣтъ. Доходъ помѣщика, хозяина и десяти работниковъ достигъ семнадцати тысячъ ф. ст. Дѣла на островѣ процвѣтаютъ. Богатства возрастаютъ. Общій доходъ страны увеличился почти въ полтора раза, тогда какъ населеніе возросло только на 20%. А, между тѣмъ, мы еще видимъ безработнаго. Что выигралъ онъ отъ того, что дѣла улучшились и страна разбогатѣла? Ничего. Рѣшительно ничего. Итакъ, mates, запомните: улучшение состоянія промышленности не только не разрѣшаетъ, но никогда не можетъ разрѣшить вопросъ о безработныхъ.

Толстый Джо тоже слушалъ объясненіе, но только безъ обычнаго сознанія собственнаго превосходства. Джо теперь находился въ непрерывномъ страхѣ. Отправляясь каждое утро на работу въ свою каретную мастерскую, онъ трепеталъ отъ сознанія, что, быть можетъ, въ послѣдній разъ, что, быть можетъ, сегодня получить расчетъ. И впервые толстый Джо сталъ задумываться надъ вопросомъ справедливости порядка, при которомъ человѣка, проработавшаго тридцать лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, выбрасываютъ на улицу только потому, что надвинулась старость, ослабѣли глаза, и пальцы перестали такъ проворно шевелиться, какъ въ двадцать пять лѣтъ.

Флоренсъ Грэй нашивала пуговицы. Она замѣтила безработицу развѣ нѣсколько больше, чѣмъ міровыя событія, случившіяся за двадцать лѣтъ. Но вотъ разъ въ субботу, когда Флоренсъ отнесла нашитыя пуговицы на Шордичъ, принимающій работу сказалъ, что фирма перестаетъ существовать. «Блэкъ, Пэмбертонъ и К^о» прекратили платежи. Въ специальной прессѣ говорили, что во всемъ виноваты иностранные конкуренты, пользующіеся дешевымъ тюремнымъ трудомъ; но Флоренсъ не допытывалась до причины. Она поняла только, что сразу исчезли не только средства къ существованію, но и все то, что двадцать лѣтъ наполняло жизнь. Образовалась пустота, безконечная, темная и страшная. Англійскій государственный

дѣятель такъ объяснялъ въ парламентѣ послѣдовательные шаги потерявшаго работу: «Сперва работникъ переселяется изъ болѣе удобнаго помѣщенія въ менѣе удобное, затѣмъ изъ менѣе удобнаго въ плохое. Потомъ работникъ мало-по-малу продаетъ мебель, платье, вещицы, пріобрѣтенныя въ хорошія времена. И если описанное состояніе продолжается, работникъ становится пауперомъ, семья распадается и идетъ просить общественной помощи». Но прежде, чѣмъ сдѣлать послѣдній шагъ, потерявшій работу испытываетъ все муки голода. Прежде, чѣмъ пойти въ рабочій домъ, работникъ долженъ предварительно вытравить въ себѣ self-respect, т.-е. чувство самоуваженія, на которомъ держится англійская культура. Флоренсъ Грэй съ поразительной быстротой прошла все ступени, намѣченныя выше. Она не перебралась только въ «худшую квартиру»; такъ какъ и безъ того помѣщеніе въ Жемчужной Аллеѣ было плохо. Процессъ реализаціи имущества продолжался очень недолго; за двадцать лѣтъ было нажито такъ мало! И вотъ, наконецъ, три дня послѣ того, какъ былъ проѣденъ послѣдній фартингъ изъ двухъ шиллинговъ, полученныхъ отъ закладчика за шаль,—голодная, больная Флоренсъ рѣшила пойти къ людямъ, гдѣ не такъ страшно.

VI.

Тотъ день былъ исключительный. Безработные потеряли терпѣніе и рѣшили устроить большую манифестацію въ центрѣ города. Съ своей стороны, лѣвое крыло суффражистокъ выпустило къ безработнымъ прокламаціи, въ которой просило «помочь женщинамъ ворваться въ парламентъ». Флоренсъ ничего этого не знала, и ее поразило необычайное оживленіе на улицахъ. Былъ вечеръ. Осень стояла удивительная для Лондона—ясная и погожая. На общественномъ лугу, покрытомъ обрывками газетъ (лѣтомъ и осенью здѣсь спали бездомные, закутавшись, вмѣсто одѣяль и простынь, въ газетные листы), по обыкновенію, лежали всюду мужчины и женщины; по обыкновенію, растрепанныя дѣвочки привезли своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ въ повозочкахъ, сдѣланныхъ изъ свѣчныхъ ящичковъ. Но было и нѣчто не совсемъ обычное. Подъ старымъ,

разрисованнымъ, измочаленнымъ непогодой знаменемъ стояло человекъ сто. То формировалась одна изъ многочисленныхъ процессій, которая потомъ должна была въ условленномъ мѣстѣ присоединиться къ большой процессіи безработныхъ. Обитатели Жемчужной Аллеи и другихъ аллей подобнаго рода, люди въ засаленныхъ котелкахъ, въ разбитыхъ башмакахъ, въ изорванныхъ штанахъ, изъ которыхъ выглядывали голыя колѣни, чувствовали себя нѣсколько неловко у знамени. Все это были не сознательные работники, привыкшіе къ общественной жизни и къ демонстраціямъ, а забытые чернорабочіе, для которыхъ безработица—хроническое состояніе. Было тутъ также немало «unemployable», какъ называютъ англичане людей, неспособныхъ, по слабости воли, по наклонности къ пьянству и вслѣдствіе физическаго или умственнаго уродства, къ правильной работѣ. Толпа эта не знала, что собственно нужно дѣлать. Организаторы демонстраціи выстраивали безработныхъ по шести въ рядъ. Затѣмъ роздали книжечки съ пѣснями. Одинъ изъ организаторовъ подсвистывалъ на дудкѣ напѣвъ, а десятка два безработныхъ сперва неувѣренно, а потомъ смѣлѣе пѣли по книжечкамъ:

«Швеи, слѣпнуція въ норахъ; женщины, надрывающіяся на фабрикахъ! Вы слишкомъ покорны и смиренны. Явитесь сюда, какъ валкиріи, прекрасныя въ вашемъ гнѣвѣ. Спойте намъ пѣсню про доблесть. Вдохновите насъ на бой.

«Довольно намъ страдать и видѣть, какъ жены и дѣти наши гибнуть отъ голода. Мы были слишкомъ долго рабами; но ночь проходитъ. Наступаетъ разсвѣтъ. Довольно плакать и стонать».

То была старинная пѣсня, сложенная еще дѣдами во время чартистскаго движенія и вытѣсненная потомъ куплетами, сочиненными въ мюзикъ-холлахъ. Напѣвъ безработные запомнили сразу, потому что всѣ пѣсни подобнаго рода поются въ Англіи на мотивъ старинныхъ церковныхъ гимновъ. Послѣ второго куплета толпа уже увѣренно подхватывала припѣвъ:

«Onward! friends of freedom,
Onward! for the strife,
Each for all we struggle,
One in death and life».

(«Впередъ, друзья свободы. Впередъ, на бой! Мы боремся всѣ за одного! Мы всѣ объединены на жизнь и смерть»).

Флоренсъ Грэй тоже присоединилась къ толпѣ и двинулась потомъ вмѣстѣ съ нею. Хорошо одѣтые прохожіе оглядывались на толпу съ любопытствомъ, страхомъ, сочувствіемъ или насмѣшкой въ глазахъ. Многіе опускали мѣдныя или серебряныя монеты въ спеціальныя ящики, которыми гремѣли нѣкоторые изъ толпы. «Помогите безработнымъ!» — кричали они. Два громадныхъ полицмэна, надвинувъ шишаки на глаза, молча провожали толпу. И когда пришли на площадь у моста, то задержались надолго. По выработанной программѣ, здѣсь должны были присоединиться зарѣчные безработные; но тѣ запоздали почему-то. Точно такъ, какъ каждую армію провожаютъ маркитанты, каждую большую демонстрацію, какъ бы бѣдны ни были участвующіе въ ней, сопровождаютъ десятки продавцовъ всякаго рода. Появились они возлѣ демонстрантовъ, остановившихся на площади у моста. Оборванцы предлагали оборванцамъ лимонадъ, бананы, орѣхи; но больше всего было продавцовъ литературы всякаго рода. Каждый изъ нихъ имѣлъ вѣрное средство отъ безработицы. Джентльмэнъ въ цилиндрѣ, въ черномъ сюртукѣ, съ таблицами на груди и спинѣ, рекомендовалъ отъ безработицы спеціальныя проповѣди, сочиненныя имъ. Молодой человѣкъ въ красномъ галстукѣ предлагалъ за пенни брошюрку, въ которой на 16 страничкахъ разрушалось старое общество, держащееся на неправдѣ, и создавалось совершенно новое, основанное на принципахъ справедливости. Настоятельнѣе всѣхъ выхвалялъ свою литературу высокій опухшій старикъ, съ длинными сѣдыми волосами ниже плечъ. Онъ держалъ въ рукахъ пачку маленькихъ брошюрокъ подъ названіемъ «Джонъ Буллъ и докторъ Соціализмъ». И по тону старика, по манерѣ его рекомендовать свой товаръ, наконецъ по формѣ самихъ брошюрокъ видно было, что то — довольный авторъ, который, вѣроятно, самъ же набиралъ и брошюровалъ свое произведеніе. Чтобы заставить публику охотнѣе покупать брошюрку, старикъ, наконецъ, принялся читать вслухъ выбранныя мѣста.

— Товарищи - сограждане, — началъ старикъ. — Весь вопросъ о причинахъ безработицы и многихъ другихъ социальныхъ болѣзней излагается въ этомъ произведеніи въ видѣ діалога между больнымъ Джономъ Буллемъ и докторомъ Соціализмомъ, котораго онъ призвалъ къ себѣ. Вотъ послушайте. Докторъ Соціализмъ совѣтуетъ пациенту не падать духомъ и не терять надежды на выздоровленіе.

— Надѣяться?—переспрашиваетъ Джонъ Булль.—Докторъ, я перепробоваль уже сотню различныхъ лѣкарствъ. Какіе только врачи не перебивали у меня? Что вы мнѣ посоветуете?

— Прежде опишите мнѣ нѣкоторые симптомы вашей болѣзни,—предлагаетъ докторъ Соціализмъ.

— Хорошо, что вы сказали «нѣкоторые». Чтобы перечислить всѣ симптомы, мнѣ понадобилось бы не меньше недѣли. Съ чего бы начать? Я страдаю отъ анеміи и плохого питанія. За послѣдній вѣкъ я получаю все больше и больше запасовъ и тѣмъ не менѣе такъ же слабъ и такъ же плохо питаюсь, какъ и раньше.

— Сколько вы получаете теперь?

— Около 1.750 милліоновъ ф. стер. въ годъ.

— Вамъ нужно накормить около 44 мил. ртовъ. Гм! Это составляетъ около 200 ф. ст. на каждую семью изъ пяти членовъ. При такомъ доходѣ можно быть здоровымъ.

— Вы думаете такъ? Но многіе получаютъ гораздо больше, а другіе гораздо меньше, чѣмъ 200 ф. ст. въ годъ.

— Теперь, мистеръ Булль, я хочу задать вамъ одинъ вопросъ: кто вырабатываетъ всѣ эти 1.750 мил. ф. ст.?

— Конечно, народъ.

— Вы хотите сказать, что каждая семья производитъ все то, что получаетъ?

— О, нѣтъ. Шестьсотъ пятьдесятъ милліоновъ ф. ст., т.е. треть всего дохода, идетъ людямъ, которые палецъ о палецъ никогда не ударятъ, чтобы произвести цѣнности.

— А кто получаетъ это колоссальное незаработанное приращеніе?

— Нѣсколько богачей. Они называютъ это рентой и процентами. Тридцать девять милліоновъ небогатыхъ людей получаютъ небольшую долю.

— Товарищи-сограждане, — продолжалъ старикъ. — Вотъ тутъ дальше начинается самое интересное мѣсто. Докторъ Соціализмъ, выслушавъ объясненія больного, говоритъ ему: «Опишите мнѣ еще другіе симптомы. Вы страдаете отъ плохого питанія, не такъ ли?—Да,—отвѣчаетъ Джонъ Булль,—такъ сказали мнѣ другіе доктора. Они говорятъ, у меня нѣтъ достаточно дохода для всего населенія.

— Гм! А каковы результаты этого недостаточнаго питанія?

— Милліоны результатовъ: язвы, параличъ нѣкоторыхъ

членовъ, подавленность духа, ракъ, чахотка, апатія, клептоманія, хулиганство, нервная истощенность, рахитъ, водянка. Всѣхъ болѣзней не пересчитаешь. Я никогда не бываю здоровъ. Конечно, случаются хорошія времена; но и тогда чувствую боль въ какой-нибудь части тѣла.—Скажите мнѣ, какого рода язвы у васъ бываютъ?—спрашиваетъ докторъ.—Язвы голода-нія,—отвѣчаетъ Джонъ Бульль.—Я имѣю ихъ съ тѣхъ поръ, какъ помню себя. Какъ бы ни увеличивался мой доходъ, язвы эти не исчезаютъ. Подумайте только: изъ населенія въ 44 милліона 12 милліоновъ всегда живутъ впроголодь.—Это должно быть мучительно!—Мучительно? Это—адъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ тѣхъ безтолковыхъ докторовъ, которыхъ я звалъ раньше, все доказывали, что пора мнѣ уже привыкнуть къ своимъ язвамъ: всегда-де были бѣдныяки и всегда будутъ.—Что вы еще чувствуете?—спрашиваетъ докторъ.—Періодическія боли, причиняемая безработными. Порой онѣ положительно доводятъ меня до безумія. Подумайте только: сотни тысячъ мужчинъ и женщинъ, желающихъ работать, ходятъ праздно, такъ какъ не могутъ найти работу. Они голодаютъ, потому что для нихъ не уготовлена работа. Не ужасно ли это? Я перепробовалъ всѣ лѣкарства. Мнѣ постоянно давали во время острыхъ приступовъ болѣзни микстуру подъ названіемъ *новые рынки*, но она нисколько не помогаетъ. Говорятъ, болѣзнь «безработные» исчезнетъ, если государство будетъ давать работу, но мои доктора противъ этого лѣкарства.—Почему?—спрашиваетъ докторъ Соціализмъ.—Они говорятъ, чтобы дать работу не имѣющимъ ея, нужно отнять у тѣхъ, которые работу имѣютъ.

— Я думаю, бѣдность и безработица—ваши самыя мучительныя хроническія болѣзни?—Не знаю,—отвѣчаетъ Джонъ Бульль,—я еще ужасно страдаю отъ своего рода некреміи. Ежегодно я теряю сто тысячъ младенцевъ. Умираютъ будущіе производители національныхъ богатствъ. Почему они мрутъ? Доктора мнѣ говорятъ, что эти младенцы «не приспособлены къ жизни». Теперь я начинаю думать, что всѣ эти слова—пустяки... Организмъ у меня очень здоровый, но болѣзней столько, что порой я впадаю въ отчаяніе. Доктора убѣждаютъ меня, что я совсѣмъ не такъ боленъ, и что сосѣди мои чувствуютъ себя гораздо хуже. Но какая мнѣ радость въ этомъ? Доктора совѣтуютъ мнѣ жить попрежнему. Одинъ врачъ рекомендуетъ,

впрочемъ, принять «протекціонныя» пилюли. Я почти согласенъ слѣдовать совѣту.

— Такъ вы думаете, что «протекціонныя» пилюли помогутъ вамъ?—спрашиваетъ докторъ Соціализмъ.—Но развѣ вы ихъ раньше не пробовали? Вѣдь это не новое средство!

— Мнѣ кажется, я ихъ пробовалъ. Я принимаю все; но «протекціонными» пилюлями я лѣчился такъ давно, что забылъ результаты. Почему, дѣйствительно, не попробовать? Я слишкомъ долго пилъ микстуру *свободная торговля*.—Такъ микстура не помогла вамъ?—О, нѣтъ. Я говорилъ вамъ про голодныя язвы, про «безработныя» боли и про некремію. Докторъ, рекомендовавшій мнѣ микстуру, обѣщалъ, что всѣ эти болѣзни исчезнутъ; но такъ не случилось.

— Такъ вы думаете, что «протекціонныя» пилюли принесутъ вамъ облегченіе?

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ не можетъ быть хуже. Докторъ увѣряетъ, что «протекціонныя» пилюли дадутъ работу и заработную плату, которая теперь отнимается иностранцами.

— Позвольте вамъ задать одинъ вопросъ!—говоритъ докторъ Соціализмъ.—Правда ли или нѣтъ, что большинство народа работаетъ уже и теперь слишкомъ много?

— Да, правда. Массы постоянно жалуются на слишкомъ длинный рабочій день. Конечно, безработные совсѣмъ не имѣютъ работы.—Что же вамъ стоитъ уменьшить рабочій день однихъ и создать, такимъ образомъ, работу для другихъ? Очевидно, имѣющіе работу, жалуются не на недостатокъ ея, а на нѣчто другое?

— На что именно?

— Конечно, на низкую заработную плату,—отвѣчаетъ докторъ Соціализмъ.—Что производитъ ваши «голодныя» язвы? Двѣнадцать милліоновъ недоѣдающихъ почти всѣ имѣютъ работу; тридцать девять милліоновъ производителей національныхъ богатствъ тоже имѣютъ почти всѣ работу. Вы сказали мнѣ, что на ихъ долю выпадаетъ только половина національнаго дохода, тогда какъ пять милліоновъ богатыхъ людей берутъ себѣ другую половину. Вы страдаете потому, что одна девятая вашего организма получаетъ чрезмѣрно обильное питаніе, тогда какъ восемь девярыхъ—слишкомъ недостаточное. Предположимъ, человѣкъ имѣетъ коня, которому даетъ большой запасъ хорошаго корма. Предположимъ также, что, вслѣд-

ствіе какого-то чуда, кровь, мускулы и нервы, въ которые превращается пища, не распредѣляются равномерно между всѣми органами животнаго. Такъ, напримѣръ, хвостъ, не работающій совершенно, вырастаетъ до необыкновенныхъ размѣровъ; ноги становятся тонки и слабы; брюхо раздувается чрезмѣрно; на спинѣ вырастаютъ громадныя желваки; одно ухо вытягивается, какъ колось, а другое—наливается жиромъ; одинъ бокъ впадаетъ, а другой—вздувается горой; голова отъ тяжести отвисаетъ; глаза заплываютъ. Что вы подумали бы, взглянувъ на этого коня?

— Я подумалъ бы, что его слѣдуетъ или отправить на живодерню, или продать, какъ рѣдкую игру природы, Барнуму.

— Не пришли бы вы къ заключенію, что органы коня не въ порядкѣ и что питаніе распредѣляется неправильно? Вы тоже—конь подобнаго рода. Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что вы представляете собою мѣшокъ болѣзней всякаго рода. Вамъ, мистеръ Буль, необходимо предписать полное перераспредѣленіе. Вы нуждаетесь въ иномъ способѣ организациі труда.

VII.

— Идутъ! Идутъ!—раздались крики. Послышались аплодисменты. По мосту плыли красныя и бѣлыя знамена, вздуваемые вѣтромъ. То шли зарѣчныя безработныя. Оба отряда соединились вмѣстѣ и тронулись дальше. На слѣдующей площади ждали уже три отряда, прибывшіе изъ сѣвернаго Лондона. И когда всѣ соединились вмѣстѣ, то образовалась уже большая армія, оборванная, злая, раздраженная. По пути спѣшно кое-гдѣ заколачивали досками окна магазиновъ.

Англичанинъ, если только онъ не принадлежитъ къ «обломкамъ челоуѣчества», по натурѣ своей не склоненъ страдать молча и терпѣливо. По поговоркѣ: прирожденное право британца, это—ворчать на свое правительство. Когда же британецъ голоденъ, онъ свирѣпѣетъ и грозитъ революціей. Правительство это отлично знаетъ и спѣшно идетъ навстрѣчу въ надлежащій моментъ со смѣлыми реформами. Раздраженіе демонстрантовъ видно было уже по надписямъ на знаменахъ.

На одномъ значилось: «Работу или революцію! Правительство, выбирай любое. Требуемъ права на трудъ!» На другомъ знамени была изображена голова съ пучкомъ травы во рту, наткнутая на пику. Надпись гласила: «Эпизодъ изъ французской революціи». «Народъ просилъ хлѣба. Фулонъ отвѣтилъ: «Пусть жрутъ траву». Народъ тогда отвѣтилъ этимъ». Знамя это было приготовлено безработными изъ квартала Соо, гдѣ живутъ выходцы изъ романскихъ странъ, по преимуществу французы. Только напѣвъ ихъ пѣсень не походилъ на церковные гимны. Они пѣли: «Возстаньте, проклятые голодомъ. Возстаньте, каторжники, прикованные къ землѣ. Кратеръ вулкана гремитъ. Близится послѣднее изверженіе». Затѣмъ, когда эта пѣсня кончилась, французы запѣли еще болѣе живую:

«Ah! S'ils avaient le sens commun,
Tous les peuples n'en feraient qu'un.
Au lieu de s'égorger
Ils viendraient tous manger
A la même gamelle,
Vive le son, vive le son,
A la même gamelle.
Vive le son du canon».

(т.-е. «Ахъ, если бы люди обладали здравымъ смысломъ, то всѣ народы слились бы въ одинъ. Въмѣсто того, чтобы душить другъ друга, они всѣ пришли бы кормиться изъ общаго котла. Да здравствуетъ громъ, пушечный громъ!»).

За французскимъ знаменемъ слѣдовало еще болѣе мрачное. На длинномъ шестѣ торчалъ громадный гипсовый черепъ. Въ видѣ савана висѣло бѣлое знамя съ черной надписью: «Околѣваемъ съ голода въ странѣ изобилія». И когда процессія проходила по улицѣ, обстроенной гигантскими великолѣпными отелями, тѣ, которые таскали черепъ, подносили его къ окнамъ ресторановъ, гдѣ въ это время садились уже за обѣдъ богатые англичане и американцы. Громадный черепъ, заглядывающій въ окна, производилъ на обѣдающихъ такое же впечатлѣніе, какъ голова Маріи Ламбаль на семью Людовика XVI въ Тамплѣ. «Безработные, боритесь! Только псы околѣваютъ безропотно!»— значилось на слѣдующемъ знамени. Теперь, когда къ процессіи присоединились безработные изъ разныхъ мѣстъ Лондона, она растянулась больше чѣмъ на версту. Когда голову процессіи задерживало что-нибудь, то останавливались всѣ. И тогда

задержкой пользовались ораторы, чтобы произносить рѣчи... Страстность послѣднихъ возрастала съ каждой остановкой.

— Цѣль наша—сдѣлать безработныхъ предметомъ страха,—говорили ораторы.—Опытъ научилъ насъ, что правящіе классы уступаютъ только подъ впечатлѣніемъ страха. Товарищи, мы можемъ нагнать трепетъ. Мы въ состояніи создать положеніе вещей, что ни жизнь, ни собственность богатыхъ людей не будутъ болѣе находиться въ безопасности до тѣхъ поръ, покуда намъ не дадутъ работы, покуда наши дѣти голодаютъ.

— Безработные, организуйтесь!—говорилъ другой ораторъ на слѣдующей остановкѣ.—Не дайте погаснуть пламени мятежа. Боритесь съ демономъ апатіи.

Въ Англійи признаютъ право за страдающими и обиженными выражаться сильно и энергично. Полисмѣны безстрастно слушали эти рѣчи.

Процессія вышла на громадную площадь съ гигантской колонной въ центрѣ ея. Эта площадь является однимъ изъ двухъ форумовъ лондонцевъ. Плинтусъ колонны представляетъ собою каеэдру для ораторовъ. На форумѣ, согласно заранѣе составленной программѣ, сгрудились уже безработные изъ другихъ частей Лондона. Сюда же спѣшили десятки тысячъ любопытныхъ. А когда совсѣмъ стемнѣло, къ безработнымъ и къ любопытнымъ примѣшались тысячи подозрительныхъ людей, выползающихъ на свѣтъ, когда пахнетъ большимъ буйствомъ, хорошей потасовкой и чужими карманами. Въ толпѣ всюду ходили дамы съ трехцвѣтными лентами черезъ плечо и раздавали прокламацій, въ которыхъ говорилось, что набѣгъ суффражистокъ на парламентъ состоится ровно въ 7½ вечера.

Слышались выкрикиванія мальчишекъ, продававшихъ «экстраспеціальныя» изданія вечернихъ газетъ и размахивавшихъ афишами, на которыхъ значилось: «Палата общинъ въ осадѣ», «Поиски полиціи за вождями», «Безработные штурмуютъ лондонскій муниципалитетъ». Послѣднее относилось къ бурной сценѣ, которая произошла въ полдень въ совѣтѣ Лондонскаго графства. Совѣтникъ Смитъ не въ очередь заговорилъ о положеніи безработныхъ. Предсѣдатель напрасно хотѣлъ его остановить. «Въ Лондонѣ теперь тысячи голодныхъ гражданъ!—крикнулъ Смитъ.—Я не буду молчать!»—Совѣтника поддержали какъ его товарищи, рабочіе представители, такъ и безработные на галлерей. «Продолжайте, Смитъ,—крикнулъ

кто-то сверху.—Мы голодны». Предсѣдатель потомъ пригрозилъ Смиту, если онъ не замолчитъ, вывести его силой. Но совѣтникъ отвѣтилъ, что такого права предсѣдатель не имѣеть. Галерею очистили при помощи полиціи, а засѣданіе пришлось прекратить.

Площадь съ громадной колонной въ центрѣ была залита народомъ. На плинтусахъ колонны и на окраинахъ бассейновъ тоже всюду стояли и сидѣли люди. И были тутъ такіе, которые явились, какъ Флоренсъ, не для того, чтобы демонстрировать, а только чтобы быть съ людьми. Эти лежали на каменныхъ скамьяхъ вдоль стѣнъ, поднявъ для тепла воротники куртокъ и зажавъ руки колѣнами. Толпа была возбуждена и раздражена. Ораторы нѣсколько разъ пытались обращаться къ ней, но были остановлены полиціей. Тамъ и сямъ происходили небольшія стычки ораторовъ съ полиціемэнами. Больше всего народа было, впрочемъ, не на площади, а вокругъ нея. Тротуары, ступени церкви, балконы, улицы,—все это было залито того типа зрителями, которые пройдутъ десять верстъ, чтобы посмотрѣть на хорошую драку. Сквозь толпу продирались дамы въ великолѣпныхъ шляпкахъ съ дорогими страусовыми перьями, гремя ящиками для сбора денегъ. Другія дамы, такъ же парадно одѣтыя, вертѣли шарманки, которыя услужливо волокли господа въ цилиндрахъ и пенснэ. Далѣе нарядныя дамы предлагали прохожимъ купить спички, шнурки для башмаковъ и карандаши. У всѣхъ дамъ черезъ плечо были ленты съ надписью: «Избирательныя права для женщинъ». Суффражистки назначили «день самоотреченія» и собирали такимъ образомъ деньги для общаго дѣла. О тревожности момента свидѣтельствовало изобиліе полиціемэновъ. Они были всюду. На каждомъ перекресткѣ стояло ихъ человекъ пять. Въ каждомъ закоулкѣ синѣли ихъ мундиры. Такъ какъ предвидѣлась возможность большого мятежа, то полиціемэновъ собрали со всего Лондона. Вотъ толпа зашевелилась. Площадь стала похожа на громадный горный бассейнъ, прорвавшій берега. Живой потокъ хлынулъ по широкой улицѣ, ведущей отъ форума къ парламенту. И точно такъ, какъ вода уноситъ вѣтку, живой потокъ оторвалъ отъ процессіи Флоренсъ, завертѣлъ ее и носилъ въ разныхъ направленіяхъ. Слабая отъ голода, работница еще болѣе ослабѣла отъ утомленія. Она почти уже не сознавала, что дѣлается кругомъ. Чѣмъ ближе живой потокъ приближался къ парламенту,

тѣмъ больше полисменовъ встрѣчалъ онъ, покуда натолкнулся, какъ на дамбу, на сплошную живую цѣпь пѣшихъ и конныхъ полисменовъ. Толпа остановилась. Въ общемъ она была настроена добродушно, хотя конныхъ полисменовъ встрѣчала свистомъ, улюлюканьемъ и криками: «бу-у-у!». Добродушно также встрѣтила толпа рядъ шарабановъ, въ которыхъ сидѣли дамы и мужчины, вооруженные биноклями. То предприимчивая компанія Кука показывала гостящимъ въ Лондонѣ американцамъ и американкамъ, какъ англичане устраиваютъ революцію. Стемнѣло. Лондонъ окутался туманомъ, не чернымъ, но достаточно густымъ для того, чтобы сдѣлать смѣлѣе и предприимчивѣе наиболѣе буйную часть толпы. Гдѣ-то стали напирать сильнѣе на живую дамбу. И вотъ часть послѣдней по готовому плану отдѣлилась и живой стѣной наперла на толпу. Но послѣдняя была непроницаема. Тогда живая стѣна перестроилась въ греческій клинъ и врѣзалась въ толпу, дѣйствуя локтями, такъ какъ полисмены не вооружены. Толпа распылилась и хлынула въ боковыя улицы.

Вмѣстѣ съ частью толпы Флоренсъ очутилась снова на улицѣ громадныхъ отелей, по которой проходили уже съ процессіей. Сотни мужчинъ во фракахъ и дамъ въ вечернихъ туалетахъ (только что кончился обѣдъ) выглядывали изъ оконъ и стояли на порогахъ отелей. Въ темнотѣ на улицѣ гдѣ-то раздались крики «ура», смѣхъ, обрывки пѣсенъ. Отъ неизвѣстной причины толпа стремительно бросилась бѣжать, увлекая съ собою Флоренсъ. Впереди со свистомъ мчались мальчишки въ возрастѣ отъ 8 до 15 лѣтъ. Для нихъ манифестація была, прежде всего, большимъ и неожиданнымъ праздникомъ. Флоренсъ была выброшена толпой на набережную, составляющую гордость Лондона. Широкая рѣка, окутанная туманомъ, при мертвомъ свѣтѣ электрическихъ фонарей казалась фантастическимъ потокомъ изъ расплавленнаго желѣза, о которомъ говоритъ эпосъ полярныхъ народовъ. На набережной было просторнѣе, и здѣсь гуляли тысячи мужчинъ и женщинъ, дожидаясь «событія». Матери принесли грудныхъ младенцевъ. Мальчишки пока что играли въ чехарду, катились колесомъ по асфальту и взбирались на фонари. А на скамьяхъ, чуждыя общему движенію, дремали бездомныя старыя женщины въ поломанныхъ шляпкахъ, съ накинутыми шальями. Эти бездомныя снѣшили воспользоваться движеніемъ, чтобы соснуть: пока толпа была

на улицѣ, ихъ не трогали полицмэны и не прогоняли со скамей. Громадная башня парламента слилась съ темнотой. Свѣтили только во мглѣ циферблатъ башенныхъ часовъ да громадный электрическій фонарь на вершинѣ, показывающій, что народныя представители совѣщаются. Фонарь гаснетъ, когда засѣданіе прекращается. Вотъ часы пробили два, потомъ семь. Половина восьмого. Условленное время, когда суффражистки собрались штурмовать парламентъ. Толпа въ ожиданіи. Ничего. Все спокойно. Прошло еще четверть часа. То же самое. Толпа двинулась къ свѣтящемуся въ темнотѣ зданію, но, какъ волны во время прибоя, сейчасъ же отхлынула. Опять раздались крики «ура!» Промчались съ гикомъ и свистомъ мальчишки, подкатываясь всѣмъ подъ ноги. Затѣмъ показались бѣгущія женщины, взвизгивавшія не отъ страха, а отъ возбужденія. Вотъ бѣгущая женщина споткнулась и уронила ребенка; но нѣсколько рукъ подхватили его и вручили матери. А сзади между тѣмъ напирали бѣгущіе сплошной стѣной. То полицмэны очищали площадь передъ парламентомъ.

Подхваченная бѣгущей толпой, Флоренсъ бѣжала впередъ. Она давно бы упала, если бы не крѣпкія руки сердобольныхъ людей. Толпа добѣжала до ярко освѣщенной улицы, затѣмъ отхлынула назадъ, оставивъ Флоренсъ на тротуарѣ. Тутъ безработныхъ не было; но тротуары были залиты любопытными. Они высыпали на демонстрацію, какъ на интересное зрѣлище, но не рѣшились подойти ближе къ парламенту. Когда же они узнали, что «все кончено» и «ничего не было» (вечернія газеты успѣли уже выпустить депеши въ двѣ строчки), то остатокъ вечера превратили въ праздникъ для себя. Всѣмъ этимъ сильно занятымъ людямъ, проводящимъ цѣлые дни въ конторахъ, магазинахъ и мастерскихъ, не хотѣлось уходить, домой, когда на улицѣ такъ свѣтло, шумно, весело и оживленно. И между людьми, устроившими себѣ неожиданный праздникъ, бродила, шатаясь отъ слабости, голодная Флоренсъ Грэй. Въ глазахъ у нея вертѣлись круги. Мысли въ головѣ были отрывочны. Она остановилась у ярко освѣщеннаго окна маленькаго ресторана, гдѣ лежалъ громадный кусокъ сырого мяса, окруженный красными томатами и горками пирожковъ съ яблоками. Этотъ кусокъ мяса приковалъ все вниманіе Флоренсъ. Но вотъ рѣзкое пѣніе заставило ее вздрогнуть. Нѣсколько бродячихъ пѣвцовъ, или министрелей,

негровъ (два настоящихъ и три нѣтъ), остановились у тротуара, какъ разъ у окна съ кускомъ сырого мяса. Сперва они всѣ стали стучать въ тамбурины, ударяя то кулакомъ, то лбомъ, чтобы собрать публику, затѣмъ старый негръ запѣлъ одну изъ пѣсенъ, сложенныхъ на своеобразномъ англійскомъ жаргонѣ черными работниками на хлопковыхъ плантаціяхъ южныхъ штатовъ.

— Нелли Блэй, Нелли Блэй,—пѣлъ старый негръ,—принеси метлу сюда. Вымети чистенько кухню и споемъ вмѣстѣ пѣсенку. Подбавь дровъ, любовь моя; пусть ярче пылаетъ печка, а я стану играть на банджо.

— Эй! Нелли, го! Нелли, слушай!—подхватили всѣ негры припѣвъ.—Слушай, любовь моя! Я спою тебѣ сладкую пѣсенку.—Затѣмъ всѣ негры съ взвизгиваніями пустились плясать. Потомъ министрели опять забили въ тамбурины и замолкли. Впередъ выступилъ старый негръ, снялъ шляпу и запѣлъ:

— Тѣло Джона Брауна тлѣетъ въ могилѣ. Тѣло Джона Брауна тлѣетъ въ могилѣ. Тѣло Джона Брауна тлѣетъ въ могилѣ, а душа его мчится впередъ. Слава, слава, аллилуія! Слава, слава, аллилуія! Слава, слава, аллилуія! Душа его мчится впередъ!

Быль своеобразный дикій паѳосъ въ примитивномъ напѣвѣ и въ примитивныхъ словахъ, въ которыхъ рассказывалось про Джона Брауна, казненнаго въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Виргиніи за возстаніе съ цѣлью освобожденія невольниковъ. Паѳосъ тѣсно захватилъ веселую публику, которая слушала молча.

— Онъ будетъ теперь воиномъ въ арміи Господней,—выводилъ старый негръ.—Душа его мчится впередъ. Слава, слава, аллилуія!

И, когда пѣвецъ кончилъ, въ протянутый тамбуринъ посыпались пенсы. Старый негръ сверкалъ бѣлками и кланялся публикѣ, прикладывая палецъ къ полямъ своего громаднаго цилиндра. Звонъ монетъ, падающихъ въ тамбуринъ, вызвалъ въ больной головѣ Флоренсъ рядъ обрывковъ мыслей.

— Мясо. Чтобы достать мясо, нужны деньги. Негры пѣли, имъ дали деньги. Нужно пѣть, чтобы имѣть деньги и мясо. Слѣдуетъ стать на краю тротуара, какъ эти негры. Вотъ такъ. Потомъ пѣть.

Но что пѣть? Пуговицы, которыя нашивала Флоренсъ

больше двадцати лѣтъ, не впускали въ ея голову ничего посторонняго, ни одного куплета пѣсенъ, сложенныхъ въ мюзикъ-холлахъ. У Флоренсъ было только одно яркое воспоминаніе. И изъ невѣдомыхъ тайниковъ памяти стали снова выползать подробности тихаго лѣтняго дня. Запахло бѣлыми цвѣтами, растущими у воды. Послышался легкій металлическій звукъ летающихъ стрекозъ. Раздалось пѣніе краснощекаго Дика. Да. Самое лучшее повторять за нимъ пѣсню про удалого разносчика, предлагающаго красавицамъ «перчатки, пахнущія дамасскими розами». «Покупайте, покупайте у меня».

Публика, высыпавшая на улицу, чтобы посмотрѣть на «мятежъ», видѣла только блѣдную, дрожащую, шатающуюся старуху, которая раскрывала лишь ротъ. Никто, кромѣ Флоренсъ, не слыхалъ ни словъ, ни напѣва, такъ какъ они звучали только въ ея памяти. И если бы даже кто-нибудь слышалъ, то эта пѣсня была бы всѣмъ чужда. Ее всѣ забыли. Ярче выступали воспоминанія. Флоренсъ закрыла глаза и пѣла неслышную никому пѣсню. Прохожіе, видя шатающуюся старуху, считали ее пьяной. И вотъ къ ней подошелъ полицмэнъ. Но когда онъ положилъ ей руку на плечо, ноги у Флоренсъ подогнулись, она упала на мостовую.

На другой день газеты отмѣтили «casualtys» мятежа безработныхъ: десятокъ подбитыхъ глазъ, одно выдавленное стекло и женщину, подобранную на улицѣ и скончавшуюся въ госпиталѣ, повидимому отъ голода.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Клэрджимэны.

Разница между интеллигентными и неинтеллигентными людьми основывается не на дипломѣ высшаго учебнаго заведенія и не на знаніи вообще, а на наличности другихъ потребностей и запросовъ, кромѣ шкурныхъ, и на отсутствіи разлада между идеаломъ и поступками. Пусть эти запросы, вслѣдствіе умственной темноты и забитости, будутъ дики на взглядъ культурнаго европейца; но важно чтобы они были. Важно, чтобы поступки соотносились съ убѣжденіемъ. Вотъ почему неграмотный прямолинейный послѣдователь самой грубой секты, оставляющій ради нея все то, что такъ дорого крестьянину, можетъ быть названъ интеллигентнымъ человѣкомъ, тогда какъ господинъ съ двумя университетскими дипломами, выполняющій дѣло, которому не можетъ сочувствовать («надо же какъ-нибудь добывать хлѣбъ!»), будетъ человѣкъ неинтеллигентный. Что такое счастье, по понятію *средняго* интеллигентнаго человѣка, не Прометей? Счастье, это—разумное удовлетвореніе своихъ потребностей,—объяснялъ когда-то Гольбахъ. Счастье заключается въ возможности проявленія своей индивидуальности. Счастье въ томъ, чтобы отъ меня зависѣло заниматься тѣмъ дѣломъ, которое я люблю. Теперь представимъ себѣ, что человѣкъ вынужденъ всю жизнь заниматься дѣломъ, въ которое онъ не только не можетъ вложить свою индивидуальность, но въ которое онъ и не вѣритъ. Тутъ—драма, тѣмъ болѣе страшная, чѣмъ сильнѣе развита у человѣка совѣсть и чѣмъ серьезнѣе дѣло, въ которое утрачена вѣра. Въ наше время врядъ ли кто можетъ переживать такую сильную душевную драму, какъ *культурные* служители установленнаго культа. Мнѣ хочется

набросать въ этомъ письмѣ нѣсколько портретовъ знакомыхъ англійскихъ клэрджимэновъ, пережившихъ драму. Извиняюсь заранѣе, если эти портреты будутъ набросаны самыми общими штрихами.

Когда-то на религіозныя сомнѣнія наталкивались только священники, исключительные по калибру своего ума. Передъ скептикомъ лежали и лежатъ четыре пути: онъ можетъ или сложить съ себя санъ (чему раньше почти не бывало примѣра), или оставаться механическимъ исполнителемъ обрядовъ, глумясь надъ ними и надъ вѣрующими, или исполнять обряды, постоянно переживая глубокія страданія отъ сознанія своей нерѣшительности, или, наконецъ, онъ можетъ пытаться найти какое-нибудь примиреніе, хотя бы и призрачное, между вѣрой и разумомъ. Въ исторіи литературы есть знаменитый чело-вѣческой документъ, показывающій глубокія страданія, переживаемыя священникомъ, утратившимъ вѣру и остающимся въ лонѣ церкви. Я говорю о завѣщаніи Жана Мелье, приведенномъ впервые у Вольтера ¹⁾. Жанъ Мелье былъ всю жизнь деревенскимъ священникомъ въ Шампаньи. Вышелъ онъ изъ крестьянъ. Въ приходѣ его очень любили и уважали за доброту, великое безкорыстіе и праведную жизнь. Онъ скончался въ 1733 году, на пятьдесятъ пятомъ году. Жанъ Мелье оставилъ «завѣщаніе», объемистую тетрадь, въ которой излагалъ свое міровоззрѣніе глубокаго скептика. Въ предисловіи къ «завѣщанію» несчастный священникъ проситъ прощенія у своихъ прихожанъ за то, что проповѣдывалъ имъ «ложь, которую ненавидѣлъ въ глубинѣ души». «Я видѣлъ и узналъ заблужденіе, тщеславіе, злоупотребленія, безуміе и злость людскую; я ненавидѣлъ этихъ людей, но не смѣлъ имъ сказать этого при жизни; зато я выскажусь, по крайней мѣрѣ, хоть послѣ смерти. И съ этой цѣлью я написалъ мой трудъ, чтобы всѣ тѣ, которые прочтутъ его, могли узнать истину... Вы знаете, братья мои, мое безкорыстіе. Я не продалъ вѣру ради низкихъ интересовъ. И если я посвятилъ себя профессіи, столь противоположной моимъ убѣжденіямъ, то не изъ жадности... Я повиновался моимъ родителямъ. Я открылъ бы вамъ раньше правду, если бы только смѣлъ... Вы можете засвидѣтельствовать, что я никогда не унижалъ священническаго сана вымоганіями

¹⁾ «Oeuvres complètes de Voltaire» (изд. 1875 г.), т. VI, стр. 336—556.

за требы... Я торжественно заявляю, что презиралъ тѣхъ невѣрующихъ священниковъ, которые смѣялись надъ простотой и слѣпотой народа, дававшего имъ деньги за молитвы. Какъ часто оторчало меня, что я не могъ помочь вамъ въ такой степени, какъ хотѣлъ бы. И не доказывалъ ли я вамъ всей моею жизнью, что мнѣ доставляетъ большое удовольствіе давать, чѣмъ брать? Всѣми силами удерживалъ я васъ отъ пустосвятства. Только въ самомъ крайнемъ случаѣ говорилъ я вамъ про наши несчастные догматы. Вѣдь надобно же было мнѣ дѣйствовать, какъ священнику! Но какъ сильно страдалъ я, когда бывалъ вынужденъ проповѣдывать вамъ благочестивую ложь, которую ненавидѣлъ въ глубинѣ души. Какъ презиралъ я мой санъ, а въ особенности суевѣрную мессу и связанные съ нею дѣйствія, которыя надо выполнять торжественно, чтобы вызывать ваше благочестіе! Какія угрызения совѣсти причиняло мнѣ ваше легковѣріе! Тысячу разъ я хотѣлъ провозгласить правду и раскрыть вамъ глаза, но каждый разъ меня удерживалъ страхъ, который заставилъ меня молчать до самой смерти».

«Завѣщаніе» доказываетъ, что въ первой половинѣ XVIII вѣка даже совершенно исключительные умы должны были пройти длинную дорогу, раньше чѣмъ добраться до первыхъ сомнѣній. Скептики того времени должны были сами приготовить каждый кирпичъ, чтобы построить зданіе ихъ сомнѣній. Жану Мелье, напр., необходимо было долго вчитываться въ евангеліе, чтобы открыть то, что теперь можно найти въ любой критической исторіи Библии. Во время Жана Мелье евангельскіе тексты не были еще подвергнуты такому тщательному изслѣдованію, какъ въ XIX вѣкѣ, которое обнаружило несомнѣнно вставленные позднѣ мѣста. Впрочемъ, могли бы такія мѣста поколебать вѣру, если даже страшныя катастрофы, передъ которыми въ смущеніи останавливались нѣкоторые, находили объясненіе? Вольтеръ, напр., по поводу гибели Лиссабона написалъ поэму, въ которой есть такіе стихи:

Direz-vous en voyant cet amas de victimes:
Dieu s'est vengé; leur mort est le prix de leurs crimes?
Quel crime, quelle faute ont commis ces enfants
Sur le sein maternel écrasés et sanglants?

(«Вы скажете при видѣ груды жертвъ:—Господь наказалъ

ихъ; смерть ихъ является платой за преступленіе?—Но какое преступленіе, какой грѣхъ совершили эти дѣти, лежащія, раздавленные и окровавленные, у материнской груди?»). «Невѣрное разсужденіе,—пишетъ по поводу этихъ стиховъ Жозефъ де Местръ:—Мы видимъ здѣсь отсутствіе вдумчивости и анализа. Конечно, въ Лиссабонѣ погибли дѣти, какъ погибли они въ Геркуланумѣ или еще раньше во время потопа. Когда Господь караетъ какое-нибудь общество за грѣхи, которые оно совершило, Божье правосудіе исполняется, какъ и человѣческое въ такихъ случаяхъ. Предположимъ, что городъ возмутился, вырѣзалъ всѣхъ представителей короля, заперъ ворота и защищается. Королевскія войска берутъ городъ штурмомъ. Государь не только лишаетъ мятежный городъ всѣхъ привилегій, но велитъ разрушить его до основанія. Никто вѣдь не осудитъ этого распоряженія на томъ основаніи, что въ городѣ могутъ быть невинные? Не будемъ смѣшивать двухъ вещей. Городъ наказанъ потому, что онъ совершилъ преступленіе. Не сдѣлай онъ этого, городъ не пострадалъ бы. Вы меня спросите, почему невинные пострадали вмѣстѣ съ преступниками? Это другой вопросъ, на который я не обязанъ отвѣчать. Признай я даже, что ничего не понимаю, справедливость перваго тезиса, т.-е. что городъ наказанъ за преступленіе, остается незыблимой. Я могъ бы еще прибавить, что государь не могъ поступить иначе, какъ истребить невинныхъ вмѣстѣ съ виноватыми» ¹⁾).

Итакъ, во времена Жана Мелье средній умъ былъ застрахованъ отъ сомнѣній. Въ XX вѣкѣ на нихъ очень трудно не натолкнуться. Доказательствомъ можетъ служить исторія моего знакомаго Макъ-Мэнуса. Передъ нами серьезный, никогда не улыбающійся человѣкъ лѣтъ сорока. При встрѣчѣ съ нимъ бросаются въ глаза широкій лобъ, характерный изгибъ рта и квадратный подбородокъ. На картинахъ Рибейры, у аскетовъ, восторженно прижимающихъ къ груди черепъ, можно видѣть такія лица. Теперь Макъ-Мэнусъ—писатель; но лѣтъ семь тому назадъ онъ носилъ сутану и назывался отцомъ Гіацинтомъ. Онъ былъ католическимъ патеромъ, пламенно вѣровавшимъ. Только въ глубинѣ Ирландіи возможна еще въ наше время такая сильная, средневѣковая вѣра. И вотъ, однажды

¹⁾ Joseph de Maistre, «Les soirées de Saint-Pétersbourg».

по требованію епископа отецъ Гіацинтъ пріѣхалъ изъ своего глухого Фойчеса въ Лондонъ и отправился утромъ хлопотать о дѣлѣ. Ему велѣли явиться черезъ четыре часа. Не зная, чѣмъ наполнить время, онъ отправился въ Британскій музей и сперва съ простымъ любопытствомъ бродилъ мимо изображеній крылатыхъ быковъ съ человѣческими головами, громаднхъ каменныхъ жуковъ, обломковъ колоннъ въ видѣ стебля лотоса и плитъ съ непонятными надписями. Отецъ Гіацинтъ посмотрѣлъ на безконечные глиняные цилиндры и плитки съ клиновидными письменами, на купчія крѣпости, запродажныя записи и торговыя расписки, выданныя 35 вѣковъ тому назадъ въ Ниневіи или въ Вавилонѣ, и пошелъ дальше. Затѣмъ хожденія по безконечнымъ заламъ съ образчиками культуры, раздѣленными десятками вѣковъ, утомили вниманіе священника. Онъ шелъ, не останавливаясь, передъ витринами, какъ вдругъ нѣчто поразило его вниманіе. Священникъ остановился передъ улыбающеюся почернѣвшей статуей Будды, у котораго на шеѣ висѣлъ крестъ. Рядомъ стояла витрина съ древне-буддійскими монетами, отчеканенными за много вѣковъ до Рождества Христова. И на этихъ монетахъ выбита была та форма креста, которая называется свастикой или гаммадіаномъ. Изъ буддійской залы отецъ Гіацинтъ попалъ въ одну изъ египетскихъ залъ. И тутъ смущеніе его было еще болѣе велико. Онъ увидѣлъ статую женщины съ младенцемъ на лѣвой рукѣ. Въ вытянутой внизъ правой рукѣ женщина держитъ изображеніе креста съ кольцомъ вверху. По надписи отецъ Гіацинтъ узналъ, что статуя изображаетъ богиню Изиду съ младенцемъ Горосомъ на рукахъ. Въ семинаріи священника учили, что крестъ былъ въ древности орудіемъ жестокой и позорной казни; поэтому для язычниковъ онъ представлялъ предметъ ужаса и отвращенія, и только съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ освятилъ его Своею смертію, онъ сдѣлался символомъ искупленія человѣческаго рода и предметомъ почитанія для всѣхъ христіанъ. Теперь передъ смущеннымъ отцомъ Гіацинтомъ было неопровержимое доказательство, что въ Индіи и въ Египтѣ крестъ, за долго до Христа, былъ тоже почитаемымъ символомъ. Иначе какъ бы онъ попалъ на шею Буддѣ и въ руки Изиды? И отецъ Гіацинтъ уже съ опредѣленной цѣлью сталъ обходить залы, въ которыхъ собраны обломки стинувшихъ культуръ. Въ древне-мексиканскомъ отдѣлѣ священникъ нашелъ вазу, украшен-

ную крестами, и отвратительнаго идола съ тѣмъ же символомъ на шеѣ. Въ римскомъ отдѣлѣ отца Гіацинта поразила статуя Діаны (копія) съ длиннымъ крестомъ, какъ съ посохомъ, въ рукахъ. Изображеніе креста священникъ нашель на предметахъ, представляющихъ древне-галльскую культуру. Было несомнѣнно, что разные народы имѣли этотъ священный символъ за много вѣковъ до того, какъ онъ былъ принятъ новымъ культомъ. Но если это такъ, то что означалъ этотъ символъ? Почему онъ такъ дорогъ былъ мексиканцамъ и галламъ, египтянамъ и индусамъ? Съ этимъ вопросомъ священникъ уѣхалъ въ свою ирландскую деревушку. Отецъ Гіацинтъ чувствовалъ, что приближается къ какой-то страшной пропасти, но не могъ не итти къ ней и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы получить отпускъ на мѣсяцъ въ Лондонъ. Здѣсь онъ началъ работать въ библіотекѣ Британскаго музея. Мало-по-малу туманъ, покрывающій неизвѣстность, началъ разсѣиваться. Отецъ Гіацинтъ увидалъ, что исторію человѣчества, съ тѣхъ поръ какъ оно появилось на землѣ, можно раздѣлить на двѣ эпохи: до изобрѣтенія способа добыванія огня и послѣ него. Человѣчество облекло величественными легендами процессъ добыванія огня и считало священнымъ снарядъ для добыванія его, т.-е. двѣ перекрещенныя палки. Свастика—это уже усовершенствованный снарядъ, съ ручками для болѣе удобнаго вращенія. Первые поэты періода, предшествовавшаго эолитическому, символизировали процессъ добыванія огня: тлѣющее отъ тренія дерева надо раздуть, требуется *дыханіе*, вошедшее въ отверстіе между брусками; чтобы оттуда появился огонь, или *сынъ* дыханія, возносящійся потомъ вверхъ. И отца Гіацинта поразили древне-христіанскіе кресты, на которыхъ *агнецъ* ставился на мѣстѣ перекрещенія. Agnus—вѣдь это по созвучію съ Ignis (огонь)! Изученіе сравнительной исторіи религій натолкнуло отца Гіацинта на другое страшное открытіе. Многія легенды культа и его символика оказывались перенесенными изъ древнихъ культовъ, которые или исчезли уже, или держатся еще въ Индіи. Съ ужасомъ отецъ Гіацинтъ узнавалъ легенды про бѣгство Изиды съ новорожденнымъ Горосомъ, про боговъ Индіи, приносившихъ себя въ жертву ради человѣчества. Моральное ученіе, безконечно трогавшее отца Гіацинта своею чистотою, тоже оказывалось коллективнымъ трудомъ человѣчества... Отецъ Гіацинтъ пережилъ страшную

душевную бурю. Въ результатѣ явилось превращеніе католическаго патера въ мистера Макъ-Мэнуса. Теперь онъ литераторъ. Его специальность—исторія религіи. Онъ перевелъ на англійскій языкъ «Міровыя загадки» Геккеля. Книга эта въ Англии вызвала страстную (и пристрастную) критику. Большею частью выступали противъ Геккеля священники. Такова, напр., критика свящ. Тритрэма: «Геккель и его загадки» (Haesckel and his riddles) и крайне запальчивая брошюра Тэскера: «Разрѣшилъ ли Геккель загадки?» (Does Haesckel solve the riddles?). Мистеръ Макъ-Мэнусъ отвѣтилъ англійскимъ критикамъ Геккеля обстоятельнымъ трактатомъ, замѣчательнымъ какъ убѣдительною, такъ и ясною мысли. Онъ одинъ изъ главныхъ участниковъ «Раціоналистической лиги», издающей по баснословно дешевой цѣнѣ (16½ коп.) такія книги, какъ «Происхожденіе видовъ», «Міровыя загадки», «Эволюція идеи о божествѣ» (Грэнтъ Аллена), лекціи Гексли, «Апология Агностика» (сэра Лесли Стифена), «Происхожденіе религій» (Лэнга), «Мѣсто человѣка въ природѣ» (Гексли) и т. д. Въ «Церковномъ Ежегодникѣ»¹⁾, въ которомъ помѣщены догматы всѣхъ безчисленныхъ англійскихъ сектъ, я нахожу также статью Макъ-Мэнуса о томъ, каковы задачи *Раціоналистической лиги*. «Цѣль наша—способствовать свободѣ мысли и изслѣдованія въ области этики, теологіи и философіи; содѣйствовать введенію системы свѣтскаго образованія, дабы подготовить молодежь, умственно и морально, къ соціальной жизни; печатать и распространять даромъ или за деньги книги, брошюры и періодическія изданія, содѣйствующія освобожденію умовъ. Раціонализмъ можетъ быть опредѣленъ какъ философская система, принимающая главенство разума надъ всѣмъ, устанавливающая философію и этику, основанную на опытѣ и не признающая ни произвольныхъ предположеній, ни непостигаемыхъ авторитетовъ». «Большая часть религіозныхъ догматовъ можетъ быть принята только тогда,—продолжаетъ мистеръ Макъ-Мэнусъ,—когда мы отрѣшимся отъ главенства разума... Члены Раціоналистической лиги убѣждены, что умственное и нравственное приспособленіе человѣка къ соціальной жизни можетъ быть достигнуто безъ руководства со стороны клэрджимэновъ и безъ вѣры въ сверхъестественное суще-

¹⁾ «Yearbook of the Churches».

ство». Къ Раціоналистической лигѣ принадлежать теперь около 1500 человекъ. Въ числѣ членовъ мы находимъ англичанъ и иностранцевъ съ мировыми именами: тутъ Брандесъ, Геккель, Фёрниваль, Леонардъ Гексли, проф. Вестермаркъ и др.

Теперь представляю вамъ другого усомнившася клэрджимэна, скончавшагося въ прошломъ году. Звали его мистеръ Кармайкель (фамиліи измѣнены мною). Жанъ Мелье и отецъ Гіацинтъ—дѣти народа: отецъ одного былъ французскій крестьянинъ, отецъ другого—крестьянинъ ирландскій. Мистеръ Кармайкель, какъ все священники англиканской церкви, вышелъ изъ верхне-средняго класса. У насъ въ Россіи и въ католическихъ странахъ деревенскій священникъ неизмѣримо бѣднѣе городского. Деревенскій батюшка или кюрэ—иногда крайне забитое ничтою и духовнымъ начальствомъ существо. Въ Англіи какъ разъ наоборотъ. Такъ какъ въ деревенскіе священники идутъ младшіе сыновья помѣстной титулованной аристократіи, то «ректоръ» (настоятель) обыкновенно живетъ въ «mansion», имѣетъ карету и верховыхъ лошадей. И когда помѣщикъ осенью устраиваетъ охоту на лисицъ, на которую, по старинному обычаю, званымъ гостемъ является каждый изъ округа, у кого есть верховая лошадь,—«ректоръ» выѣзжаетъ на отличномъ конѣ, сопровождаемый собаками. Охота на лисицъ въ Англіи—зрѣлище любопытное. Какъ только собаки выгоняютъ лису и она, распустивъ «трубу», пускается стрѣлой, за ней, съ удалымъ кликомъ «тали-го-о!» «тали-го-о!» мчится вся кавалькада, не разбирая канавъ, живыхъ изгородей и турникетовъ. Мужчины въ красныхъ фракахъ и дамы въ черныхъ и красныхъ амазонкахъ, какъ кентавры, перескакиваютъ черезъ все преграды. Часто охота кончается паденіемъ съ лошади и тяжелыми переломами костей. И впереди кавалькады, непосредственно за сквайромъ, мчится «ректоръ», выкликая что есть силы въ легкихъ: «тали-го-о! тали-го-о!»

Городской священникъ (англиканской церкви), обыкновенно младшій сынъ богатаго негоціанта, судьи или адвоката съ громадной практикой. Будущій клэрджимэнъ долженъ непременно кончить Оксфордскій или Кэмбриджскій университетъ, для чего требуется, на наши деньги, не меньше 1800—2000 руб. въ годъ. Мистеръ Кармайкель кончилъ курсъ въ Оксфордѣ.

Макъ-Мэнусъ—высокій, сухощавый, очень серьезный, никогда не улыбающийся человекъ. Кармайкель былъ коротенькій человекъ, съ сильной склонностью къ округленію и тѣмъ не менѣе подвижный, какъ кусокъ калія, брошенный въ воду. Макъ-Мэнусъ и теперь, въ черной визиткѣ, смотритъ перелодѣтымъ монахомъ-трапистомъ; онъ любитъ больше всего одиночество. Кармайкель былъ человекъ общительный, живой, цѣнитель хорошей остроты. Ставъ священникомъ, онъ получилъ назначеніе въ Москву, въ мѣстную англиканскую церковь. За пятилѣтнее пребываніе въ Россіи Кармайкель выучился одному слову: «сапоги», съ которымъ обращался утромъ къ горничной. Слово это онъ произносилъ «сапаги». Его ухо никакъ не могло уловить разницу между словами «сапаги» (сапоги) и «собаки». Пять лѣтъ прошло, какъ пять дней. Мистеръ Кармайкель служилъ въ церкви, писалъ проповѣди, а въ свободное время, какъ въ Оксфордѣ, игралъ въ «крикетъ» или въ «гольфъ» (для футбола онъ былъ уже слишкомъ грузенъ). И вотъ Кармайкелю попалась книга Геккеля: «Эволюція человека». Сначала священникъ, никогда не читавшій книгъ по естественной исторіи, путался въ терминологіи, но, вслѣдствіе знанія греческаго языка, неизмѣримо быстрѣе, чѣмъ «сапаги», усвоилъ слова «монера», «металиризмъ», «планоциты», «гипофизисъ», «энтодермъ», «дистелеологія» и т. д. «Эволюція человека» произвела на Кармайкеля, какъ онъ самъ мнѣ рассказывалъ, потрясающее впечатлѣніе. Онъ зналъ, конечно, что теперь англиканская церковь не относится къ критикѣ Библии такъ непримиримо, какъ въ пятидесятыхъ годахъ, когда конклавъ десяти тысячъ клэрджимэновъ предалъ проклятію книгу священника Темпля: «Essays and Reviews». Кармайкель зналъ, конечно, что послѣ Лайелля и Дарвина пришлось очень много выбросить за бортъ. Англиканская церковь не могла также закрыть глаза на новѣйшія критическія изслѣдованія Ветхаго и Новаго завѣта. Кармайкель зналъ все это; но ему казалось, что основныя начала культа не тронуты. Послѣ прочтенія «Эволюціи человека» Кармайкель убѣдился, что нельзя сохранить въ цѣлости зданіе, если весь фундаментъ разрушенъ. Клэрджимэнъ понялъ, что самаго зданія уже не существуетъ, а есть только или иллюзія или что-нибудь худшее. Кармайкелю говорили постоянно, что англиканская церковь примирила вѣру съ разумомъ. Ему указывали

на книгу Ньюмана Смита ¹⁾, какъ на солидный опытъ построения вѣры на научномъ базисѣ. И когда Кармайкель обратился къ книгѣ Ньюмана Смита, онъ убѣдился, что авторъ только играетъ словами и научными терминами, утверждая что теперь законъ эволюціи, наконецъ, перешелъ рубежъ органической жизни. Теперь, поэтому, человекъ, дойдя путемъ эволюціи отъ протоплазмы до положенія царя природы, будетъ эволюціонировать и дальше, т.-е. станетъ бессмертнымъ. Вѣдѣ дѣйствіе закона эволюціи,—говоритъ Ньюманъ Смитъ,—не можетъ остановиться!

Когда старое міровоззрѣніе Кармайкеля рухнуло и онъ выработалъ себѣ новое, онъ нашелъ невозможнымъ для себя оставаться священникомъ. Онъ сложилъ санъ, хотя такимъ образомъ, прекращался источникъ дохода (около 5-ти тысячъ руб. въ годъ). У Кармайкеля было около 3 тысячъ рублей. Съ этими деньгами, забравъ жену и дѣтей, онъ поѣхалъ въ Іену, чтобы доучиваться подъ руководствомъ Геккеля. Я познакомился съ Кармайкелемъ позднѣе, въ Лондонѣ, гдѣ онъ состоялъ на службѣ при Дарвиновскомъ музеѣ. Бывшимъ священникомъ написанъ рядъ монографій, какъ «The Comparative Morphology of the Galeodidae», «Studies in Retina» и т. д., слишкомъ спеціальныхъ для того, чтобы я могъ оцѣнить ихъ. Теперь передо мною только что вышедшая посмертная книга его: «Нѣкоторые незамѣченные раньше факторы эволюціи», являющаяся результатомъ двадцатилѣтнихъ изысканій въ области біологіи. Въ общемъ теорія Кармайкеля заключается вотъ въ чемъ. До послѣдняго времени основной единицей въ біологіи считалась клѣточка. Полагается, что каждый организмъ состоитъ изъ сѣти клѣточекъ. Кармайкель, изучая ретину животныхъ, пришелъ къ заключенію, что она составлена изъ единицъ болѣе простыхъ, чѣмъ клѣточка. Въ своей книгѣ онъ выясняетъ, какъ группируются «колоніями» эти «прото-клѣточки», и пытается намѣтить начало соціологіи въ біологіи.

До сихъ поръ мы видѣли клэрджимэновъ, ушедшихъ изъ церкви. Посмотримъ теперь на остающихся въ ней.

Аріосто съ поразительной для того времени смѣлостью изобразилъ религіозный фанатизмъ и нетерпимость въ видѣ страшнаго звѣря.

¹⁾ «Through Science to Faith».

«Questa bestia crudele uscì del fondo
Dell'inferno».

(«Этотъ жестокий звѣрь выползъ изъ глубины ада»). «И вотъ, увидали, какъ изъ темнаго лѣса выходитъ звѣрь, отвратительный на видъ, жестокий и свирѣпый. Уши у него были, какъ у осла, голова и зубы—какъ у волка, зачуявшаго добычу, когти—какъ у льва, а туловище и хвостъ—какъ у лисицы. Звѣрь этотъ обрыскалъ Францію, Италию, Испанію, Англию, а потомъ и весь свѣтъ. И всюду онъ загрызъ тысячи людей... Отъ звѣря некуда было схорониться. Стѣны и ворота падали отъ его дыханія. И звѣрь, наконецъ, потребовалъ себѣ божескихъ почестей. И до нашего времени звѣрь этотъ все растеть,—продолжаетъ Аріосто,—становясь все злѣе и злѣе. Царство его еще будетъ продолжаться долго».

«Farà strage crudel, nè sarà loco
Che non quasti, contamini ed infetti»¹⁾.

(«Онъ надѣлаетъ страшныя опустошенія. Не будетъ на землѣ мѣста, котораго онъ не осквернить, не разорить и не отравить»). Къ великому несчастью, пророчество итальянскаго поэта оправдалось. Въ свое время звѣрь съ волчьими зубами и лисьимъ хвостомъ былъ и въ Англии. Здѣсь въ его присутствіи вырѣзали въ XII вѣкѣ еврейскія общины въ Норичѣ, Эдмонсбери, Стэмифордѣ и Йоркѣ. Здѣсь пылали костры, зажженные Маріей Кровавой для протестантовъ, и здѣсь же потомъ протестанты устраивали облаву на католиковъ, какъ на волковъ. Звѣрь *былъ* въ Англии; онъ ознаменовалъ свое пребываніе здѣсь, какъ и всюду, горами растерзанныхъ тѣлъ, сожженными и разгромленными городами и глубокой ненавистью національности противъ національности. Къ великому счастью для Англии и къ несчастью для другихъ странъ, звѣрь, «вышедшій изъ самой глубины ада», давно уже направилъ свой бѣгъ, какъ говорятъ, на востокъ...

Теперь на англійскихъ церковныхъ конгрессахъ не слышны болѣе рѣчи, проникнутыя слѣпой нетерпимостью и глубокой ненавистью къ чужому мнѣнію. Англійскіе священники—люди культурные, прежде всего. И такъ какъ, чтобы удержаться, они могутъ разсчитывать *только* на свой авторитетъ, а не на

¹⁾ «Orlando Furioso», Canto XXVI.

содѣйствіе полиціи, то имъ надо считаться съ послѣдними завоеваніями разума и заботиться о примиреніи (хотя бы внѣшнемъ) между вѣрой и разумомъ. Говорю, конечно, не объ исключеніяхъ, о которыхъ скажу дальше нѣсколько словъ. И чтобы сдѣлать религію пріемлемой для разума, англійскіе священники выбираютъ иногда очень многое. Теперь, на примѣръ, громадное вліяніе на умы англійской молодежи имѣетъ краснорѣчивый священникъ, магистръ Кэмпбелль, основатель такъ называемой «новой теологіи». Кэмпбелль проповѣдуетъ въ своей церкви пантеизмъ и критически относится ко *всѣмъ* параграфамъ *regula fidei*, формулированнымъ на іерусалимскомъ соборѣ. «Новая теологія» не признаетъ, напр., догмата искупленія. Жизнь человѣка кончается съ его смертью. Царство Божіе—на землѣ. Оно наступитъ тогда, когда всѣ люди станутъ братьями. Вотъ почему обязанность каждаго вѣрующаго,—говоритъ «Новая теологія»,—стремиться къ искорененію неправды и насилія человѣка надъ человѣкомъ, къ возстановленію справедливости. Каждый дѣйствительно вѣрующій,—учитъ Кэмпбелль,—долженъ быть борцомъ за освобожденіе массъ. Въ «Церковномъ Ежегодникѣ» епископъ Горъ признаетъ новое ученіе «въ высшей степени важнымъ движеніемъ». «Кэмпбелль остановился на рядѣ вопросовъ, давно занимавшихъ насъ,—говоритъ епископъ,—ясно формулировалъ ихъ и сдѣлалъ достояніемъ массъ». И тотъ же епископъ Горъ въ недавней рѣчи, произнесенной въ *Saxton Hall*, требуетъ, чтобы служители церкви и вѣрующіе въ вершину угла поставили «соціальные реформы», а не механическую обрядовую религію. «Меня постоянно поражаетъ то, что многіе усердные посѣтители церкви категорически отказываются признавать свои соціальные обязанности,—говоритъ епископъ.—Почему это такъ? Чѣмъ обуславливается эта слѣпоты ума и сердца? Часто я старался найти объясненіе факта, но не могъ. И теперь я вынужденъ только констатировать явленіе. Если вамъ надо осуществить въ жизни какую-нибудь соціальную реформу, то приходится обращаться къ помощи атеистовъ, потому что если вы обратитесь къ усерднымъ посѣтителямъ церкви, они скажутъ: «не наше дѣло». Иногда я пытался угадать процессъ мысли у этихъ религіозныхъ людей. Они говорятъ, вѣроятно: «Христосъ не былъ соціальнымъ реформаторомъ». И князь англиканской церкви доказываетъ, что Иисусъ Христосъ *былъ* соціальнымъ реформаторомъ. «Вспомните грозныя слова

Христа о богачахъ, отъ которыхъ (т.-е. отъ словъ) всѣ современные владѣльцы незаработаннаго приращенія должны были бы содрогнуться. Христосъ сказалъ, что блаженны неимущіе. Но развѣ бѣдняки въ древней Галилеѣ имѣли что-нибудь общее съ забитымъ населеніемъ нашихъ трущобъ? Конечно, нѣтъ. Бѣдняки, о которыхъ говоритъ Христосъ, были зажиточными ремесленниками и рыбаками, какъ апостолы, являвшіеся хозяевами собственныхъ предпріятій. Христосъ основалъ церковь, т.-е. братство всѣхъ людей. Если вы скажете мнѣ: «я не хочу политики; мнѣ нужна только чистая религія», я отвѣчу вамъ: «именно, дѣйствуя такимъ образомъ, вы являетесь страшными революціонерами; проходя спокойно мимо соціальной неправды, творящейся у васъ на глазахъ, вы переворачиваете міръ вверхъ дномъ». Епископъ, дальше, рисуетъ страшную картину страданія массъ. «Милліоны рабочихъ въ Англіи живутъ на рубежѣ нищеты. Легкій толчокъ можетъ сбросить ихъ въ пропасть безработицы. Неужели вы думаете, что Христосъ спокойно смотрѣлъ бы на все это, явись Онъ теперь среди насъ?» Служитель церкви долженъ быть всюду, «гдѣ трудно дышится, гдѣ горе слышится». «Гдѣ неправда, тамъ онъ долженъ стать на сторонѣ обиженнаго, все равно, имѣетъ ли передъ собою экономическій или политическій гнетъ». Такъ учитъ епископъ Горь.

И мнѣ припоминается одинъ случай. Вообще говоря, очень не трудно затронуть людей «до глубины сердца». Для этого требуется только знаніе нѣсколькихъ довольно примитивныхъ пріемовъ и умѣнье пользоваться ими. Неизмѣримо труднѣе затронуть людей *до глубины кармана*, т.-е. такъ, чтобы они, послушавъ оратора, сейчасъ же пришли на помощь къ страдающимъ. Француза, напр., очень не трудно тронуть «до глубины сердца», такъ какъ онъ реагируетъ немедленно (пылкими словами) на трогательную рѣчь. Но тронуть француза *до глубины кармана* ужасно трудно; если онъ полѣзетъ туда, то обыкновенно, самое большее, за десятью сантиматами. Въ мірѣ теперь, вѣроятно, нѣтъ другой націи, кромѣ англичанъ, которая ставила бы *всегда* знакъ равенства между двумя формами «троганья». И если англичанинъ тронуть, онъ поспѣшитъ на помощь немедленно. И съ какою щедрою помощью! Въ Арменіи, напр., вырѣзали часть населенія. Что обывателю Іорка, напр., до армянъ? Но сейчасъ же образуется въ Іоркѣ комитетъ, который

въ нѣсколько дней собираетъ въ Англии десятки тысячъ рублей. Когда англійскіе квакеры въ 1891 году узнали про голодъ въ Россіи, они въ самое короткое время собрали только между собою 800.000 руб. и послали ихъ съ мистеромъ Бруксомъ. Англичане и теперь пришли бы на помощь голодающимъ, но изъ какихъ-то соображеній лондонская пресса, замалчивая все неприятное для русскаго правительства, замалчиваетъ также и голодъ. Times говоритъ только о блестящемъ финансовомъ положеніи Россіи, о сведеніи бюджета съ громаднымъ излишкомъ, о гениальной земельной реформѣ П. А. Столыпина, которую можно поставить рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ... ¹⁾

Въ 1907 году англичанка, попавшая, какъ туристка, въ одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ Европейской Россіи, случайно узнала отъ знакомаго англійскаго консула про систему административной ссылки и про тяжелое матеріальное положеніе ссыльныхъ. «Изгнанія безъ суда и слѣдствія» поразили англичанку. Она возвратилась въ Лондонъ и стала рассказывать про систему знакомымъ, вызывая у нихъ сомнѣнія. Въ концѣ-концовъ, черезъ знакомыхъ, г-жа Н. (такъ мы назовемъ англичанку) обратилась съ письмомъ ко мнѣ. «Правда ли, что въ Россіи ссылаютъ людей безъ суда и слѣдствія, по одному подозрѣнію въ политическомъ преступленіи?» спросила она меня. Я отвѣтилъ, что правда. «Значитъ правительство, по простому подозрѣнію, безъ суда, можетъ разорить человѣка, оторвавъ его отъ дѣла и загнавъ на далекую окраину?» Такъ писала мнѣ г-жа Н. во второмъ письмѣ. Я отвѣтилъ, что самъ пять лѣтъ провелъ въ Средне-Колымскѣ, Якутской области, хотя до сихъ поръ точно не знаю, въ чемъ меня обвиняли; конкретнымъ corpus delicti были двѣ переданныя брошюрки. Послѣ того, какъ я отправилъ мой отвѣтъ, прошло два мѣсяца. Однажды я получаю письмо съ просьбой явиться, въ качествѣ «эксперта» по административной ссылкѣ, къ извѣстному общественному дѣятелю. То-есть меня просили сдѣлать докладъ на «drawing room meeting» Изъ письма я узналъ, что сформировался уже англійскій комитетъ для помощи административно сосланнымъ. Въ списокѣ членовъ комитета были всѣ извѣстные въ Англии имена. Я опоздалъ только на три минуты, но когда я пришелъ, предсѣдатель былъ уже за столомъ. Меня смутило не только

¹⁾ Писано, въ 1912 году.

то, что я опоздалъ, но и еще одно обстоятельство. Предсѣдатель былъ въ сутанѣ и въ высокихъ гетрахъ, т.-е. я по платью узналъ въ немъ епископа. Онъ сказалъ нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что служитель церкви не можетъ и не долженъ устраняться отъ жизни. Какъ теперь помню то смущеніе, которое овладѣло мною, когда мнѣ надо было говорить. Ораторъ, обыкновенно, начинаетъ: «Mister Chairman, ladies and gentlemen!» (г. предсѣдатель, милостивыя государыни и милостивые государи). И я сразу никакъ не могъ рѣшить, надо ли сказать: «Mister Chairman» или «My lord»...

Еще одинъ типъ клэрджимэна. Онъ—настоятель одной изъ двухъ церквей нашего округа. Въ другой церкви настоятелемъ состоитъ маленькій, сморщенный, сторбленный Маусаиль, не признающій никакихъ завоеваній разума. «Все обстоитъ, какъ раньше»,—говоритъ онъ. Въ досужее время онъ пишетъ комментаріи къ «Чудесамъ Неба» и къ «Аду» Сведенборга. Вотъ и теперь предо мною лежитъ тоненькая книжечка, сочиненная священникомъ, изъ которой приведу нѣсколько выдержекъ: «Занятія ангеловъ на небесахъ не могутъ быть ни перечислены, ни описаны подробно, потому что этимъ занятіямъ нѣтъ числа... На небесахъ, какъ и на землѣ, существуютъ безчисленныя формы общественной службы, потому что и тамъ имѣются церковныя, гражданскія и домашнія дѣла». Любопытствуетъ ли кто узнать, гдѣ обрѣтается человѣкъ послѣ смерти? Старенькій клэрджимэнъ и это доподлинно знаетъ. «Міръ, въ которомъ пребываютъ духи только для умершихъ людей, не небо и не адъ, а промежуточное пространство между ними. Отсюда духъ умершаго человѣка, спустя нѣкоторое время, судя по заслугамъ, возносится на небо, или низвергается въ адъ». Года два тому назадъ г. Стэдъ установилъ правильное почтовое сообщеніе съ міромъ, въ которомъ витаютъ духи. Журналистъ этотъ разыскалъ на томъ свѣтѣ свою пріятельницу, нѣкую Джулію, и назначилъ ее почтмейстеромъ. Вы являлись въ контору (на этомъ свѣтѣ), платили гинею и заявляли кого вы желаете разыскать на томъ свѣтѣ. Дальнѣйшее надо было предоставить редактору *Review of Reviews* и дѣвицѣ Джуліи. Мистеръ Стэдъ, когда онъ не занимался восхваленіями русскаго начальства, собиралъ письма къ нему Джуліи съ того свѣта и издавалъ ихъ отдѣльнымъ сборникомъ. Въ тетради *Review of Reviews* заявлялось, что теперь уже нѣтъ больше

тайнъ загробной жизни, такъ какъ всё онѣ раскрыты. Только вотъ г. Стэдъ расходился въ одномъ существенномъ пунктѣ съ моимъ пріятелемъ, клэрджимэномъ Маѳусаиломъ. Джулія, по-видимому, никакъ не могла найти, гдѣ помѣщается адъ, и существованіе его, поэтому, подвергается сомнѣнію. Старый же клэрджимэнъ, основываясь на показаніяхъ Сведенборга, приводитъ чуть ли не географическую широту и долготу ада. «Адъ раздѣленъ на разные кланы; отсюда слѣдуетъ, что есть нѣсколько адовъ». Авторъ можетъ дать самыя подробныя свѣдѣнія не только объ адскихъ жителяхъ, но и о свойствахъ адскаго огня.

А на разстояніи пяти минутъ ходьбы отъ церкви св. Маріи, въ которой настоятелемъ состоитъ Маѳусаиль, находится церковь св. Михаила, настоятель которой объявляетъ рай, адъ и загробную жизнь только символами. И Робинсонъ (такъ зовутъ клэрджимэна), и Маѳусаиль принадлежатъ къ англиканской церкви.

Reverend Робинсонъ—соціалистъ. Есть значительная разница между англійскими и, скажемъ, русскими соціалистами, принадлежащими къ среднимъ классамъ. Русскій соціалистъ въ теоретическомъ спорѣ можетъ дать десять очковъ впередъ англійскому; но въ вопросахъ чисто практическихъ англійскій соціалистъ дастъ смѣло сто очковъ впередъ русскому. Reverend Робинсонъ, вѣроятно, въ спорѣ о теоріи цѣнности, о рентѣ и т. д. не могъ бы потягаться съ самымъ среднимъ русскимъ интеллигентнымъ соціалистомъ, твердо запомнившимъ Каутскаго и пять—шесть переводныхъ брошюръ. Зато Робинсонъ самымъ детальнымъ образомъ изложитъ вамъ какой соціалистическій законъ можно провести немедленно. Онъ войдетъ въ мельчайшія подробности, которыя тщательно продумалъ. Онъ приведетъ цѣлый рядъ цифръ, добытыхъ имъ не изъ брошюрокъ, а изъ синихъ книгъ и отчетовъ королевскихъ комиссій. На каждое возраженіе у Робинсона готовъ отвѣтъ, предвидѣнный заранее. Священникъ можетъ вамъ изложить законопроектъ о немедленной націонализаціи желѣзныхъ дорогъ или проектъ государственнаго страхованія, построенный на пропорціональномъ обложеніи незаработаннаго приращенія.

Мнѣ приходилось нѣсколько разъ бывать въ церкви св. Михаила на проповѣдяхъ Робинсона. Очень часто онъ выбираетъ политическія, экономическія, художественныя или литератур-

ныя темы. Я слышалъ, напримѣръ, проповѣдь о мистеріи «Чудо», поставленной Максомъ Рейнгардтомъ въ «Олимпіи». Въ 1911 году свящ. Робинсонъ произнесъ большую и интересную проповѣдь на тему: «Толстой, какъ величайшій христіанинъ». Проповѣдникъ началъ съ того, что «русскій пророкъ, по причинѣ своей геніальности, величественности своего ученія и глубокой искренности, переступилъ преграды національности и теперь обращается не къ одному народу, а ко всему человѣчеству». «Теперь многіе заявляютъ себя христіанами, но у всѣхъ поступки радикально расходятся съ вѣрой. Толстой поступалъ такъ, какъ училъ». «Какъ и Галилеянинъ, Толстой высоко цѣнилъ трудящихся людей. И въ этомъ отношеніи русскій пророкъ сходилъ вполнѣ съ Рескинымъ, который въ шестьдесятъ седьмомъ письмѣ «Fors Clavigera» говоритъ: «Физически невозможно, чтобы религіозное познаніе и чистая мораль существовали у классовъ, не зарабатывающихъ въ потѣ лица хлѣбъ насущный». «Трудящіеся люди! Ваши заботы были заботами великаго русскаго пророка. Ваши проблемы были его проблемами. Въ самомъ дѣлѣ, одно время онъ думалъ, что страданія человѣчества можно облегчить частной благотворительностью, но быстро убѣдился, что такая помощь, вмѣсто пользы, приноситъ только вредъ».

Крупная широкоплечая фигура священника Робинсона очень эффектна, когда онъ проповѣдуетъ.

Пора кончать. Цѣлью моихъ замѣтокъ было показать, какъ, подъ вліяніемъ времени, клерджимэны въ Англии или уходятъ изъ церкви, не находя возможнымъ примирить свои сомнѣнія съ догматами, или выбрасываютъ многое за бортъ, сохраняя этическое ученіе. Эти священники настоятельно повторяютъ, что церковь не имѣетъ права отворачиваться отъ страшныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ современными формами производства. Мы имѣемъ нѣсколькихъ Маѳусаиловъ, въ родѣ настоятеля церкви св. Маріи, которые зажмурили глаза на все. Но вообще девизомъ англійскихъ священниковъ можетъ служить двустипіе Вольтера:

«Moins de dogme et plus de vertu,
Voilà le culte véritable».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Предметный урокъ.

I.

Съ листопадомъ въ этомъ году борьба за гомруль вступаетъ въ новый фазисъ. Развитие борьбы въ высшей степени интересно, такъ какъ при этомъ ярко освѣщаются самыя тонкія извилины сложнаго явленія, съ которымъ приходится такъ считаться всюду. Я говорю о націонализмѣ.

При нормальныхъ условіяхъ національности, живущія рядомъ, образуютъ новый этической сплавъ. Высшая культура шлифуетъ низшую. Мѣняются обычаи, нравы, даже языкъ. Происходитъ явленіе, которое уже безчисленное множество разъ повторялось въ записанной и незаписанной исторіи человѣчества, не знающей чистыхъ націй. Не только такіе термины, какъ «англичанинъ», «французъ» и «турокъ», но даже такіе, какъ «аріецъ», «семитъ» и т. д. совершенно условны, не поддаваясь точному опредѣленію. Если мы желаемъ сдѣлать сколько-нибудь правильный выводъ, необходимо сперва совершенно точно опредѣлить предпосылки. Нельзя говорить о націонализмѣ и задачахъ его, покуда мы точно не опредѣлимъ, что такое нація.

И какъ только мы сдѣлаемъ первую попытку въ этомъ направленіи, то убѣдимся, что имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то крайне растяжимымъ и неопредѣленнымъ. Одно опредѣленіе говоритъ намъ: «нація это соединеніе людей, живущихъ на одной территоріи, подчиненныхъ или не подчиненныхъ одному и тому же правительству, имѣющихъ издавна настолько общіе интересы,

что людей этихъ можно причислить къ одной и той же расѣ»¹⁾. Этому опредѣленію *naçim* авторъ противопоставляетъ *narodъ*. («Множество людей, хотя и не живущихъ въ одной и той же странѣ, но имѣющихъ общую религію и общее происхожденіе»).

«Нація,—говоритъ намъ другой авторитетъ,—это естественное общество людей, объединенныхъ страной, происхожденіемъ, нравами, языкомъ и сознающихъ это единство»²⁾. «Нація это—человѣческія массы, хотя бы и не объединенныя политически, но связанныя общей культурой, общимъ происхожденіемъ, въ особенности языкомъ и нравами»³⁾. Итакъ, выходитъ, нація это агломератъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одной *расѣ*, имѣющихъ общую *территорію*, одинъ *языкъ*, одну *религію* и тѣ же *нравы*. Попробуемъ анализировать термины, входящіе въ составъ опредѣленія. *Раса*—нѣчто совершенно неопредѣленное; антропология не знаетъ чистыхъ расъ. Въ самыхъ чистыхъ расахъ мы встрѣчаемъ брахицефаловъ и долихоцефаловъ, свѣтловолосыхъ и темноволосыхъ, что показываетъ притокъ разныхъ кровей. Что касается до территоріи, то на одномъ и томъ же мѣстѣ мы сплошь и рядомъ находимъ этническія пятна разнаго происхожденія. Максъ Мюллеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ показываетъ намъ, какъ племена разнаго происхожденія усваивали новый языкъ. Когда знаменитый ученый употребляетъ термины «арійскій» «арійцы», онъ имѣетъ въ виду не *антропологическій*, а только *филологическій* смыслъ. Максъ Мюллеръ говоритъ только о племенахъ, внѣ зависимости отъ ихъ происхожденія, принявшихъ языкъ арійскаго корня. Что касается религіи, то одна и та же религія можетъ быть у племенъ разнаго происхожденія, а иногда одно племя можетъ раздѣляться по религіи. Въ концѣ-концовъ культы подвержены тому же закону эволюціи, какъ и языки. Богъ мексиканцевъ говоритъ не безъ основанія своему жрецу:

Doch ich sterbe nicht; wir Götter
Werden alt wie Papagieen.
Und wir mausern nur wechseln
Auch wie diese das Gefieder»⁴⁾.

¹⁾ Littré.

²⁾ Mancini.

³⁾ Bluntschli.

⁴⁾ H e i n e, «Vitzfiputzli».

«Нравы» являются результатомъ общихъ внѣшнихъ условій, при которыхъ живетъ та или другая совокупность людей, внѣ зависимости отъ ихъ происхожденія. Общія условія жизни, напр., въ Нью-Йоркѣ, въ городкѣ дальняго запада или въ лагерѣ прискателей въ Клондейкѣ создаютъ на нашихъ глазахъ «новые нравы» у людей, все равно, будутъ ли то англичане, итальянцы, нѣмцы или французы.

Итакъ, совершенно невозможно точно опредѣлить столь ясное и столь понятное на первый взглядъ понятіе—«нація». Вотъ почему и націонализмъ (я имѣю въ виду *наступательный*) тоже нѣчто неуловимое, туманное, смутное. Къ несчастью, бывають туманы ядовитые, губящіе все... При нормальныхъ условіяхъ «оборонительный націонализмъ» слабѣетъ, растворяется; при ненормальныхъ—онъ проявляетъ тѣ же свойства, что и всякое тѣло подъ прессомъ: чѣмъ давленіе сильнѣе, тѣмъ болѣе возрастаетъ плотность его.

«Наступательный націонализмъ» можетъ выдвинуть для своего оправданія только туманныя формулы, не выдерживающія анализа. Такой характеръ, напр., носитъ знаменитая ссылка на «историческую миссію народовъ». Кто опредѣляетъ эту миссію? Какъ узнать, что она именно такого рода, а не другого?

Исторія Ирландіи представляетъ собою почти классическое поле для изученія *оборонительнаго націонализма* и *наступательнаго* націонализма. Мы можемъ ясно прослѣдить, какъ зародился каждый изъ нихъ, какъ развивался и какъ боролся. Теперь мы видимъ, какъ *наступательный націонализмъ*, насажденный въ Ирландіи, бьется въ послѣднихъ содроганіяхъ, не желая отказаться отъ власти. И эта исторія такъ напрашивается на обобщенія, такъ поучительна, такъ *современна*, что я хочу набросать въ самыхъ общихъ чертахъ картину этой многолѣтней борьбы національностей.

Мы видимъ сперва въ Ирландіи оригинальную, самобытную культуру. «Въ теченіе многихъ вѣковъ развитіе ирландской культуры шло совершенно независимо,—говоритъ лордъ Денрэйвенъ¹⁾.—Постороннія силы не отражались на мѣстной цивилизаціи. Ирландія ничего не позаимствовала у Англій и представляетъ собою единственную страну на западѣ, которая никогда

¹⁾ Lord Dunraven, «The Legacy of Past Years», p. 3.

не испытывала прямого вліянія Римской имперіи. Хотя Агрикола и задумывалъ завоеваніе Ирландіи, но ни одинъ римскій солдатъ не ступилъ на почву Эрина. На цивилизаціи Ирландіи совершенно не отразились ни римская юриспруденція, ни римское понятіе общества и государства». Первобытное населеніе Ирландіи имѣло совершенно иное понятіе государства и націи. Національность, согласно идеалу ирландцевъ, это—общіе законы, обычаи, религія и наука, покоящіеся все на чисто демократическомъ фундаментѣ. Собственно центральная власть, или правительство, сравнительно мало интересовала ирландцевъ. Мы видимъ здѣсь децентрализацію въ высшей формѣ, т.-е. цѣлый рядъ независимыхъ общинъ, связанныхъ узами единой культуры.

Если завоеватели являются носителями высшей культуры и не проводятъ политику *наступательнаго націонализма*, то два народа въ концѣ-концовъ сливаются вмѣстѣ, образуя новый этнической сплавъ. Получается амальгама двухъ культуръ, при чемъ обѣ выигрываютъ. Ирландія не выиграла отъ завоеванія ея англичанами. Англійскій историкъ такъ объясняетъ причину: «Въ 1172 году король Генрихъ, опираясь на буллу, полученную отъ папы Адріана IV, единственнаго англичанина, занимавшаго когда-либо престолъ св. Петра, вторгся въ Ирландію и роздалъ тамъ громадныя территоріи своимъ норманскимъ баронамъ». Такимъ образомъ положено было начало земельному вопросу въ Ирландіи. Англійскій король намѣтилъ политику *наступательнаго націонализма*, въ силу которой ирландцевъ надо было оторвать отъ земли, конфисковать общинныя земли и заселить страну фермерами, принадлежащими къ господствующей народности. «Будь Ирландія послѣ вторженія предоставлена себѣ,—продолжаетъ сэръ Чарльзъ Брюсъ,—произошло бы такое же явленіе, какъ въ Англии. Другими словами, завоеватели, пережившишь съ завоеванными, образовали бы новую англо-ирландскую народность. Но настражѣ стояло англійское правительство, проводившее національную политику и *запретившее* англійскимъ колонистамъ перенимать ирландскіе обычаи и ирландскій языкъ. Бракъ англичанъ съ ирландками былъ запрещенъ подѣ страхомъ увѣчья и смерти».

II.

Природа не признаетъ національной политики. Несмотря на суровые законы, изданные англійскими королями, двѣ культуры, пришедшія въ соприкосновеніе, шлифовались взаимно. Потомки норманскихъ бароновъ, ставъ норманскими помѣщиками, превращались мало-по-малу въ ирландцевъ. Въ царствованіе Эдуарда I (въ XIV вѣкѣ) они установили нормано-ирландскій парламентъ, въ которомъ засѣдали также вожди клановъ, какъ О'Брайены, О'Тулы и др. Видя, что двѣ націи постепенно сближаются, англійское правительство снова издало законъ, цѣлью котораго было держать въ изоляціи государственную народность. Вышелъ онъ въ 1367 году при Эдуардѣ III ¹⁾. Въ силу этого закона употребленіе ирландскаго языка, ирландскаго національнаго платья, а равно бракъ англичанина и ирландки признаны были государственной измѣной и карались смертью. Что касается самихъ ирландцевъ, то они поставлены были внѣ закона. Короли прибавили къ своему титулу «повелители Ирландіи», но, тѣмъ не менѣе, не признавалось преступленіемъ, если англичанинъ убьетъ ирландца. Убіеніе разрѣшалось даже въ предѣлахъ самой Англій. Люди вообще добрѣе и мягче тѣхъ законовъ, которые иногда вырабатываются для нихъ. Несмотря на то, что законъ поощрялъ убійство и каралъ смертью смѣшенные браки, сближеніе между національностями, живущими рядомъ, все-таки происходило. При Генрихѣ VI (во второй половинѣ XV вѣка) ирландскій парламентъ формально заявилъ, что будетъ признавать обязательными только тѣ законы, которые самъ выработаетъ для себя. Связь между норманскимъ и ирландскимъ дворянствомъ становилась прочнѣе съ теченіемъ лѣтъ. Норманскіе помѣщики признали основные законы Ирландіи, признававшіе землю собственностью общины. Земля находилась въ общинномъ владѣніи у того клана, который жилъ на ней. Вождь имѣлъ только свою долю, какъ всякій другой членъ клана. Кланъ часто воевали другъ съ другомъ, при чемъ побѣдители угоняли скотъ и жали нивы; но основной принципъ, что земля принадлежитъ клану, живущему на ней,

¹⁾ The Statute of Kilkenny.

признавался. Побѣдителямъ никогда не приходила даже въ голову возможность отнять землю у побѣжденнаго клана.

У англичанъ былъ противоположный взглядъ на землепользованіе. Въ силу этого взгляда вся земля принадлежитъ королю и только съ его соизволенія находится въ частномъ владѣніи. Фермеръ и крестьянинъ пользуются временно землею по милости короля или того лица, которому король подарилъ землю. И въ силу этого взгляда король, карая какого-нибудь норманскаго дворянина въ Ирландіи или ирландскаго вождя, конфисковалъ ихъ земли, которыя, по понятіямъ ирландцевъ, не могли быть конфискованы, такъ какъ представляли собственность не опальнаго лица, а всего клана.

До 1500 года ирландскія понятія о земельной собственности господствовали всюду на Эринѣ. «Поирландившіеся» норманскіе дворяне признавали общинное землевладѣніе и держали въ своихъ замкахъ знатоконъ обычнаго права для разъясненія всѣхъ могущихъ возникнуть осложненій и недоразумѣній. Только въ англійской чертѣ осѣдлости (English Pale), какъ именовалась территория близъ Дублина діаметромъ въ 30 миль, — господствовали такія же понятія о земельной собственности, какъ въ Англии. За этимъ предѣломъ всюду, несмотря на строгое запрещеніе, населеніе признавало только ирландскіе законы. Такимъ образомъ ирландская культура побѣдила. Господствующая народность сблизилась съ побѣжденными и вмѣстѣ содѣйствовала процвѣтанію Ирландіи. И то былъ дѣйствительно періодъ замѣчательнаго расцвѣта, о которомъ говорятъ теперь только развалины великолѣпныхъ замковъ, церквей и аббатствъ.

Въ 1495 году началось вторичное завоеваніе Ирландіи, куда Генрихъ VII послалъ сильное войско подъ предводительствомъ новаго намѣстника Пойнингса. Ирландія имѣла уже свой парламентъ, заявившій, что не признаетъ другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые самъ вырабатываетъ. Такимъ образомъ всякій приказъ, введенный намѣстникомъ, былъ бы произволомъ. Намѣстникъ разрѣшилъ вопросъ очень просто, созвавъ свой собственный парламентъ въ Дрохедѣ (Drogheda). Депутаты, назначенные намѣстникомъ, постановили, что каждый законъ, выработанный Англіей, обязателенъ для Ирландіи, и что ирландскій парламентъ не можетъ принять ни одного рѣшенія безъ санкціи англійскаго тайнаго совѣта. При Генрихѣ VIII началась конфискація общинныхъ земель. Въ 1536 году былъ

обвиненъ въ государственной измѣнѣ графъ Кильдаръ, потомокъ «поирландившагося» норманскаго барона Жеральдина, при чемъ всѣ его громадныя вотчины были конфискованы. Черезъ годъ англійскій парламентъ издалъ законъ, въ силу котораго всѣ земли, дарованныя въ Ирландіи норманскимъ баронамъ и перешедшія потомъ какимъ-нибудь образомъ къ ирландцамъ,—конфискуются. Въ томъ же году отобраны были всѣ земли у ирландскихъ монастырей. «Законы» конфискаціи дали возможность вождямъ клановъ объявить мятежниками и государственными измѣнниками всѣхъ тѣхъ родовичей, которые требовали себѣ землю на основаніи обычнаго права. Началась, по выраженію Бэкона, «дикая охота на дикихъ ирландцевъ». Ирландцы никакъ не хотѣли признавать за государствомъ право конфискаціи общинныхъ земель за вину вождя. Они считали, что право на ихъ сторонѣ, и соединились для защиты закона объ общинномъ землевладѣніи, существовавшего болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Тогда началось безчеловѣчное «усмиреніе мятежа». При каждомъ отрядѣ солдатъ находились палачи и спеціалисты по части пытокъ. Пощады никому не давали. Старики, дѣти, женщины—всѣ признаны были мятежниками, достойными смерти. Усмирители поставили себѣ цѣлью не только истребить всѣхъ знатныхъ ирландцевъ, но и унижить ихъ передъ смертью въ глазахъ населенія. Женъ и дочерей вождей сѣкли передъ казнью на глазахъ у всѣхъ. Ирландцы уважали талантъ и почитали своихъ бардовъ и историковъ. Этого было достаточно, чтобы поэтовъ и историковъ колесовали. Побѣдители жгли книги и старинныя лѣтописи, чтобы истребить даже память о быломъ величіи. Чтобы истребить старинные роды, пользовавшіеся уваженіемъ, англичане велѣли сжечь геральдическія книги. «Никто не долженъ помнить, кто былъ его дѣдъ». Цѣлью правительства было разрушить не только институтъ общиннаго землевладѣнія, но также всѣ традиціи, всю гэльскую культуру, всю память о прошломъ. Предполагалось смѣшать всѣхъ ирландцевъ въ одну сѣрую, невѣжественную, жалкую толпу, а затѣмъ—вести новую жизнь, какъ въ Англии ¹⁾. То былъ «наступательный націонализмъ», проведенный прямолинейно, логически, не страшась ни совѣсти, ни того, что скажутъ другіе.

¹⁾ J. R. Green, «Irish Nationality», p. 130.

Реформація прибавила новый поводъ для преслѣдованія ирландцевъ. Въ 1560 году протестанство было установлено закономъ. «Въ Ирландіи старая вѣра означала раздѣленіе между побѣдителями и побѣжденными: она являлась символомъ національнаго духа, — говоритъ Лекки ¹⁾. — Религія поддерживала страсть ожесточенной политической борьбы. Въ то время, какъ всѣ сѣверные народы Западной Европы отвернулись отъ католицизма, ирландцы удержали его только изъ ненависти къ угнетателямъ». И дальше мы увидимъ, что религія, какъ націонализмъ, можетъ быть орудіемъ обороны и наступленія. Мы увидимъ, какъ «орудіе обороны» превращается въ орудіе наступленія.

Для Англіи протестанство означало, помимо другого, сопротивленіе сильной имперіи въ ея попыткѣ покорить островное королевство и борьбу съ деспотіей Стюартовъ. Но та же Англія желала силой меча навязать новую религію Ирландіи, для которой преданность гонимому католицизму означала вѣрность народному духу. Протестанство появилось въ Ирландіи, какъ религія угнетателей. И преданность ирландскаго народа своей вѣрѣ послужила носителямъ наступательнаго націонализма новымъ предлогомъ для конфискацій земель и для истребленія населенія. Намѣстникъ Ирландіи лордъ Грэй-де-Вильтонъ донесъ Елизаветѣ, что для усмиренія страны необходимо «магометанское завоеваніе», т.е. истребленіе всѣхъ нежелающихъ перейти въ протестанство. И именно этотъ лордъ выведенъ въ поэмѣ Спенсера «The Faery Queene», какъ идеаль справедливости. Намѣстникъ, подъ предлогомъ введенія протестанства, предлагалъ истребить цѣлую націю. Передъ нами «наступательный націонализмъ», не считающійся ни съ чѣмъ. То, о чемъ націоналисты на континентѣ только мечтаютъ, лордъ Грэй осуществлялъ. «Вся провинція Мёнстера была опустошена совершенно, — пишетъ историкъ. — Подъ ударами англійскихъ сабель пали гекатомбы безпомощныхъ жертвъ: старики, немощные, слѣпцы, молодыя матери съ грудными младенцами въ рукахъ. И хотя подробности забыты, память, въ видѣ смутнаго ужаса, сохранилась до сихъ поръ». «Наступательный націонализмъ» призвалъ голодъ на помощь мечу. «Въ 1582 году нѣкій сэръ Уорхэмъ Сентлэджеръ доно-

¹⁾ «The History of England in the Eighteenth Century».

силъ королевѣ Елизаветѣ, что его друзья, истребивъ огнемъ нивы, уморили въ шесть мѣсяцевъ въ провинціи Мѣнстеръ *тридцать тысячъ мятежниковъ*,—пишетъ сэръ Чарльзъ Брюсъ, авторъ статьи объ Ирландіи въ *British Empire Review*. Доноситель ждалъ себѣ награды. Въ сѣверной Ирландіи населеніе оказало болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ въ провинціи Мѣнстеръ. Елизавета сперва подослала убійць къ наиболѣе сильному вождю Шэну О'Нейлю. Затѣмъ англійскія войска разбили близъ Кинсэля соединившихся вождей Хью О'Нейля и Хью О'Доннелля. Послѣднему удалось бѣжать въ Испанію, гдѣ онъ сталъ собирать войска. Агентъ англійскаго правительства О'Доннелля и докладъ объ этомъ найденъ среди тайныхъ государственныхъ бумагъ. Графъ О'Нейльль подчинился; но противъ него и противъ наслѣдника графа О'Доннелля при Яковѣ I поднято было дѣло о государственной измѣнѣ. Оба графа бѣжали за границу.

«Наступательный націонализмъ» создаетъ свою антитезу, т.-е. «націонализмъ оборонительный». «Кажется прямо удивительнымъ, что раса, которую истребляли огнемъ, мечомъ и голодомъ, выжила,—пишетъ лордъ Дѣнрэйвенъ.—Совершенно непонятно, какимъ образомъ опустошаемыя провинціи оправлялись. Раса не погибла, и ирландцы выжили несмотря на жестокія гоненія. Какъ только завоеватели ушли, оставшіеся въ живыхъ крестьяне выбрались изъ лѣсовъ и пещеръ и принялись обрабатывать землю. Живучесть и настойчивость народа прямо граничатъ съ чудомъ. Побѣдители пытались вырѣзать все населеніе, но это не удалось»¹⁾. Память о томъ, какъ «наступательный націонализмъ» примѣнялся въ Мѣнстерѣ и Ольстерѣ, сохранилась до нашихъ дней. Вообще великія преступленія подобнаго рода забываются, когда условія мѣняются; но англичане сдѣлали все, чтобы страшная память о завоеваніи не растаяла. И главной причиной, почему это случилось, является конфискація земли. Въ свое время Шотландія тоже сильно пострадала отъ англичанъ, хотя не въ такой степени, какъ Ирландія. Завоеватели вторгались и въ Англію, выжигая нивы и города, истребляя населеніе. Норманы тоже конфисковали земли, но не всѣ. Отобранныя земли не были отданы націи, чуждой по религіи и языку. Имъ не надѣлили, наконецъ, простыхъ аван-

¹⁾ Lord Dunraven, «The Legacy of Past Years», p. 33.

тюристовъ, какъ это было въ Ирландіи. Подчиненіе туземнаго населенія вело за собою конфискацію *всей* земли, т.-е. превращеніе ея изъ общинной собственности въ государственную. Въмѣсто одного собственника—народа, являлся другой—корона. Это значило: введеніе шерифовъ, сборщиковъ феодальныхъ податей и налоговъ; окончательную отмѣну законовъ *брэоновъ*¹⁾, уничтоженіе «tanistry», т.-е. обычая выбирать всѣмъ кланомъ вождя, распредѣляющаго земельные душевые надѣлы. Уничтожались навсегда всѣ привилегіи народа, всѣ обычаи, съ которыми тотъ сросся. Наступательный націонализмъ не считался ни съ чувствомъ, ни съ благосостояніемъ подчиненнаго народа. Прежде каждый родовичъ зналъ только выборнаго вождя клана, права котораго были точно опредѣлены и ограничены обычаями и законами брэоновъ. Побѣдитель поставилъ вмѣсто этого вождя неизвѣстнаго землевладѣльца, устанавливающаго ренту по своему усмотрѣнію. Родовичъ потерялъ всѣ свои привилегіи и всякое право на землю».

«Земля всегда была страстью ирландцевъ,—говоритъ лордъ Дѣнрэйвенъ. — Крестьяне безумно любили ее. Когда же начался процессъ конфискаціи, *всѣхъ* туземцевъ прогнали, оставивъ только немногихъ, которые нужны были завоевателямъ, какъ черноработчіе. Земли отданы новымъ владѣльцамъ, чуждымъ прежнимъ по языку, вѣрѣ, обычаямъ, законамъ. Прямой цѣлью войны было истребленіе расы съ корнями и отнятіе всей земли»

Въ результатѣ явился оборонительный націонализмъ, имѣвшій цѣлью борьбу за расу, за землю и за вѣру.

При Яковѣ I наступательный націонализмъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ: заведены были, такъ называемыя, «поселенія въ Ольстерѣ» (Plantation of Ulster). Земля была уже отобрана и отдана англійскимъ помѣщикамъ; но крестьянами фермерами

¹⁾ Законами брэоновъ (Brehon Laws) англичане называли всю систему юриспруденціи, существовавшую въ Ирландіи до XVII вѣка. «Брэонами» (точнѣе «breitheamhuin») назывались наследственные судьи ирландскихъ клановъ. «Брэоны» судили и мирили на открытомъ воздухѣ, на вершинѣ холма или на пригоркѣ. Англійскіе писатели XVI вѣка, говоря о Brehon Laws, называютъ ихъ «угодными челобѣту», но «противными Богу и общему понятію о законности». Главнымъ образомъ при этомъ англійскіе писатели имѣли въ виду то, что убійство у ирландцевъ каралось не смертю по принципу «жизнь за жизнь», а вирой (eric). Законы брэоновъ уже въ XV вѣкѣ составляли писанный кодексъ.

были еще ирландцы. И носители наступательнаго націонализма рѣшили прогнать изъ Ольстера всѣхъ фермеровъ ирландцевъ и замѣнить ихъ шотландцами и англичанами. Когда въ 1641 году началась въ Англіи гражданская война, фермеры въ Ирландіи возстали, чтобы отнять землю, принадлежавшую ихъ отцамъ, у англійскихъ переселенцевъ. Возставшіе подожгли фермы. Кое-гдѣ были и убійства. Переселенцы тоже соединились и сторицей платили повстанцамъ. И такъ шли дѣла нѣсколько лѣтъ. Въ 1648 году парламентскія войска нанесли окончательный ударъ арміи короля. Карль I былъ выданъ, арестованъ, осужденъ и казненъ, а 15 августа 1649 года Кромвель со своими мятежниками высадился на ирландскій берегъ, чтобы подавить здѣсь мятежь. Усмиреніе Ирландіи продолжалось три года и представляетъ одну изъ самыхъ ужасныхъ страницъ въ липкой отъ человѣческой крови всеобщей исторіи наступательнаго націонализма. «Я не намѣренъ анализировать характеръ такого замѣчательнаго человѣка, какъ Кромвель,—говоритъ лордъ Денрэйвенъ.—Въ Ирландіи онъ продолжалъ дѣло, начатое его предшественниками, примѣняя ихъ же методы. Въ одномъ отношеніи онъ былъ гуманнѣе усмирителей, посланныхъ Елизаветой и Карломъ I. Кромвель держалъ своихъ солдатъ въ строгой дисциплинѣ и до извѣстной степени помнилъ, что ирландцы тоже люди, если только дѣло не касалось его религіозныхъ убѣжденій. Какъ только Кромвель высадился, онъ запретилъ солдатамъ грабить населеніе и насиловать; но если онъ останавливался сперва насиліе и жестокость *въ единичныхъ* случаяхъ, онъ примѣнялъ ихъ потомъ въ широкихъ размѣрахъ, какъ месть. Кромвель былъ фанатикъ, какъ Филиппъ Испанскій, Оба были убѣждены, что Богъ послалъ ихъ на землю съ опредѣленной миссіей, и оба съ необыкновенной жестокостью выполняли ее. Филиппъ вѣрилъ, что его предназначеніе—раздавить протестантство и черезъ своего исполнителя, герцога Альбу, залилъ Нидерланды рѣками крови. Кромвель думалъ, что Господь послалъ его на землю искоренить папизмъ и, выполняя свою миссію, не останавливался ни передъ чѣмъ. Въ исторіи нѣтъ болѣе кровавыхъ страницъ, чѣмъ осада и взятіе Дрохеды, Уексфорда и др. городовъ. Цѣлыя области были истреблены огнемъ, мечомъ и голодомъ. Результатомъ безстрашнаго примѣненія политики наступательнаго націонализма было то, что въ 1652 году *половина* населенія Ирландіи погибла. Голодъ

свирѣпствовалъ всюду. До начала усмиренія деревенскій инвентарь оцѣнивался въ 4 мил. ф. ст., а къ концу 1652 года только 500.000 ф. ст. Рожь стоила до усмиренія 12 шиллинговъ за бушель, а въ 1652 году—50 шиллинговъ. Можно было проѣхать тридцать миль, не встрѣтивъ слѣда человѣческой жизни. Волки, питавшіеся человѣческимъ мясомъ, размножились и стали до такой степени смѣлы, что забѣгали даже въ Дублинъ. Умирающему отъ голода населенію разрѣшено было оставить островъ. Этимъ воспользовались около 40 тысячъ человѣкъ, но судьба ихъ была крайне плачевна. По приказанію лорда-протектора тысячи молодыхъ ирландцевъ обоего пола были отправлены въ Вестъ-Индію и проданы тамъ на плантаціи». И, читая про все это, мы не знаемъ чему болѣе удивляться: жестокости ли людей, ослѣпленныхъ религіознымъ фанатизмомъ и идеями наступательнаго націонализма, или живучести преслѣдуемыхъ? ¹⁾

III.

Кромвель, убѣдившись, что нельзя истребить всѣхъ ирландцевъ до послѣдняго человѣка, велѣлъ имъ всѣмъ очистить провинці Ольстеръ, Ленстеръ и Мѣнстеръ (за исключеніемъ графства Клэйръ). Все католическое населеніе было прогнано за рѣку Шанонъ и скучено въ болотахъ и горахъ провинці Коннотъ (Connaught). Ирландцы во время гражданской войны поддерживали Карла I, и тѣмъ не менѣе, во время реставраціи сынъ Карла I подтвердилъ всѣ распоряженія Кромвеля относительно завоеванной страны.

¹⁾ «Кромвель переправился черезъ каналъ св. Георга, какъ носитель мести,—пишетъ извѣстный англійскій священникъ Сильвестръ Хорнъ въ предисловіи къ книжкѣ «Home Rule or Rome Rule».—Диссентерамъ въ особенности печально то, что парламентъ далъ страшную миссію именно такому человѣку, который былъ настолько геніаленъ, что могъ бы проявить толерантность, и настолько уменъ, что могъ бы оцѣнить положеніе дѣлъ. Исполненіе миссіи сдѣлало Кромвеля навсегда ненавистнымъ ирландцамъ. «Усмиреніе» на нѣсколько вѣковъ запутало ирландскій вопросъ... Сверженіе монархіи принесло Англии и даже Шотландіи свободу и благоденствіе, тогда какъ Ирландіи республика дала только миръ и спокойствіе могилы».

Кромвель, какъ Елизавета и Яковъ I, имѣлъ въ виду прежде всего конфискацію земли. До гражданской войны ирландцы имѣли въ десять разъ больше земли, чѣмъ все англійскіе переселенцы. Послѣ Кромвеля въ рукахъ у англичанъ оказалось $\frac{4}{5}$ всей земли вообще и $\frac{2}{3}$ всей земли годной для обработки. Такимъ образомъ закончилось второе выступленіе, имѣвшее цѣлью поголовное истребленіе всего туземнаго населенія. Какъ и при Елизаветѣ, при Кромвелѣ «наступательный націонализмъ» не остановился передъ грабежомъ, изнасилованіями, пожарами и массовыми убійствами. И, несмотря на все это, второе выступленіе кончилось такою же неудачею, какъ и первое. Оборонительный націонализмъ, несмотря на то, что въ его распоряженіи только пассивныя средства сопротивленія, безконечно сильнѣе націонализма наступательнаго, могущаго примѣнять, и «на законномъ основаніи», самыя страшныя преступленія, какія только вѣдомы человѣчеству.

Ирландская раса выжила и послѣ Кромвеля, какъ выжила послѣ гоненій при Елизаветѣ, но обильное кровопусканіе страшно ослабило націю. Большая часть населенія удалилась въ наиболѣе дикіе углы острова; остальные жили на землѣ, нѣкогда принадлежавшей имъ, почти какъ крѣпостные. Связующимъ звеномъ осталась религія, затѣмъ—традиція, любовь и уваженіе къ своей старой культурѣ. Все это безжалостно преслѣдовалось. Народные учителя, священники, вышедшіе изъ крестьянъ, и, отчасти епископы, поддерживали духъ побѣжденнаго народа. Тогда англичане назначили на нихъ охоту, какъ на лисицъ. На народныхъ учителей и на священниковъ устраивались облавы, какъ на волковъ. Ихъ преслѣдовали, ловили въ пещерахъ, гдѣ они укрывались, предавали пыткамъ, казнили. Но ирландскій народъ сохранилъ свою культуру. Оборонительный націонализмъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ сильнѣе преслѣдованіе. И удивительно то, что онъ захватываетъ преслѣдователей. Ничего нѣтъ болѣе удивительнаго въ исторіи, какъ живучесть ирландскаго народа и его сила ассимилировать,—говоритъ авторъ труда «A Hundred Years of Irish History».—Немногіе ирландцы жили среди англійскихъ переселенцевъ, но, тѣмъ не менѣе, послѣдніе быстро перенимали ирландскую культуру. Черезъ короткое время переселенцы становились ирландцами. Провинція Мёнстеръ, напр., была сплошь заселена солдатами-пуританами. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомки этихъ латниковъ Кромвеля

сражались за католическаго короля Якова II. Лучшими хранителями культуры побѣжденнаго народа являются женщины. Онѣ—великіе ассимиляторы. Точно такъ, какъ весталки поддерживали неугасимый огонь, женщины побѣжденнаго народа блюдутъ неугасимую лампаду его духа... Мы видѣли, что наступательный націонализмъ замѣтилъ опасность, грозящую усмирителямъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Въ царствованіе Эдуарда III (XIV вѣка) изданъ былъ законъ, въ силу котораго каждый англичанинъ, женившійся на ирландкѣ, подлежалъ мучительной карѣ: ему живому выпускали внутренности, а затѣмъ вѣшали. Имущество же его поступало въ казну. Но и этотъ свирѣпый законъ не остановилъ процесса ассимиляціи. Кромвелевскіе офицеры подали лорду - протектору петицію, въ которой говорятъ, что потомки англичанъ, явившихся при Елизаветѣ завоевывать островъ, «поирландились до такой степени, что впали въ идолопоклонство» (т.-е. стали католиками). Въ ирландскомъ возстаніи 1641 года принимали участіе многіе потомки англійскихъ усмирителей. Я упомянулъ уже выше про знаменитаго поэта елизаветинской эпохи Спенсера, воспитавшаго усмирителя Ирландіи лорда Грѣя-де-Уильтона. Внуку Спенсера былъ арестованъ Кромвелемъ и казнень, какъ ирландецъ и папистъ. Кромвель поселилъ въ Ирландіи своихъ солдатъ въ 1650 году. Въ 1690 году намѣстникъ доносилъ въ Лондонъ, что «многіе потомки солдатъ-пуританъ не знаютъ уже ни слова по-англійски». Перваго іюля 1690 года въ трехъ миляхъ отъ Дрохеды на берегахъ Войны произошла знаменитая битва между ирландцами, поддерживавшими Якова II, и войсками Вильгельма III. Эта битва, кончившаяся страшнымъ пораженіемъ папистовъ, до сихъ поръ является боевымъ кличемъ оранжистовъ. Многіе солдаты изъ арміи побѣдителя получили земли и остались въ Ольстерѣ. Черезъ семь лѣтъ намѣстникъ доносилъ, что эти засельщики «начинаютъ забывать англійскій языкъ и впадаютъ въ папизмъ».

Такимъ образомъ мы видимъ слѣдующее. Англійское правительство, преслѣдуя политику наступательнаго націонализма, хотѣло или обратить ирландцевъ въ протестантство, «обангличанинть» или истребить расу. И, несмотря на то, что правительство не останавливалось рѣшительно ни передъ чѣмъ, пассивное сопротивленіе оборонительнаго націонализма было такъ сильно, что не только раса выжила, но даже многіе представители господ-

ствующей народности поирландились. У нихъ явились свои интересы, другіе, чѣмъ у англичанъ, но родственные ирландцамъ. При Яковѣ II возникъ ирландскій парламентъ, почти все члены котораго были католики. Такъ какъ католическая религія подвергалась въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ всевозможнымъ преслѣдованіямъ, то первымъ закономъ парламента было признаніе полной свободы совѣсти. Тотъ же парламентъ выработалъ особый законопроектъ (Act of attainder), чтобы возвратить прежнимъ владѣльцамъ земли, конфискованныя Кромвелемъ и розданныя англичанамъ. Парламентъ жилъ недолго. Въ 1690 году войска Якова II были разбиты при Бойнѣ и, такимъ образомъ, конфискованныя земли остались въ рукахъ усмирителей. Война не кончилась битвой при Бойнѣ. За нею послѣдовала осада Лимерика, завершившаяся договоромъ, который гарантировалъ религиозную свободу католикамъ, если они сложатъ оружіе. Наступательный націонализмъ вообще признаетъ, что договоры и присяги обязательны только для одной страны, а именно для подчиненной народности. Господствующая же народность не должна считать себя связанной даже самыми торжественными клятвами. Исходя изъ этого положенія, находящаго многочисленныхъ защитниковъ и теперь,—англичане безсовѣстно нарушили лимерикскій договоръ и издали для Ирландіи особый кодексъ уголовныхъ законовъ (Penal Code).

«Карательные законы были направлены противъ католической религіи, но ударъ падалъ не только на нее, но и на всю расу, исповѣдующую католичество,—говоритъ лордъ Дѣнрэйвенъ.—Законы карали не католицизмъ, бывшій религіей большинства ирландцевъ, но большинство ирландцевъ, которое исповѣдывало католицизмъ»¹⁾. Уголовный кодексъ вошелъ въ силу при Вильгельмѣ III, немедленно послѣ второй революціи. При Аннѣ и при двухъ Георгахъ къ кодексу были прибавлены еще новые суровые законы. Католикамъ воспрещено было участіе въ мѣстномъ самоуправленіи; имъ закрытъ былъ доступъ въ офицерскіе чины, въ магистратуру и адвокатскую корпорацію. Католики не могли быть судьями, присяжными, шерифами, нотаріусами, почетными членами какой-нибудь корпораціи. Право ирландцевъ заниматься торговлей было ограничено. Католикъ не могъ ни купить землю, ни получить ее въ даръ

¹⁾ Lord Dunraven, «Legacy Past Years», p. 129.

отъ протестанта, но имѣлъ право взять ее въ аренду на извѣстный срокъ. Законъ указывалъ католику, какъ онъ долженъ распорядиться въ своемъ завѣщаніи земельной собственностью. Землю надо было раздѣлить поровну между всеми сыновьями; но если старшій принималъ протестантство, то все наслѣдство доставалось ему. Каждый протестантъ донесшій на католика, неправильно владѣющаго землей, становился собственникомъ ея. Католикъ не имѣлъ права держать коня дорожке пяти ф. ст. Въ противномъ случаѣ любой протестантъ могъ взять себѣ этого коня, уплативъ владѣльцу только пять фунтовъ. Протестантка, выходящая замужъ за католика, теряла землю, если владѣла ею раньше. Бракъ католика и протестантки, заключенный только католическимъ священникомъ, недѣйствителенъ. Если жена, сынъ или дочь католика переходили въ протестантство, то мужъ или отецъ теряли надъ ними всякій контроль. Канцлеръ вмѣшивался немедленно и указывалъ, какая часть состоянія мужа или отца должна перейти къ новообращенному. Опекунами несовершеннолѣтнихъ католиковъ могли быть только протестанты. Доступъ въ среднія школы и университеты былъ закрытъ для дѣтей католиковъ. Уголовный кодексъ не ограничивалъ свободу передвиженія католиковъ, но зато воспрещалъ имъ посылать за-границу своихъ дѣтей для обученія.

Цѣлью всѣхъ этихъ законовъ было поставить католиковъ въ такое невозможное положеніе, чтобы часть ихъ умерла, другая выселилась, а остальные приняли бы протестантство. По расчетамъ наступательнаго націонализма, преслѣдуемые должны пойти въ сторону наименьшаго сопротивленія, т.-е. отказаться отъ своей народности. Но оборонительный націонализмъ нарастаетъ по мѣрѣ преслѣдованія. Даже тѣ ирландцы, которые подпали подъ вліяніе деистовъ и относились отрицательно къ обрядовой религіи, не захотѣли, когда начались преслѣдованія католицизма, перейти въ лагерь торжествующихъ, а столпились вокругъ гонимыхъ священниковъ и епископовъ. Своимъ поощреніемъ ренегатства наступательный націонализмъ заставилъ многихъ ирландскихъ дворянъ (единственные представители тогдашней интеллигенціи) эмигрировать, многіе забились въ щели; но только единицы отреклись отъ своей національности. И эти ренегаты становились наиболѣе жестокими и наиболѣе безсовѣстными насадителями политики наступательнаго націонализма.

«Безправное католическое населеніе (т.-е. массы),—говорить одинъ авторъ,—ограниченное въ средствахъ къ существованію, отрѣзанное отъ источниковъ знанія, потеряло вмѣстѣ съ независимостью самоуваженіе. Оно привыкло къ обману и хитрости, какъ къ орудіямъ борьбы за существованіе»¹⁾. Эдмундъ Бёркъ подробно описываетъ «разорившую и унижившую цѣлый народъ» ирландскую административную машину, «придуманную дьявольской хитростью человѣка».

Мы видѣли, что расчеты изобрѣтателей этой «дьявольской административной машины» не оправдались: несмотря на всѣ гоненія, ирландцы не стали англичанами. Зато получились другіе результаты. Извѣстная часть англичанъ, жившихъ въ Ирландіи, видя преслѣдованія цѣлой народности, привыкла смотрѣть на себя, какъ на высшую расу, которая должна обладать особыми исключительными правами, не признаваемыми современными демократіями. Тѣ потомки «усмирителей», которые не «поирландились», привыкли считать католиковъ низшей расой, а ихъ притязанія на общія человѣческія права—неслышанной наглостью и безпримѣрной дерзостью. Носители наступательнаго націонализма «учили протестантовъ, что они принадлежать къ высшему классу, историческая миссія котораго властвовать. Уголовный кодексъ разорилъ католиковъ и деморализовалъ протестантовъ»²⁾.

«Въ Ирландіи судьба поставила рядомъ два народа, разные по языку, происхожденію, традиціямъ, религіи и симпатіямъ,—говорить Лекки въ упомянутой уже книгѣ «Leaders of Public Opinion in Ireland».—И уголовный кодексъ сдѣлалъ все, чтобы вырыть глубже пропасть, раздѣляющую народы, и чтобы надѣлать господствующую національность пороками монополистовъ, а подчиненную національность пороками рабовъ». «Цѣлью уголовного кодекса было не только втоптать въ грязь цѣлый народъ, разорить его и вытравить изъ души его всякую предпримчивость, но также вырыть пропасть между католиками и протестантами,—говоритъ англійскій историкъ Froude.—И все это было достигнуто... Уголовный кодексъ оставилъ глубокой отпечатокъ на характерѣ народа. Наиболѣе отрицательныя черты этого характера являются прямымъ послѣдствіемъ кодекса».

¹⁾ L e c k y, «Leaders of Public Opinion in Ireland».

²⁾ L o r d D u n r a v e n, «Legacy of the Past».

Когда нормальный человек видит, что въ его присутствіи избиваютъ связанныхъ и беззащитныхъ людей, у него естественно является стремленіе остановить кулачную расправу. Если же человекъ видитъ постоянно такую расправу и спокойно относится къ ней, какъ къ явленію естественному, то это свидѣтельствуеъ уже о моральной анестезіи, хотя бы зритель и не принималъ самъ никакого участія въ избіеніи. У самаго добраго человека невольно создается тогда такая психологія: «Такихъ-то бьютъ; значитъ, они, какъ низшая раса, созданы на то, чтобы ихъ били. Меня, конечно, бить не посмѣютъ!» Помните ли вы тургеневскаго помѣщика Мардарія Аполлоновича Стегунова? То былъ добродушный старичокъ, большой хлѣбосоль. И вотъ, угощая автора «Записокъ Охотника», старичокъ сталъ прислушиваться къ звукамъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ, раздававшихся въ направленіи конюшни. Мардарій Ивановичъ поставилъ блюдечко на столъ и «произнесъ съ добрѣйшей улыбкой и какъ бы невольно вторя ударамъ:

— Чюки-чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ!» «Тамъ, по моему приказу, шалунишку наказываютъ... Васю буфетчика изволите знать?»

Добродушный помѣщикъ, видя, что бородатыхъ, иногда сѣдолодыхъ, «шалунишекъ» постоянно дерутъ на конюшнѣ, самъ приказывалъ дѣлать это, хотя, конечно, не былъ извергомъ. Передъ нами только моральная анестезія, явившаяся вслѣдствіе того, что добрый человекъ привыкъ смотрѣть на пограніе человеческой личности, какъ на нѣчто совершенно нормальное. Высокій, статный, красивый полковникъ, выведенный въ посмертномъ разсказѣ Л. Н. Толстого,—человекъ благородный, мягкій по отношенію къ дочери, которой отдалъ все. И этотъ добрый отецъ и изящный джентльмэнъ самъ распоряжался экзекуціей, когда гоняли солдата татарина за побѣгъ. И когда полковнику показалось, что одинъ изъ солдатъ, жалѣя татарина, «мажетъ» шпиритеномъ, а не бьетъ изо всей силы, онъ гнѣвно крикнулъ:

— Я тебѣ помажу! Будешь мазать? Будешь?

«И своею сильной рукой въ замшевой перчаткѣ красивый, добродушный полковникъ билъ по лицу испуганнаго слабо-сильнаго солдата за то, что онъ недостаточно сильно опустилъ

свою палку на красную спину татарина»¹⁾. Передь нами еще примѣръ моральной анестезіи вслѣдствіе того, что человѣкъ «привыкъ». Англичане считаютъ, что для удержанія Индіи необходимо приучить туземцевъ, чтобы они смотрѣли на бѣлыхъ, какъ на полубоговъ. Эта политика проводится необыкновенно прямолинейно; но чиновники-англичане, окружающіе себя въ Индіи для престижа толпой туземныхъ слугъ и требующіе отъ нихъ раболѣпной послушности,—отправляютъ своихъ дѣтей, какъ только имъ минетъ пять лѣтъ, въ Англію. Старый англичанинъ, занимавшій въ Индіи постъ губернатора, объяснилъ мнѣ, что дѣтей отсылаютъ не вслѣдствіе климата, а по совершенно иной причинѣ.

«Мы, требуя раболѣпія, знаемъ, что это необходимо для удержанія Индіи. У насъ ни разу не зарождается мысль, что мы—выше индусовъ. Наши же дѣти, видя отношеніе къ нимъ туземной прислуги, могутъ дѣйствительно счесть себя высшей расой и полубогами, а это было бы ужасно неудобно для нихъ, когда бы имъ пришлось возвратиться въ Англію. Наши дѣти и тамъ склонны были бы считать себя представителями высшей расы. Вотъ почему мы никогда не воспитываемъ нашихъ дѣтей въ Индіи»—объяснилъ мнѣ отставной губернаторъ.

Политика наступательнаго націонализма, лишая преслѣдуемую народность элементарныхъ человѣческихъ правъ, развращаетъ не только ту часть населенія, которая является исполнителями воинственной политики, но и тѣхъ, которые остаются лишь простыми зрителями. Созерцаніе безправія порождаетъ моральную анестезію. Въ особенности это относится къ подростающему поколѣнію. Между прочимъ, въ этомъ убѣдились англичане въ Ирландіи.

IV.

Мнѣ не разъ приходилось писать о прошлыхъ бѣдствіяхъ ирландскаго народа, поэтому не стану повторять здѣсь, какъ Англія систематически душила промышленность Эрина. Моей задачей является схема нарастанія и ослабленія *наступатель-*

¹⁾ Л. Н. Толстой, «Посмертныя художественныя произведенія». Т. I, стр. 76 (Берлинъ, 1912).

наго націоналізма. Проводя его послѣдовательно, можно добиться, что національности въ данномъ государствѣ, или въ одной только провинціи, будутъ держаться обособленно, какъ масло и вода въ стаканѣ. Можно добиться того, что подчиненная національность будетъ разорена, унижена и озлоблена, а у господствующей появится полная моральная анестезія. Наступательный націоналізмъ можетъ разрѣшить далѣе себѣ такую роскошь, какъ мобилизація всей администраціи и суда съ цѣлью запрещенія подчиненной національности писать свои имена такъ, а не иначе. Уголовный кодексъ запрещалъ, между прочимъ, ирландцамъ прибавлять къ своей фамиліи префиксъ О'. Такимъ образомъ, О'Доннель, О'Брайенъ, О'Конноръ превратились просто въ Доннеля, Брайена и Коннора. Зачѣмъ это понадобилось? Передъ нами одно изъ проявленій политическаго озорства, въ которое неизмѣнно вырождается наступательный націоналізмъ. «Ирландцы любятъ прибавлять префиксъ О' къ своей фамиліи, *поэтому* именно надо запретить», разсуждали администраторы, проводившіе политику наступательнаго націоналізма. Итакъ, наступательный націоналізмъ въ состояніи вогнать клинъ между національностями, имѣющими общую родину. Но экономическая жизнь каждаго государства до такой степени сложна, что преслѣдованія одной части населенія отражаются и на другой. Наступательный націоналізмъ хотѣлъ только разорить ирландцевъ, а политика его отразилась на интересахъ и господствующей народности. Общность экономическихъ интересовъ заставила многихъ англичанъ, жившихъ въ Ирландіи, соединиться съ кореннымъ населеніемъ. «Протестанты соединяются съ папистами,—вопилъ въ XVIII вѣкѣ архіепископъ Бетлеръ.

— Прощай теперь англійскіе интересы!

Отъ преслѣдованія папистовъ такъ страдали протестанты, что ирландскій парламентъ, состоявшій только изъ протестантовъ, началъ отмѣнять многіе законы уголовного кодекса.

Знаменитый ирландскій государственный дѣятель Генри Граттанъ (протестантъ), доказывая въ 1780 году необходимость восстановленія полномочнаго парламента, въ которомъ участвовали бы выборные отъ *всего* населенія,—сказалъ: «Великобританія никогда не будетъ великой націей, покуда въ одномъ изъ соединенныхъ королевствъ существуетъ уголовный кодексъ съ несправедливыми законами. Нація не можетъ быть сильна.

если часть ея лишена политическихъ правъ. Моимъ идеаломъ является благоденствіе не одной лишь протестантской колоніи въ Ирландіи, но всей націи». Мы видѣли, что парламентъ существовалъ въ Ирландіи уже много вѣковъ назадъ; но англійское правительство пользовалось каждымъ предлогомъ, чтобы ограничить его полномочія. Мы видѣли, какъ ирландскій парламентъ былъ «разъясненъ» намѣстникомъ Пойнингсомъ въ томъ смыслѣ, что изъ законодательнаго собранія превратился въ законосовѣщательное. Парламентъ могъ обсуждать только законы, предложенные вице-королемъ и одобренные Тайнымъ совѣтомъ въ Англии. Впослѣдствіи, впрочемъ, ирландскому парламенту предоставлено было право намѣчать проекты биллей («Heads of bills», по тогдашней терминологіи); ихъ отправляли тогда въ Англию, разрабатывали тамъ, если это находили удобнымъ и возвращали. Англійскій парламентъ предъявлялъ также требованіе на право вырабатывать законы для Ирландіи, отрицавшей это право. При Георгѣ I (въ 1718 году) это верховное право англійскаго парламента было признано особымъ статутомъ. Администрація подбирала ирландскій парламентъ по своему желанію. Верховная палата состояла вся изъ лордовъ, находившихся на жалованіи у правительства. Одна треть коммунеровъ получала субсидіи и пенсіи отъ правительства или ждала доходныхъ мѣстъ. Эти депутаты, конечно, дѣлали то, что приказывала администрація, «the castle» (коллективное названіе правительственной машины въ Ирландіи). «И все это было! И все это не ново»,—говоритъ знающій исторію наступательнаго націонализма въ Ирландіи, когда читаетъ про выборные эксперименты русскихъ администраторовъ. Развѣ только политическаго озорства подпущено больше, чѣмъ въ Ирландіи въ XVIII в. Да, впрочемъ, врядъ ли.

Въ 1782 году англійское правительство въ моментъ просвѣтлѣнія, убѣдившись, что политика наступательнаго націонализма сѣетъ только вихрь, возвратила ирландскому парламенту его прежнія права. Возрожденный или граттановскій парламентъ явился результатомъ сознанія, что наступательный націонализмъ причиняетъ вредъ и господствующей народности. Первый законъ новаго парламента отмѣнялъ наказаніе за служеніе мессы по католическому обряду. Затѣмъ парламентъ, состоявшій только изъ протестантовъ, послѣдовательно сталъ отмѣнять уголовный кодексъ. Въ сомнѣнія, что протестанты,

предоставленные себѣ, даровали бы равноправность своимъ католическимъ согражданамъ. Мы видимъ тутъ опять примѣръ того, какъ разныя національности, поселившіяся въ одномъ мѣстѣ и предоставленныя себѣ, стремятся образовать этническую амальгаму, вырабатывающую общую культуру, какъ это уже не разъ бывало въ исторіи и какъ это на нашихъ глазахъ происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Ирландія вздохнула полной грудью во время существованія граттановскаго парламента. Промышленность начала быстро возрождаться, а зіяющія раны стали заживать. Но тутъ начался протестъ противъ «негодной, тошнотворной и недостойной политики приниженія». Политика наступательнаго націонализма принесла свои плоды въ Ирландіи. Въ Ольстерѣ были потомки «усмирителей», черезъ посредство которыхъ правительство проводило свою политику наступательнаго націонализма. Они кормились отъ нея. Уравненіе всего населенія въ правахъ означало бы уничтоженіе доходныхъ мѣстъ съ жирными говядами у протестантскихъ приходовъ, содержимыхъ на счетъ католиковъ. Я не говорю уже объ экономическихъ соображеніяхъ въ родѣ опасенія, что парламентъ, въ которомъ ирландцы составляютъ большинство, отниметъ у помѣщиковъ землю. Затѣмъ въ Ольстерѣ были потомки «усмирителей», морально отравленные систематическимъ проведеніемъ политики наступательнаго націонализма. Они привыкли считать себя высшей расой, «ирландцевъ—низшей національностью, каждому представителю которой отпущено при рожденіи двойная доза первороднаго грѣха». Въ представленіи этихъ протестантовъ ирландцы—«проклятые Богомъ паписты» и «идолопоклонники», которыхъ надо вколотить въ лояльность. «Непримиримые» много кричали про свою преданность протестантской религіи и королю; но лояльность они понимаютъ нѣсколько своеобразно. Правда, какъ въ XVIII вѣкѣ, такъ и теперь, ольстерскіе лоялисты каждое засѣданіе начинаютъ пѣніемъ:

God save our gracious King,
God save our noble King.

Но «лоялисты» каждый разъ грозятъ мятежомъ, если король поступаетъ не согласно ихъ желаніямъ. Въ 1795 году возникло въ Ольстерѣ патріотическое общество оранжистовъ, перво-

образъ не одного монархическаго союза, но только болѣе культурный и неизмѣримо болѣе чистоплотный. Оранжесты имѣютъ цѣлью защиту своихъ интересовъ и «поддержку короля, доколѣ онъ охраняетъ протестантство». Оранжесты, собственно говоря, составляютъ тайную организацію. Въ нее входили даже боевыя дружины—«Reer-o-Day, Boys», устраивавшія не разъ католикамъ погромъ. Общество насчитываетъ теперь до 125.000 со-членовъ¹⁾. И теперь, какъ раньше, новые члены принимаются лишь послѣ тайнаго испытанія. Въ силу странной абераціи, создаваемой только политикой наступательнаго націонализма, оранжесты, составляющіе сами тайную организацію, обличаютъ ирландскую ложу Ancient Orden of Hibernians, представляющую собою теперь только дружественное общество.

«Лоялисты» начали усиленно агитировать противъ примиренія и за продолженіе политики наступательнаго націонализма. Въ 1801 году ирландскій парламентъ, несмотря на протесты меньшинства, голосовалъ за свое собственное уничтоженіе, за унію. Она явилась результатомъ одного изъ самыхъ безстыдныхъ и откровенныхъ подкуповъ въ исторіи. Въ «Home Rule Handbook» (стр. 252—257) мы находимъ полный списокъ коммюнеровъ и лордовъ, продавшихъ граттановскій парламентъ. Тутъ отмѣчены точныя цифры, полученныя каждымъ за измѣну. Въ списокѣ этомъ 140 человекъ. Всѣ они и ихъ потомки явились носителями «наступательнаго націонализма», доведшаго Ирландію до отчаяннаго положенія. Вотъ что говоритъ въ книгѣ «Contemporary Ireland» авторъ ея, посѣтившій провинцію, гдѣ въ теченіе ста лѣтъ политика наступательнаго націонализма проводилась безъ всякихъ колебаній. «Заглянемъ въ деревню... Передъ нами новая церковь и школа съ черной вывѣской. Это—единственныя зданія, къ которымъ слово «домъ» примѣнимо. Кромѣ нихъ, въ деревнѣ еще около пятидесяти хибарокъ, построенныхъ по одному образцу. Онѣ состоятъ изъ низкихъ, нѣкогда выбѣленныхъ, а теперь покрытыхъ плѣсенью стѣнъ и соломенныхъ крышъ. Гдѣ возможно, хибарка построена на скалѣ, чтобы такимъ образомъ имѣть готовый полъ. Иногда, чтобы упростить постройку, мурья стоитъ прислоненной къ

1) «Home Rule Handbook.» London. 1912. Стр. 165.

скаль, которая въ такомъ случаѣ образуетъ четвертую стѣну. У дверей—неизмѣнная яма съ жидкимъ удобреніемъ, являющаяся вѣчнымъ очагомъ заразы. Въ коттеджѣ такъ темно, что, несмотря на горящій въ очагѣ торфъ, трудно разсмотрѣть что-нибудь. Одинъ уголь огороженъ и служитъ постелью, въ другомъ, за досчатой перегородкой, жуетъ корова или хрюкаетъ черная свинья. Въ деревнѣ есть лучшіе коттеджи, но есть и худшіе ¹⁾. Я видѣлъ, напримѣръ, мурьи, состоящія изъ одной комнаты, безъ оконъ и безъ трубы. Въ одномъ приходѣ въ Роскоммонѣ священникъ сказалъ мнѣ, что въ 900 избахъ изъ 1.100 крестьяне живутъ подь одной крышей вмѣстѣ со скотомъ. Къ мурьямъ прилегаютъ клочки земли. Тутъ прямо невѣроятная череполосица. Лютой нищетой вѣетъ отъ этихъ полосокъ, наполовину затопленныхъ водою, окруженныхъ каменной изгородью. Чтобы бороться съ болотной водою, всюду прокопаны канавы, шириною въ ярдъ, окаймленные валами вычерпнутой грязи. Надо ли говорить, что тутъ невозможна сколько-нибудь разумная форма земледѣлія. Голодъ схватилъ крестьянина за глотку и заставляетъ его конвульсивно биться. Землю обрабатываютъ заступомъ. Удобреніемъ, если ферма находится недалеко отъ моря, служатъ водоросли. Если мы, согласно ученію экономистовъ, опредѣлимъ ренту, какъ часть дохода, остающуюся послѣ того, какъ земледѣлецъ получить свою справедливую прибыль, то эта земля не дастъ ренты. А между тѣмъ помѣщикъ за это болото беретъ у фермера отъ 5 шил. до 1 ф. ст. за акръ въ годъ. Очень часто ирландскіе крестьяне за аренду болота въ Коннотѣ платятъ больше помѣщику, чѣмъ фермеры протестанты за пользованіе хорошей землей въ Ольстерѣ. Прибавлю еще, что за копаніе торфа помѣщикъ беретъ особую плату. На берегу моря помѣщикъ беретъ дополнительную плату за разрѣшеніе собирать водоросли, выброшенные волнами».

¹⁾ Послѣ 1897 года, т.-е. послѣ того, какъ Ирландія получила полное мѣстное самоуправленіе, а въ особенности послѣ ряда законовъ объ улучшеніи жилищъ, все сказанное выше стало достояніемъ исторіи. Графскіе и городскіе совѣты въ Ирландіи, опираясь на законъ, заставили помѣщиковъ срыть мурьи и выстроить здоровые коттеджи. Послѣ закона о выкупѣ всей земли въ Ирландіи видъ деревень совершенно тамъ измѣнился.

V.

Мнѣ не разъ приходилось говорить про судьбу Ирландіи въ XIX вѣкѣ¹⁾. Я уже выяснялъ, какъ сдѣланы были тогда попытки, имѣвшія цѣлью замирить Ирландію при помощи отмѣны конституціонныхъ гарантій и введенія исключительныхъ законовъ, и какъ примѣненіе «coercion acts» вызвало конвульсивныя содроганія, подобныя революціонному движенію сороковыхъ годовъ, феніанству въ шестидесятихъ годахъ и аграрнымъ бурямъ восьмидесятихъ годовъ. Мы видѣли уже, что аграрный вопросъ въ Ирландіи созданъ англичанами много вѣковъ назадъ путемъ конфискаціи общинныхъ земель. И, когда во второй половинѣ XIX вѣка земельный вопросъ особенно обострился влѣдствіе того, что рента страшно поднялась, ирландскіе помѣщики (читатели помнятъ, вѣроятно, еще ихъ происхожденіе) не нашли другого разрѣшенія, кромѣ изгнаній фермеровъ-недоимщиковъ при помощи жандармовъ и солдатъ, присланныхъ правительствомъ. Аграрныя преступленія, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, составленной Чарльсомъ Бекстономъ, возрастали прямо пропорціонально изгнаніямъ фермеровъ.

Въ 1877 году было изгнаній	463,	аграрныхъ преступленій	236
1878 » » »	980	» » »	301
1879 » » »	1.238	» » »	863
1880 » » »	2.110	» » »	2.590 ²⁾

Поддержка помѣщиковъ при изгнаніи фермеровъ-неплательщиковъ ужасно дорого обходилась правительству и плательщикамъ налоговъ. Членъ парламента Вильямъ Деффи вычислилъ, сколько израсходовано отъ 1879 до 1893 года на то, чтобы помогать только одному помѣщику. «Изъ вотчины Кланрикарда, въ графствѣ Голуэй, за этотъ періодъ прогнано 238 семействъ, т. е. около 1.500 душъ. Обошлось это вотъ во сколько: 1) содержаніе полиціи, производившей изгнаніе—3.199 ф. ст. 6 шил.

¹⁾ «Ирландскій ледоходъ» (см. Діонео, «Англійскіе силуэты»); «Смѣна теченій» (Діонео, «Очерки современной Англій»); «Страница изъ исторіи Ирландіи» (Діонео, «На темы о свободѣ»).

²⁾ С. R. Вухтен, «Home Rule Handbook», стр. 59.

4 пенса; 2) доставка, содержаніе и защита новыхъ фермеровъ—14.225 ф. ст. 8 ш. 6 п.; 3) стоимость судебныхъ преслѣдованій, порожденныхъ изгнаніями—2.902 ф. ст. 18 ш. 11 пенсовъ; 4) арестъ обвиняемыхъ и доставка ихъ—279 ф. ст. 7 ш.; 5) содержаніе осужденныхъ въ тюрьмѣ—2.013 ф. ст. 13 ш. 3 п.; 6) вознагражденіе пострадавшимъ полисменамъ и агентамъ (blood money)—4.600 ф. ст.; 7) содержаніе въ рабочемъ домѣ дѣтей и женъ изгнанныхъ фермеровъ—283 ф. ст. 15 шил. Такимъ образомъ, на безжалостное ¹⁾ изгнаніе фермеровъ, не могущихъ платить ренту благородному лорду, который не живетъ въ Ирландіи, израсходовано 27.895 ф. ст. 7 шил.» ²⁾).

Правительство, наконецъ убѣдившись, что политика наступательнаго націонализма порождаетъ только невѣроятное озлобленіе страны и разореніе ея, отказалось отъ него. Сперва ирландцы были уравнены въ правахъ съ господствующей національностью, потомъ они получили самое широкое мѣстное самоуправленіе. Затѣмъ былъ произведенъ грандіозный вы-

¹⁾ Слово «безжалостное» не является только риторической фигурой. Вотъ, напр., какъ описываетъ протестантскій священникъ Urquhart изгнаніе, которое онъ наблюдалъ въ 1886 году. «Сегодня утромъ пятьдесятъ полицейскихъ отправились изъ Килларнея, чтобы привести въ исполненіе постановленіе о двухъ изгнаніяхъ. Дѣйствіе происходило въ 8 миляхъ отъ города, въ глухой деревнѣ Каппа, у подножья Мангертонской горы. У фермера Патрика О'Лири, котораго изгнали первымъ, девять дѣтей, большею частью все малолѣтки. Жена фермера имѣетъ грудного младенца. Зрѣлище надрывало сердце. Мать и дѣти горько плакали, прося не выгонять ихъ, но бэйлифъ (приставъ) сказалъ, что управляющій наказалъ ему ни въ коемъ случаѣ не позволять, чтобы фермеръ даже переночевалъ. Тяжелая сцена стала еще мрачнѣе оттого, что все время шелъ проливной дождь. Чтобы укрыться отъ него, босоногія дѣти фермера забрались въ канаву, окаймляющую дорогу. Затѣмъ выгнали изъ коттеджа фермера по имени Тимъ Луни. И здѣсь произошла такая же тяжелая сцена, какую я описалъ. У Луни семеро дѣтей, жена да еще восьмидесятилѣтній отецъ, который только при помощи полицейскихъ могъ выползти на костыляхъ изъ мурьи. Чтобы укрыться отъ дождя, фермеръ тутъ же сложилъ на краю дороги для своихъ дѣтей и старика отца подобіе шалаша». (Rev. J. Urquhart, «The Story of Ireland», 1886, стр. 23). Большинство ирландскихъ революціонеровъ и террористовъ были дѣти изгнанныхъ фермеровъ. Покойный ирландецъ-коммонеръ Майкель Дэвиль черезъ пятьдесятъ лѣтъ съ ужасомъ вспоминалъ тотъ день, когда маленькимъ ребенкомъ стоялъ возлѣ плачущей матери у порога коттеджа, изъ котораго помѣщикъ ихъ выгналъ.

²⁾ «Glasgow Herald», March 16, 1907.

купъ земли (операція еще не завершена). И, наконецъ, наступило время сдѣлать послѣдній шагъ для того, чтобы загладить историческія преступленія: пришла пора предоставить самимъ ирландцамъ рѣшеніе собственной судьбы, т.-е. созрѣлъ вопросъ о гомрулѣ. Отъ политики наступательнаго націонализма отказались сперва радикалы, а потомъ консерваторы. Интенсивность страстей, порожденныхъ въ Англіи наступательными націоналистами, выцвѣтала послѣдовательно, какъ яркая, но не прочная окраска ткани, оставленной на солнцепекѣ. Въ 1886 году намѣреніе Гладстона дать ирландцамъ гомруль повело къ расколу въ рядахъ либеральной партіи. Много лѣтъ подрядъ консерваторы не знали лучшаго боевого клича противъ либераловъ, какъ: «Радикалы желаютъ разрѣзать національный флагъ!» (т.-е. желаютъ дать Ирландіи самоуправленіе). Въ 1895 году либералы были на десять лѣтъ отодвинуты отъ власти. Причиной отчасти былъ гомруль. Въ тѣ годы достаточно было консерваторамъ крикнуть: «измѣна!», чтобы многіе гладстоніанцы немедленно отреклись отъ гомруля. «Либералы хотятъ отдать Ирландію папѣ». Это считалось вполне убѣдительнымъ аргументомъ противъ радикаловъ на выборахъ. И вотъ происходитъ процессъ постепеннаго умиранія наступательнаго націонализма. Юніонисты, выступавшіе противъ гомруля, начинаютъ приходить къ заключенію, что это единственный способъ помирить двѣ національности, которыя политика наступательнаго націонализма сдѣлала врагами; что гомруль и совмѣстная для общей родины работа католиковъ и протестантовъ, живущихъ въ Ирландіи, успокоятъ «ощетинившійся» оборонительный націонализмъ. Объ одномъ изъ этихъ юніонистовъ, о лордѣ Денрэйвенѣ, читатели уже знаютъ. Его книга нѣсколько разъ цитирована въ этой главѣ. Теперь, кромѣ лорда Денрэйвена, мы имѣемъ въ Англіи много юніонистовъ, явно отрекшихся отъ политики наступательнаго націонализма и выступившихъ въ защиту «деволюціи». Таковъ, напримѣръ, знаменитый джинго сэръ Артуръ Конанъ-Дойль, котораго въ Россіи знаютъ, какъ автора *Шерлока Хольмса*. Онъ считается однимъ изъ наиболѣе видныхъ и талантливыхъ защитниковъ имперіализма. Сэръ Артуръ былъ противъ самоуправленія Ирландіи, а теперь смѣло заявляетъ, что жизнь его переубѣдила и что онъ, продолжая быть юніонистомъ, сталъ гомрулеромъ. «Меня убѣдилъ успѣхъ самоуправленія въ Южной Африкѣ,—пишетъ Конанъ-Дойль.

Національная вражда въ Ирландіи ничтожна въ сравненіи съ той бурной ненавистью, которую питали другъ къ другу бургеры и англичане послѣ войны». Сэра Артура поразило, что самоуправленіе, дарованное завоеваннымъ республикамъ, уничтожило національную рознь. Главнокомандующій союзными войсками противъ Англій (генераль Бота) сталъ премьеромъ лояльнаго парламента. Надо дать отдѣльный парламентъ Ирландіи, чтобы сдѣлать націю лояльной не за страхъ, а за совѣсть и, такимъ образомъ, скрѣпить имперію на случай европейскаго Армагеддона, т.-е. общей войны,—говоритъ сэръ Артуръ.— Политика наступательнаго націонализма, озлобляя подчиненныя народности, является на руку непріятелямъ. Примиреніе всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ имперіи, въ тысячу разъ лучше охраняетъ ее отъ непріятеля, чѣмъ новые армейскіе корпусы или новые *дрэдноуты*,—говоритъ тотъ же авторъ¹⁾.

Затѣмъ мы видимъ въ рядахъ обращенныхъ юніонистовъ знаменитаго юриста (по мнѣнію англичанъ, онъ даже «the most eminent living jurist») сэра Фредерика Поллока, являющагося большимъ авторитетомъ по вопросамъ конституціоннымъ. И теперь сэръ Фредерикъ, указавъ, что онъ юніонистъ, какъ 25 л. назадъ, объявляетъ себя сторонникомъ гомруля. «Четверть вѣка я все ждалъ, что бюрократическая машина въ Ирландіи измѣнится; но все осталось попрежнему, и я усталъ ждать. Я ждалъ также реформы, которая передала бы какому-нибудь институту въ Ирландіи мѣстныя дѣла и облегчила бы такимъ образомъ трудъ британскаго парламента, но тоже не дождался. Быть можетъ, есть что-нибудь лучшее, чѣмъ гомруль, но я не знаю... Гомруль *долженъ* притти»²⁾. На-дняхъ только появился «манифестъ», подписанный такими выдающимися юніонистами, какъ Конанъ-Дойль, Джозефъ Хокинъ, Эдуардъ Дженксъ, лордъ Пирри, сэръ Фредерикъ Поллокъ, Тонмэнъ Мосли и др. «Мы, нижеподписавшіеся, бывшіе противъ гладстоновскаго билля о гомрулѣ, пришли теперь къ заключенію, что единственнымъ средствомъ для устраненія опасности, грозящей имперіи вслѣдствіе ненормальныхъ отношеній между Англіей и Ирландіей, является какая-нибудь форма самоуправления для послѣдней,—гласитъ «манифестъ».—Продолжительный опытъ убѣдилъ насъ,

¹⁾ «Home Rule Notes», December 9, 1911.

²⁾ *Ib.*, April 6, 1912.

что громадная, дорога обходящаяся и дающая широкой просторъ для произвола административная машина въ Ирландіи должна быть радикально исправлена вѣ зависимости отъ партійной политики въ Англіи. Мы пришли также къ заключенію, что билль о гомрулѣ, разсматриваемый теперь парламентомъ—хорошая и честная реформа, а потому долженъ стать закономъ».

Таково мнѣніе явныхъ гомрулеровъ-юніонистовъ; но ни для кого не секретъ, что рядомъ съ ними въ консервативной партіи есть *тайные* гомрулеры, не рѣшающіеся высказаться открыто въ силу чисто партійныхъ соображеній. Что касается до населенія Англіи, то вопросъ о гомрулѣ для него пересталъ быть острымъ. Въ Англіи очень мало теперь сторонниковъ политики наступательнаго націонализма. Англичане, хотя и мало знаютъ про то, что дѣлается на континентѣ, но достаточно освѣдомлены о результатахъ, полученныхъ въ государствахъ, проводящихъ ту же политику, отъ которой отказалась Англія послѣ многолѣтняго печальнаго опыта. На дополнительныхъ выборахъ консерваторы нападали на правительство за все, но только не за гомруль. Населеніе Англіи пришло къ заключенію, что гомруль необходимъ; но не такъ думаютъ многіе потомки «усмирителей» Ирландіи. Сцены, происшедшія въ Ольстерѣ въ концѣ сентября 1913 года, напомнили мнѣ классическій мифъ. Когда Кадмъ, сынъ Агенора и Телефассы, убилъ дракона, то посѣялъ зубы его, изъ которыхъ выросли злобные, вооруженные съ головы до ногъ спарты. Кадмъ бросилъ въ нихъ камень, и спарты перебили другъ друга. Мысль о томъ, что посѣянное зло даетъ обильные всходы, разработана и въ мифѣ о Тезеѣ. Политика наступательнаго націонализма тоже посѣяла въ Ольстерѣ «драконовы зубы», которые взошли теперь не въ видѣ «спартовъ», а оранжистовъ, грозящихъ правительству бунтомъ. Какъ личинки жука рогача-оленя, «драконовы зубы» могутъ много лѣтъ лежать подъ землей, покуда выберутся на поверхность. «Спарты», выросшіе изъ «драконовыхъ зубовъ», т.-е. изъ ошибочной политики, вопять теперь: «Если дадите низшей расѣ парламентъ, мы пойдемъ противъ него войной». «Спарты» кричатъ о религіозной нетерпимости «папистовъ» и, чтобы доказать должно быть свою собственную толерантность, устраиваютъ въ Бельфастѣ католикамъ погромъ. На патріотическихъ митингахъ оранжистовъ хоромъ исполняютъ свирѣпыя пѣсни, сложенные въ XVII вѣкѣ солдатами Кромвеля и Вильгельма III.

Такова, на примѣръ, знаменитая пѣсня про Холмъ Долли, у котораго католики были разбиты при Кромвелѣ. Припѣвъ ея таковъ:

The Tune we Played
Was—«Kick the Pope.
Right over
Dolly's brae»

(т.-е. «Напѣвъ, который мы играли тогда, былъ: Швырни папу прямо черезъ Холмъ Долли»).

VI.

Много вѣковъ тому назадъ жители четырехъ кантоновъ собрались въ долинѣ Рютли, чтобы тамъ клятвою подтвердить свой союзъ. При слабомъ мерцаніи разсвѣта всѣ собравшіеся повторяли вслѣдъ за Рессельмономъ: «Отнынѣ будемъ мы народомъ братьевъ, ни въ горѣ, ни въ бѣдѣ не разлучимся. Свободны будемъ мы, какъ наши дѣды! Ужъ лучше умереть, чѣмъ жить въ неволѣ» («Вильгельмъ Телль», дѣйствіе II, сц. II).

Ольстерскіе «спарты», выросшіе изъ драконовыхъ зубовъ, видя, что англичане совершенно спокойно относятся къ вопросу о гомрулѣ, т.-е. къ окончательной и безповоротной ликвидаціи политики наступательнаго націонализма, тоже рѣшили послѣдовать примѣру жителей четырехъ кантоновъ. Рессельмонъ—сэръ Эдуардъ Карсонъ приказалъ созвать въ Бельфастѣ всѣхъ спартовъ, чтобы тамъ подписать клятвенный уговоръ.

«Eher den Tod, als in der Knechtschaft leben»,

— клялись швейцарцы.

«Лучше бунтъ, чѣмъ гомруль!»—заявили спарты. Они не противъ самоуправленія вообще, но противъ того, чтобы во главѣ будущаго парламента стояли ирландцы, эти «измѣнники», «бунтовщики», «суевѣрные паписты» и «извѣчные враги Англии». Другими словами, ольстерцы желали бы имѣть такой парламентъ, въ которомъ они имѣли бы всегда верхъ, несмотря на то, что составляютъ только 25% всего населенія.

Мельхталъ, Баумгартенъ, Винкельридъ, Рессельмонъ и др.,

когда пробирались горными тропинками въ долину Рютли, заботились о томъ, чтобы ихъ не замѣтили. Ольстерцы прибыли въ Бельфасть въ поѣздахъ, украшенныхъ флагами, при звукѣ музыки и трескѣ холостыхъ выстрѣловъ. Когда же Рессельмонъ—Карсонъ первый сталъ подписывать клятвенный уговоръ, то всю сцену освѣтили специально поставленными электрическими фонарями, чтобы воспроизвести ее въ кинематографѣ.

— Я ѣду въ Ирландію, чтобы нарушить тамъ всѣ законы!— крикнулъ сэръ Эдуардъ Карсонъ на митингѣ знатныхъ дамъ въ Лондонѣ.—Пусть правительство сдѣлаетъ со мною что хочетъ. Я не боюсь этого жалкаго, презрѣннаго сброда оппортунистовъ, сидящихъ теперь въ парламентѣ!

Прежде, чѣмъ спарты подписали клятвенный уговоръ, они объѣзжали съ большой помпой нѣкоторые города Ольстера.

«Прибытіе въ Портдаунъ поѣзда съ «генераломъ» Карсономъ было привѣтствовано криками и трескомъ хлопушекъ,—телеграфируетъ корреспондентъ «Westminster Gazette.»—На платформѣ собрались члены юніонистскихъ клубовъ и ложъ оранжистовъ. Тутъ же стоялъ «почетный караулъ» изъ оранжистовъ въ полувоенномъ платьѣ. Сэра Эдуарда Карсона встрѣтили салютомъ и пѣніемъ національнаго гимна. «Генералу» поднесли адреса. Онъ выразилъ увѣренность, что ольстерцы, «когда придетъ часъ», принесутъ всякія жертвы. «Сэръ Эдуардъ затѣмъ устроилъ смотръ почетному караулу и, сопровождаемый оранжистами и ольстерцами, оставилъ станцію. Карету, въ которую сѣлъ Карсонъ, сопровождалъ почетный вооруженный конвой. То были помѣщики и фермеры». Въ процессіи участвовали даже «двѣ большія пушки» и отрядъ сестеръ милосердія съ красными крестами на груди. Знамена и хоругви съ патріотическими надписями, конечно, ужъ не въ счетъ. Когда въ парламентѣ потомъ былъ поднятъ вопросъ о законности такого отряда съ ружьями и пушками, министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ, что англичане имѣютъ право во время манифестаціи одѣвать полувоенный мундиръ и маршировать, если это имъ угодно. Что же касается ружей и пушекъ, то они были *деревянныя*, *бу-тафорскія*.

Этотъ отвѣтъ даетъ намъ точное представленіе о значеніи «Ольстерскаго мятежа». Это революція, организованная искусными режиссерами для кинематографа. Изъ Портдауна «генералъ» отправился въ Эннискилленъ, городокъ, извѣстный въ исторіи

Ирландіи. Здѣсь протестанты когда-то одержали побѣду надъ католиками. И въ этомъ городкѣ повторились такія же сцены, какъ въ Портдаунѣ. «Гомруль—наиболѣе зловѣщее посягательство на наши исконныя права,—сказалъ здѣсь сэръ Эдуардъ Карсонъ.—Хотите ли вы, чтобы ваши вожди стояли до послѣдняго за ваши вольности?»

— Да!—крикнули оранжисты.

— Борясь съ гомрулемъ, мы дѣлаемъ лишь то же, что наши предки, когда отстаивали свои права,—продолжалъ Карсонъ. Другой вождь, лордъ Хью Сесиль, чувствовалъ необходимость оправдать какъ-нибудь то, что они, лоялисты, проповѣдуютъ бунтъ. Онъ началъ длинную казуистическую рѣчь на тему: вооруженное сопротивленіе закону будетъ бунтъ, а потому страшное преступленіе, когда это дѣлаютъ другіе; но такъ какъ мы патріоты, лоялисты и защитники государственной церкви, то наше выступленіе, даже съ оружіемъ въ рукахъ противъ закона, хотя бы скрѣпленнаго подписью короля, будетъ только высшимъ проявленіемъ лояльности и патріотизма. Но ольстерцамъ скучно слушать теоретическія разсужденія. «Спарты» разошлись и собрались только тогда, когда заговорилъ Синклэръ. Тотъ сказалъ, что *все* стоящіе за гомруль—измѣнники, «купленные американскими долларами, собранными Рэдмондомъ»; что ирландцы «чуждая раса», желающая отдѣлиться отъ Англіи; что «напистовъ» надо «покропить» такъ, какъ кропили ихъ картечью при Бойнѣ. *Такія* рѣчи «спарты» понимаютъ.

Въ Ольстерѣ населеніе не сплошь протестантское ¹⁾. Въ Эннискилленѣ, гдѣ произнесъ свою рѣчь Синклэръ, большинство населенія—католики. «Генераль» Карсонъ прибылъ туда съ своей публикой. И надо отмѣтить слѣдующее. Католики, повинаясь точному приказу своихъ вождей, сидѣли смиренно по домамъ, ничѣмъ не реагируя на оскорбительныя и вызывающія рѣчи. Съ другой стороны, громилы, примкнувшіе, какъ и полагается, къ «лоялистамъ», не довольствуясь рѣчами, порывались устроить католикамъ погромъ. Такъ было, напримѣръ, въ Бельфаствѣ. «Въ то время, какъ юніонистскій клубъ маршировалъ

¹⁾ По переписи 1911 года тамъ 690.134 католика, 366.171 послѣдователь англиканской церкви, 42.566 пресвитеріанъ, 48.490 методистовъ и 52.000 послѣдователей другихъ религій и сектъ. Ольстеръ посылаетъ въ парламентъ 33 коммонера, изъ нихъ 16 гомрулеровъ.

по улицѣ, нѣкоторые сторонники его напали на дома,—телеграфируетъ корреспондентъ «Times'a»,—кое-какіе дома католиковъ были разгромлены, а имущество разграблено». («Times», September 19, 1913).

И вотъ, наконецъ, состоялась «клятва въ долині Рютли». Въ Бельфастѣ «спарты» подписали документъ, украшенный въ лѣвомъ углу окровавленной рукой, поднятой вверхъ.

«Держась по чистой совѣсти убѣжденія, что гомруль будетъ гибеленъ для благосостоянія какъ Ольстера, такъ и всей Ирландіи; что онъ разрушитъ нашу религіозную свободу и гражданскія вольности; что онъ нанесетъ ударъ имперіи,—мы, нижеподписавшіеся ольстерцы, вѣрные подданные всемилостивѣйшаго короля нашего Георга V, уповая на Милосердаго Бога, поддерживавшаго нашихъ предковъ въ трудные дни, симъ клятвеннымъ уговоромъ обѣщаемся въ эту годину бѣдствія стоять другъ за друга, защищать наши права и наше положеніе въ имперіи. Мы обѣщаемся употребить все необходимыя средства, дабы сокрушить существующій заговоръ съ цѣлью насажденія въ Ирландіи отдѣльнаго парламента.

«И если такой парламентъ будетъ введенъ вопреки нашему желанію, мы клятвенно обѣщаемся, что откажемся признать авторитетъ новаго законодательнаго собранія. Уповая, что Господь защититъ наши права, мы скрѣпляемъ клятвенный уговоръ нашею подписью. Боже, храни короля!»

Два года большинство консервативныхъ газетъ отстаивало «деволюцію». Тогда въ «Times'ѣ», въ «Observer'ѣ» и въ «Daily Telegraph» появились статьи, доказывавшія, что самоуправленіе Ирландіи вполне совмѣстимо съ идеей имперіализма. Особенно убѣдительно доказывалъ это Гарвинъ въ «Observer'ѣ». Теперь тѣ же газеты изъ-за партійныхъ соображеній привѣтствовали «клятвенный уговоръ». Гарвинъ сталъ доказывать немедленно, что ольстерцамъ нечего бояться, такъ какъ правительство не посмѣетъ ихъ преслѣдовать. «Первый арестъ ольстерскаго вождя, первая конфискація имущества ольстерца, отказавшагося платить налоги, первый выстрѣлъ, отъ котораго падетъ хоть бы одинъ лоялистъ, не только превратятъ гомруль въ отвратительную карикатуру, но вызовутъ такія сцены, въ Лондонѣ близъ парламента, какихъ тамъ никогда не бывало»¹⁾. Черезъ недѣлю

¹⁾ «O b s e r v e r», September 22, 1913.

«Observer» высказался еще болѣе опредѣленно: «Если кабинетъ вздумаетъ принять какія-нибудь репрессивныя мѣры противъ вождей Ольстера, то населеніе Лондона расправится съ министрами по закону Линча».

Этотъ эпизодъ даетъ читателямъ конкретное представленіе о томъ, что такое свобода сходовъ и печати въ Англии.

Профессоръ Морганъ, подвергнувъ очень интересному разбору текстъ Ольстерскаго уговора, указалъ, что есть значительная разница между умѣреннымъ, сдержаннымъ языкомъ документа и дикими фразами, встрѣчающимися въ толкованіяхъ сэра Эдуарда Карсона. «Текстъ уговора составленъ опытнымъ юристомъ», постоянно справлявшимся съ законами о мятежѣ. Въ своихъ комментаріяхъ Карсонъ сказалъ: «мнѣ все равно, представляетъ ли то, что я говорю, измѣну или нѣтъ». Въ своихъ рѣчахъ ораторъ призываетъ нарушить законъ.

Въ документѣ нѣтъ ни слова о нарушеніи закона. Дѣло идетъ только о *непризнаваніи* того, что покуда еще не существуетъ. «Документъ замѣчателенъ не столько тѣмъ, что сказано въ немъ, сколько тѣмъ, что не сказано»,—пишетъ профессоръ Морганъ. Въ «Times'ѣ», за мѣсяць до «клятвы въ Бельфастѣ», появилось предсказаніе текста уговора. Тогда, безъ сомнѣнія, газета «угадывала», имѣя уже составленный проектъ; но потомъ сочинителей взяло раздумье: «безопасно ли это?» «Не будетъ ли документъ принятъ, какъ *corpus delicti*?» И вотъ первоначальный текстъ былъ окончательно переработанъ ловкимъ юристомъ. «Въ предсказаніи «Times'a», напр., говорится, что ольстерцы дадутъ клятву не платить налоговъ,—пишетъ проф. Морганъ.— Въ *уговорѣ* про это нѣтъ ни слова. Повидимому, опытный юристъ, редактировавшій потомъ текстъ, вспомнилъ «прецедентъ», когда судья призналъ виновнымъ ирландца за преступный призывъ «уменьшить доходы короля» путемъ отказа отъ уплаты налоговъ». *Times* «предсказывалъ», что въ *уговорѣ* есть пунктъ о самочинномъ ольстерскомъ парламентѣ. Другими словами, что ольстерцы, въ случаѣ, если введенъ будетъ гомруль, образуютъ временное правительство. Въ окончательной редакціи нѣтъ и намека на это. Повидимому,—строить догадки проф. Морганъ,—тотъ же юристъ вспомнилъ другой «прецедентъ»: процессъ ирландскихъ націоналистовъ, обвинявшихся въ намѣреніи образовать временное правительство. Судъ тогда призналъ, что не только составленіе такого правительства является государственной измѣ-

ной, но также и опубликованіе какихъ-либо документовъ, въ которыхъ содержится такой планъ. Вожди ольстерцевъ говорили про *вооруженное сопротивленіе* правительству, если билль о гомрулѣ станетъ закономъ. Судя по телеграммамъ, помѣщеннымъ въ англійскихъ консервативныхъ газетахъ, «спарты» грозили отправить противъ дублинскаго парламента «армію изъ ста тысячъ лоялистовъ». Въ «уговорѣ» про это—ни звука. «Юристы, составлявшіе уговоръ,—говоритъ проф. Морганъ,—лучше, чѣмъ несчастные феніи, знали, что такое «conspiracy». Ораторы-оранжисты не иначе отзывались о нынѣшнемъ кабинетѣ, какъ о «шайкѣ измѣнниковъ». Въ «уговорѣ» такой терминологіи нѣтъ, потому что составитель документа помнитъ другой судебный прецедентъ, когда обвиняемые опять-таки были ирландцы. «Ученый юристъ, вырабатывающій планъ революціи съ уложеніемъ о наказаніяхъ въ рукахъ, конечно, представляетъ собою идеаль ловкости и увертливости»,—говоритъ проф. Морганъ.

VII.

Надобно ли дѣлать выводы изъ предметнаго урока, т.-е. изъ того, что и безъ того ясно, какъ небо въ іюльскій день? «Мы первые объявили міру, что не черезъ подавленіе личностей иноплеменныхъ намъ національностей хотимъ мы достигнуть собственнаго преуспѣянія, а, напротивъ, видимъ его лишь въ свободнѣйшемъ и самостоятельнѣйшемъ развитіи всѣхъ другихъ націй и въ братскомъ единеніи съ ними, восполняясь одна другою, прививая къ себѣ ихъ органическія особенности и удѣляя имъ и отъ себя вѣтви для прививки, сообщаясь съ ними душой, учась у нихъ и уча ихъ, и такъ до тѣхъ поръ, когда человечество, исполняясь міровымъ общеніемъ народовъ до всеобщаго единства, какъ великое и великолѣпное древо осѣнитъ собою счастливую землю»¹⁾. Такъ говорилъ геніальный писатель, котораго и воинственные націоналисты признаютъ пророкомъ. Къ несчастью, они всюду слѣдуютъ иною стезею въ погонѣ за совершенно иными идеалами. Мы видѣли, какъ Англія,

¹⁾ О. М. Достоевскій, «Дневникъ Писателя» (Полное собраніе сочиненій. Томъ XI. Изданіе 1891 года. Стр. 112).

усвоивъ политику наступательнаго націонализма для одной окраины, неукоснительно, настойчиво и всемѣрно проводила эту политику въ теченіе многихъ вѣковъ. Въ безконечно длинномъ спискѣ суровыхъ мѣръ, придуманныхъ философами и практиками идеи государственной народности, нѣтъ ни одной, даже самой жестокой, которая не была бы испробована въ Ирландіи.

Сторонники наступательнаго націонализма рекомендуютъ исключительные законы. Списокъ «coercion acts» (законовъ объ охранномъ положеніи), введенныхъ въ Ирландіи въ XIX вѣкѣ, очень длиненъ, какъ убѣдится каждый, справившись съ любымъ пособіемъ (Напр., «Home Rule Handbook», 1912, стр. 21). Цѣлая нація взята была подъ надзоръ. Цѣлый народъ огуломъ былъ объявленъ моральнымъ дегенератомъ.

Ограниченіе въ гражданскихъ и политическихъ правахъ? Закрытіе доступа въ школы?

Воспрещеніе цѣлаго ряда занятій? Стѣсненіе свободы передвиженія?

И это было испробовано.

Запрещеніе языка? преслѣдованія за вѣру? облавы на священниковъ? глумленіе надъ ними? Запрещеніе смѣшанныхъ браковъ? Наказанія за ту или другую транскрипцію именъ? Поощреніе ренегатства?

Это тоже было испытано.

Націонализація торговли и промышленности?

И это средство было проведено съ необычайной послѣдовательностью въ теченіе десяти лѣтъ. Въ ходъ, какъ мы видѣли, пущены были еще конфискація земель и массовыя избиенія. Сюда надо прибавить еще дѣятельность лживой, продажной или неосвѣдомленной печати, находившейся въ рукахъ сторонниковъ наступательнаго націонализма. Эта печать систематически клеветала на ирландцевъ и всячески позорила характеръ націи. И что же было получено въ результатѣ? Полное разореніе окраины, отъ котораго пострадали какъ католики, такъ и протестанты, непрерывныя революціонныя содроганія Ирландіи, окрѣпшій оборонительный націонализмъ и черное пятно на репутаціи Англіи. И когда Великобританія убѣдилась въ этомъ, она отказалась отъ политики наступательнаго націонализма. Несмотря на вопли и угрозы «спартовъ», т.-е. тѣхъ немногихъ, которымъ старая политика была выгодна, не только радикалы, но и консерваторы пришли теперь къ заключенію, что наступа-

тельный націонализм, кромѣ бѣды ничего не принесетъ. Мы видѣли, какъ имперіалисты и консерваторы, подобно сэру Артуру Конанъ-Дойлю, лорду Денрэйвену и сэру Фредерику Поллоку, пораженные успѣхомъ опыта на далекой окраинѣ имперіи (въ Южной Африкѣ), пришли къ выводу, что Ирландіи, въ интересахъ имперіи, необходимо дать отдѣльный парламентъ. Имѣющіе глаза, чтобы видѣть, понимаютъ теперь, кромѣ того, смыслъ трагедіи, происходящей на востокѣ. Въ послѣдней книжкѣ «Contemporary Review» мы находимъ крайне интересную статью сэра Эдвина Пирса *Кризисъ въ Турціи*. Авторъ—большой знатокъ балканскихъ дѣлъ, которыя изучалъ долго. Онъ симпатизируетъ туркамъ и думаетъ, что, если бы не страшная ошибка, которую они сдѣлали въ послѣдніе годы, Турція возродилась бы. Ошибка эта заключалась, по мнѣнію сэра Эдвина, въ томъ, что младотурки приняли политику наступательнаго націонализма. «Младотурки искренно думали, что необходимо потуречить всѣ національности, входящія въ составъ имперіи, дабы сплотить ихъ въ одну народность». Но такъ какъ политика наступательнаго націонализма въ корнѣ ошибочна, то послѣдствіемъ ея было безжалостное преслѣдованіе оборонительнаго націонализма въ Аравіи, Албаніи и Македоніи. Проведеніе политики наступательнаго націонализма сопровождается одинаковыми явленіями и даетъ одинаковые результаты, все равно, кто бы ни былъ экспериментаторомъ: деспотія ли, нація ли, «посѣдѣвшая въ парламентаризмѣ», или народъ съ молодой конституціей: взрывъ пороховой бочки происходитъ внѣ зависимости отъ того, поджигаетъ ли фитиль мудрецъ или идіотъ. Политика наступательнаго націонализма довела до того, что въ двѣ недѣли рухнула имперія, просуществовавшая въ Европѣ пять вѣковъ.

Англичане понимаютъ значеніе историческихъ фактовъ и умѣютъ связать два явленія закономъ причинности. Ирландіи предоставлено будетъ свободно развиваться. Законы природы сильнѣе тѣхъ законовъ, которые въ своей слѣпотѣ и своемъ недомысліи придумалъ человекъ. Въ силу одного изъ такихъ законовъ природы, народности, живущія рядомъ и *предоставленныя себѣ*, стремятся къ этническому амальгамированію. Происходитъ сплавъ расъ, смѣшиваются культуры, мѣняются нравы, создается цивилизація общей родины,—является дѣйствительный патріотизмъ, т.-е. стремленіе сдѣлать свою страну самой

счастливой, самой свободной, самой зажиточной, самой культурной. И такая свободная и счастливая нація не нуждается въ дурманѣ для того, чтобы грудью защищать свою родину, если въ нее вторгнется непріятель.

Въ нѣмецкой сказкѣ вѣрный Іоганнъ, въ годы великихъ страданій, оковалъ себѣ грудь тремя стальными обручами, чтобы сердце не разорвалось отъ горя. Затѣмъ, когда Іоганнъ опять счастливъ, стальные обручи послѣдовательно лопаются и спадаютъ. Нація, которую преслѣдуютъ, тоже, какъ вѣрный Іоганнъ, сковываетъ себя обручами:—оборонительнымъ націонализмомъ. Эти обручи тѣснятъ иногда грудь; но вѣдь и вѣрному Іоганну не всегда было удобно. И чѣмъ стремительнѣе натискъ наступательнаго націонализма, тѣмъ крѣпче сталь на «обручахъ». «Обручи» сами спадутъ при наступленіи нормальныхъ условій.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Переворотъ въ Ирландіи.

I.

«Въ самой наружности его есть нѣчто замѣчательное, производящее впечатлѣніе. Убѣгающій назадъ лобъ; черные, гладко прилегающіе къ черепу, примасленные волосы; длинное, острое лицо; мечтательное и въ то же время жестокіе глаза съ припухшими вѣками; большой ротъ съ тяжелой нижней губой; массивная нижняя челюсть,—все это обнаруживаетъ человѣка «*sarable de tout et pire*». Такое лицо можетъ быть и у индійскаго вождя сіукскаго племени, оставившаго дома скальпы враговъ, и у мелодраматическаго актера, исполняющаго роль злого барона, и у человѣка съ неизмѣримо менѣ похвальной, но за то гораздо болѣе опасной профессіей». Такъ талантливый публицистъ Гардинеръ описываетъ въ вышедшей въ 1913 году книгѣ «*Pillars of Society*» (Столпы общества) наружность сэра Эдуарда Карсона, стоящаго во главѣ ольстерскаго «временнаго правительства». Кромѣ сэра Эдуарда, мы находимъ въ спискѣ временнаго правительства лорда Касльрэ (Castlereagh), потомка «Джэка Горлорѣза», усмирявшаго плетями и висѣлицей ирландское возстаніе въ 1798 г. и зарѣзавшагося потомъ, такъ какъ его преслѣдовали тѣни казненныхъ; лорда Лондондерри, внука того Лондондерри, который изгналъ тысячу фермеровъ и вызвалъ въ Ирландіи одно изъ самыхъ страшныхъ аграрныхъ движеній. Мы видимъ въ спискѣ еще лорда Гамильтона, потомка помѣщиковъ, прозванныхъ за свою жадность и за стремленіе къ субсидіямъ «голодными Гамильтонами».

Теперь они всѣ заявляютъ, что, если Ирландіи данъ бу-

даетъ гомруль, они станутъ во главѣ временнаго правительства въ Ольстерѣ и призовутъ на помощь армию волонтеровъ въ 100 тысячъ человѣкъ. И опять же ольстерскія газеты сообщаютъ списокъ генераловъ, полковниковъ, капитановъ и поручиковъ, которые будутъ командовать ольстерскою арміею. Наблюдателя съ континента все это поражаетъ прежде всего потому, что съ военнымъ заговоромъ и временнымъ правительствомъ онъ привыкъ ассоціировать нѣчто очень конспиративное. Въ Ольстерѣ же конспирація до такой степени вся наружу, что, какъ мы видѣли, временное правительство выбирается совершенно открыто. И это обстоятельство невольно порождаетъ у посторонняго наблюдателя вопросъ: «Да серьезно ли все это?» Въ отвѣтъ на такой вопросъ ольстерцы указали бы на большой митингъ негодіантовъ и фабрикантовъ, состоявшійся четвертаго ноября 1913 года въ Бельфастѣ. Эти представители торговли и промышленности, правда, не говорили о вооруженномъ возстаніи, если Ирландіи дано будетъ самоуправленіе; но они грозятъ пассивнымъ сопротивленіемъ и прекращеніемъ платежей налоговъ.

«Такъ какъ мы убѣждены, что гомруль, ставъ закономъ, не только лишитъ насъ правъ, которыя мы такъ цѣнимъ, какъ граждане Соединеннаго Королевства, но доведетъ также до гибели всю промышленность и торговлю; такъ какъ всякая попытка силой поддержать гомруль неминуемо приведетъ къ гражданской войнѣ и къ отпаденію Ирландіи отъ Соединеннаго Королевства,—то мы, дѣловые люди Ольстера... заявляемъ, что откажемся платить какіе бы то ни было налоги». Такъ говорится въ резолюціи, принятой четвертаго ноября 1913 года въ Бельфастѣ «Мы не хотимъ быть подъ властью дублинскаго парламента»,—сказалъ предсѣдатель митинга. «Если билль станетъ закономъ,—воскликнулъ другой ораторъ—сдѣлаемъ такъ, что онъ будетъ совершенно парализованъ». «Ольстеръ будетъ сражаться и будетъ правъ» (*Ulster vill fight and be right*),—говорятъ консерваторы. «Никакого сраженія не будетъ! Всѣ толки про вооруженное возстаніе и про временное правительство въ Ольстерѣ—только пустая похвальба»,—говорятъ другіе. «Какія причины превратили такого свѣтскаго человѣка, какъ сэръ Эдуардъ Карсонъ, въ пылкаго крестоносца?—пишетъ Гардинеръ въ упомянутой уже книгѣ «*Pillars of Society*».—Почему онъ льетъ слезы на платформѣ? Сопротивленіе гомрулю лишено смысла;

не подсказано оно также патриотизмомъ. Агитація сэра Эдуарда свидѣтельствуеть о томъ, что классъ, который господствовалъ при старомъ порядкѣ, не желаетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ исключительныхъ правъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ оранжисты держали всю Ирландію у себя подъ пятой,—продолжаетъ Гардинеръ.—Имѣя на своей сторонѣ администрацію, они обращались съ Ирландіей, какъ съ завоеванной страной. Оранжисты обращались съ католиками, какъ англичане съ индусами. Всѣ теплыя мѣстечки на общественной и правительственной службѣ были заняты оранжистами. Полиція находилась въ ихъ рукахъ. Судъ исполнялъ ихъ волю. Въ странѣ дѣйствовали только законы, угодные оранжистамъ, и истолковывались эти законы судьями, назначенными по указанію «патріотовъ». И вотъ теперь, съ веденіемъ гомруля, весь этотъ порядокъ долженъ исчезнуть. Уже и безъ того оранжизмъ потерялъ много: лэндролдизмъ исчезъ; крестьяне имѣютъ землю и ни во грошъ не ставятъ больше помѣщика. Теперь гибель грозитъ послѣднимъ остаткамъ власти господствующаго класса».

«Мы не позволимъ, чтобы дублинскій парламентъ былъ надъ нами,—говорятъ ольстерцы.—Мы будемъ сражаться; а если окажется, что мы слабѣе, то призовемъ на помощь германскаго императора». Вотъ любопытное письмо, помѣщенное въ еженедѣльной церковной газетѣ «Irish Churchman», выходящей въ Бельфаствѣ. «Ирландскимъ юніонистамъ (т. е. противникамъ гомруля) нечего страшиться, что Аскитъ пошлетъ въ Ольстеръ британскія войска для подавленія возстанія противъ гомруля. Первому министру не удастся собрать столько войска, чтобы привести угрозу въ исполненіе. У юніонистовъ въ Ольстерѣ теперь до 150.000 хорошо обученныхъ волонтеровъ, и это число увеличивается съ каждой недѣлей. Затѣмъ къ намъ на помощь явятся до 100 тысячъ волонтеровъ изъ Англіи и Шотландіи. И это еще не все. Далекое не всѣ юніонисты знаютъ, что могущественный континентальный монархъ предложитъ намъ помощь въ случаѣ, если ирландскимъ протестантамъ навяжутъ гомруль. Монархъ этотъ готовъ послать сильную армію, чтобы навсегда избавить Англію отъ необходимости заботиться объ Ирландіи, которая будетъ присоединена къ его владѣніямъ. И такъ какъ нашъ король, подписавъ билль о гомрулѣ, нарушитъ присягу на вѣрность конституціи, которую далъ во время коронаціи, то Ирландія не обязана со-

блюдать лояльность по отношенію къ нему. Наше поведеніе по отношенію къ Георгу V будетъ такое же, какъ нашихъ предковъ къ Якову II» ¹⁾.

Всѣ эти угрозы только «bluff» (бахвальство),—говорятъ другіе. «Точно такимъ же образомъ Ольстеръ грозилъ мятежомъ, когда обсуждался билль объ эмансипаціи католиковъ»,—говоритъ авторъ интересной статьи «Ulsteria», помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ журнала «British Review» за 1913 годъ.—Рѣчи, произносимыя теперь сэромъ Эдуардомъ Карсономъ, блѣднѣютъ въ сравненіи съ тѣми угрозами, которыя произносили противники эмансипаціи. «Ни за что!»—говорили тогда оранжисты.—«Если правительство наложитъ руку на нашу церковь, то двѣсти тысячъ человекъ скажутъ: «не смѣйте». Такъ сказалъ протестантскій священникъ Джонъ Флэниганъ на громадномъ митингѣ, состоявшемся 20 марта 1868 года въ графствѣ Монаганъ (т.-е. въ провинціи Ольстеръ).—Слѣдуетъ напомнить королевѣ, что, когда одинъ изъ ея предковъ забылъ присягу о поддержаніи протестантской вѣры, то наши пращуры швырнули его корону за рѣку Бойнъ ²⁾. Мы должны сказать всемилостивѣйшей королевѣ нашей, что если она нарушитъ присягу и подпишетъ билль, то не имѣетъ больше права на корону». «Наши пращуры дрались на берегахъ Бойна и проливали кровь за отечество,—сказалъ Ричардъ Лойдъ на громадномъ митингѣ оранжистовъ, состоявшемся 27 іюня 1869 года.—Кровь этихъ предковъ течетъ вѣдь и въ нашихъ жилахъ. Насъ много. При первомъ сигналѣ барабана мы возьмемъ ружья и пойдемъ къ берегамъ Бойна, какъ наши предки».

Билль объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи сталъ закономъ, но барабанъ не билъ и воинственные ораторы остались дома. «Мы будемъ драться, какъ умѣютъ сражаться только члены реформированной церкви,—сказалъ воинственный священникъ Томасъ Элисъ на большомъ митингѣ, устроенномъ 25 апрѣля 1868 года въ Портдаунѣ.—Мы пойдемъ на бой съ

¹⁾ «Irish Churchman», Thursday, November 6, 1913.

²⁾ На берегахъ рѣки Бойнъ, въ Ирландіи, въ трехъ миляхъ отъ Дрогеды, 1 іюля 1690 года, національный герой Ольстера, Вильгельмъ III Оранскій, разбилъ на голову Якова II. Послѣ этого дѣло Стюартовъ было окончательно проиграно. Въ годовщину битвы при Дрогедѣ и теперь каждый разъ происходитъ въ Бельфастѣ большая баталія между католиками и протестантами.

мечомъ въ одной рукѣ и съ библіей въ другой. Если надо, то мы ляжемъ всѣ костью, какъ легли наши предки и какъ лягутъ наши дѣти, т.-е. всѣ тѣ, въ жилахъ которыхъ текла и течетъ неоскверненная протестантская кровь»¹⁾. Когда билль сталъ закономъ, воинственный священникъ не пошелъ на бой, вѣроятно, потому, что, должно быть, дѣйствительно неудобно воевать, когда все время приходится держать въ рукѣ большую книгу! Сэръ Эдуардъ Карсонъ—адвокатъ. Въ 1868 году, кромѣ священниковъ, на бой звали тоже адвокаты. 15 апрѣля 1869 года, напр., состоялся митингъ въ Дублинѣ, на которомъ знаменитый въ то время адвокатъ Фредерикъ Фокинеръ заявилъ между прочимъ: «Мы будемъ драться. Если мы не сумѣемъ побѣдить, то покажемъ хоть, что умѣемъ умирать съ достоинствомъ». Когда билль сталъ закономъ, Фредерикъ Фокинеръ не записался въ волонтеры. Онъ взялъ не ружье, а выгодную правительственную службу. Умеръ онъ не на полѣ брани, а въ своей постели; не отъ непріятельской пули, а отъ сморщенной почки. Другой адвокатъ, тоже взявшій впоследствии выгодное мѣсто на правительственной службѣ, призывалъ протестантовъ въ Англии и въ Шотландіи къ вооруженному возстанію съ цѣлью поддержать ольстерцевъ. Онъ предсказывалъ, что послѣдствіемъ билля «неминуемо будетъ кровопролитіе, при одной мысли о которомъ содрогается сердце». И въ 1868 году, какъ теперь, въ Ольстерѣ возникла военная организація (Protestant Defence Association). На митингѣ, состоявшемся въ Бельфастѣ 5 марта 1868 года, лордъ Крикстонъ сказалъ между прочимъ: «Мы заявимъ католическимъ священникамъ, что есть въ Ирландіи полтора милліона протестантовъ, не желающихъ признавать Римъ и папскій престолъ авторитетомъ. Мы заявимъ имъ, что у населенія сѣверной Ирландіи (т.-е. у оранжистовъ) такія же мужественныя сердца и такіе же острые мечи, какъ въ тѣ давно прошедшія времена, когда наши предки увѣнчали себя неувыдаемой славой. Мы заявляемъ, что будемъ сопротивляться биллю до послѣдней капли крови. Покуда кто-нибудь живъ еще въ Ольстерѣ, биллю не стать закономъ».

Намъ говорятъ, что оранжистъ органически не можетъ слышать слова «папа», которое приводитъ его въ бѣшенство, достигающее особенно острой формы ежегодно въ день битвы

¹⁾ «The British Review», November, 1913, стр. 212.

при Бойнѣ. Тогда ольстерцу для успокоенія необходима кровь «паписта». Вотъ почему годовщина битвы при Бойнѣ неизмѣнно сопровождается множествомъ разбитыхъ носовъ въ Бельфаствѣ. Объ «органической» ненависти оранжистовъ къ «папистамъ» сложено много анекдотовъ. Приведу одинъ изъ нихъ. Какой-то корабль разбился у береговъ Донегаля (графство въ Ольстерѣ, населенное католиками). Изъ всего экипажа спасся только одинъ оранжистъ, но онъ сильно разбился о прибрежныя скалы и умиралъ на пескѣ. Рыбаки католики нашли выброшеннаго волнами и первымъ дѣломъ послали за священникомъ. Прежде чѣмъ напутствовать умирающаго, священникъ нагнулся къ нему и спросилъ: «Сынъ мой, скажите мнѣ, къ какой вѣрѣ вы принадлежите? Могу ли я васъ напутствовать? Отвѣтите хоть знакомъ, если вы не можете говорить. Умирающій оранжистъ открылъ глаза. Замѣтивъ сутану священника, онъ собравъ послѣднія силы, прошепталъ: «To hell with the Pope!» («Въ адъ папу!») и умеръ со спокойною совѣстью.

Другіе факты свидѣтельствуютъ однако, что даже въ Бельфаствѣ «оранжисты» женятся на «паписткахъ», при чемъ семейный покой нарушается только разъ въ годъ, въ день битвы при Бойнѣ. Вотъ, напр., любопытный анекдотъ. Посѣтитель англичанинъ, заглянувшій въ рабочій коттеджъ въ Бельфаствѣ, съ удивленіемъ увидаль рядомъ на стѣнѣ портреты папы и Вильгельма III Оранскаго. Мужъ былъ оранжистъ, а жена—католичка.

— Неужели вашъ мужъ не протестуетъ противъ портрета папы?—спросилъ путешественникъ.

— Иногда, разъ въ годъ,—отвѣтила жена рабочаго.—Мой мужъ—барабанщикъ въ оранжистской процессіи. Когда онъ возвращается домой въ годовщину битвы при Бойнѣ, то срываетъ со стѣны портретъ его святѣйшества, бросаетъ на полъ и топчетъ его.

— А вы покупаете потомъ новый портретъ?

— Мой мужъ всегда встаетъ поздно на другой день,—улыбнулась женщина.—И вотъ я раненько снимаю со стѣны портретъ «Билли» (т.-е. Вильгельма III), отношу въ закладъ и на полученныя деньги отдаю въ починку папу. Квитанцію я вручаю мужу, и все идетъ гладко до слѣдующаго года.

«Гражданской войны не будетъ, такъ какъ ирландскіе протестанты подчинятся неизбѣжному»,—къ такому заключенію приходитъ авторъ упомянутой уже статьи въ «British Review».

II.

По всей вѣроятности, прогноз этотъ правиленъ. Правда сэръ Эдуардъ Карсонъ, когда обращается къ оранжистамъ, преподаетъ имъ такой же совѣтъ, какой Гейне даетъ нѣмецкому поэту:

Red Dolche, rede Schwerter!...
Sei des Vaterlands Posaune,
Sei Kanone, sei Kartaune,
Blase, schmettre, donnre, tötel

(т.-е. «говори о кинжалахъ, о мечехъ! Будь трубой, пушкой, мортирой отечества, гуди, греми, умерщвляй!»)

И, несмотря на грозныя рѣчи о вооруженномъ возстаніи, о временномъ правительствѣ, о готовности пасть на полѣ брани и т. д., въ воздухѣ чувствуется компромиссъ. Приведу для доказательства нѣсколько выдержекъ изъ рѣчей. «Я приглашаю политическихъ противниковъ на совѣщаніе. Необходимъ откровенный, свободный, искренній обмѣнъ мнѣній. Какъ я, такъ и мои товарищи по кабинету готовы совѣщаться,—сказалъ первый министръ на митингѣ въ Лэндибэнкѣ» ¹⁾.

«Повторяю вамъ сегодня еще разъ. Если у правительства есть какіе-нибудь планы, которые могутъ устранить предстоящіе ужасы въ Ольстерѣ, мы готовы обсудить ихъ спокойно, вдумчиво, безъ всякихъ партійныхъ соображеній»,—сказалъ вождь оппозиціи (т.-е. консерваторовъ) на митингѣ въ Норичѣ ²⁾.

«Пусть ольстерцы скажутъ намъ, чего они хотятъ,—заявилъ на митингѣ въ Ньюкестлѣ вождь націоналистовъ (т.-е. гомрулеровъ).—И какъ неразумно или экстравагантно ни было бы это требованіе, мы готовы разсмотрѣть его и удовлетворить если только оно не расходится съ основными принципами билля, т.-е. съ самоуправленіемъ Ирландіи» ³⁾.

Знающіе люди указываютъ на то, что экономическія соображенія охладятъ у ольстерцевъ воинственный пылъ, если дѣло дѣйствительно дойдетъ до гражданской войны. Въ Ирландіи, напр., всѣ фермеры держатъ свои деньги въ отдѣленіяхъ

¹⁾ «T i m e s», October 27, 1913 г.

²⁾ «T i m e s», November 14.

³⁾ «T i m e s», November 15.

ольстерскихъ банковъ, распространенныхъ повсюду. При первой же попыткѣ Ольстера отдѣлиться всѣ фермеры по данному сигналу потребуютъ свои вклады. Такимъ образомъ, еще раньше, чѣмъ раздастся первый выстрѣлъ, лопнуть всѣ ольстерскіе банки. Англійскій банкъ, конечно, не явится къ нимъ на помощь. Промышленность въ Ольстерѣ высоко развита. Въ случаѣ гражданской войны англійское правительство прекратитъ почтовое и телеграфное сообщеніе съ мѣстной провинціей, и тогда фабрикантамъ и торговцамъ грозитъ полное разореніе. Надо помнить, наконецъ, что Ольстеръ не представляетъ собою нѣчто однородное. Провинція посылаетъ въ парламентъ 17 гомрулеровъ и 16 юніонистовъ. Такимъ образомъ, еслибъ Ольстеръ дѣйствительно провозгласилъ себя независимымъ, временному правительству пришлось бы сражаться на два фронта: съ Англіей и съ католиками, живущими въ Ольстерѣ. По вѣроисповѣданію населеніе провинціи раздѣляется такъ:

Католиковъ	690.000
Англиканской вѣры	366.000
Пресвитеріанцевъ	422.000
Методистовъ	50.000
Другихъ религій и толковъ	52.000

Всѣ католики—гомрулеры. Среди протестантовъ около 10% гомрулеры. Не представляютъ собою ничего однороднаго въ политическомъ отношеніи даже четыре сѣверо-восточныя графства провинціи Ольстеръ и города Бельфасть и Лондондерри, т.-е. тѣ мѣста, которыя считаются цитаделью оранжизма. Въ графствѣ Даунъ католики составляютъ 31,6% всего населенія, въ Энтримѣ—20,3%; въ Арма—45,3% и въ Дерри 41,5%. Въ Лондондерри католики составляютъ 56,2% всего населенія и въ Бельфаствѣ—24,1%. Вы видите, что «цитадель» сильно ослаблена. Повидимому, далеко не всѣ торговцы и фабриканты Ольстера сочувствуютъ тѣмъ товарищамъ своимъ, которые на митингѣ въ Бельфаствѣ обѣщали бороться съ дублинскимъ парламентомъ, если не съ оружіемъ въ рукахъ, то отказомъ платить налоги. 24 октября 1913 года, напр., состоялся въ Боллимони (въ Ольстерѣ) большой митингъ дѣловыхъ людей, протестовавшихъ противъ «карсонизма». «Значеніе этого митинга увеличивается тѣмъ, что Боллимони—главный торговый городъ графства Энтримъ,—пишетъ спеціальный корреспондентъ

«Westminster Gazette».—Въ окрестностяхъ города много богатыхъ фермъ, принадлежащихъ протестантамъ. И эти фермы тоже принимали участіе въ протестѣ противъ карсонизма. Мы собрались, чтобы отстаивать честь Ольстера и достоинство той религіи, къ которой принадлежимъ,—сказалъ одинъ изъ ораторовъ.—Надо протестовать противъ того, что религію дѣлаютъ орудіемъ ненависти и насилія. Протестантскій священникъ,—продолжалъ ораторъ,—призывалъ къ священной войнѣ. Какъ будто можетъ быть священная война между двумя христіанскими народами и между родственными островами! Карсонъ говоритъ о томъ, что извѣстный политическій порядокъ будетъ силой оружія удержанъ въ девяти графствахъ, входящихъ въ составъ провинціи Ольстеръ. Но никто не знаетъ такъ хорошо, какъ самъ сэръ Эдуардъ, что временное правительство не удержитъ не только цѣлой провинціи, но даже одного графства. Стань Карсонъ диктаторомъ въ Ольстерѣ, онъ, конечно, не рѣшится назначить выборы. Сэръ Эдуардъ, обличающій нетерпимость католиковъ, самъ объявляетъ, что протестанты въ Ольстерѣ будутъ держать всѣхъ папистовъ здѣсь заложниками.

«Мы много слышали, а въ особенности здѣсь, въ Ольстерѣ, что есть двѣ Ирландіи, католическая и протестантская, которыя не могутъ быть объединены, а потому должны всегда враждовать,—сказалъ на томъ же митингѣ сэръ Роджеръ Кэйзментъ.—Я лично глубоко убѣжденъ, что есть только одна Ирландія, единая и нераздѣльная. И чѣмъ больше мы любимъ Ольстеръ, тѣмъ сильнѣе должны любить Ирландію... Намъ, ольстерскимъ протестантамъ, говорятъ, что радикальное правительство будто бы продало насъ «извѣчнымъ врагамъ» католикамъ; что министерство будто бы вступило въ «позорный союзъ» съ «наслѣдственнымъ непріателемъ» Ольстера. Если бы я вѣрилъ этому, то, конечно, меня не было бы сегодня здѣсь на платформѣ... Если бы дѣйствительно приходилось бороться съ тираніей и съ политическимъ гнетомъ, то я первый присоединился бы къ ольстерскимъ волонтерамъ; но я знаю католическую Ирландію хорошо. Мои лучшіе друзья—католики, живущіе въ западныхъ и южныхъ графствахъ... Я знаю хорошо поэтому, что гомрулеры ждуть не порабощенія протестантовъ, а союза съ ними» ¹⁾).

¹⁾ «Westminster Gazette», October 25.

«Всѣ толки про «временное правительство» только пустая похвальба,—пишетъ специальный корреспондентъ другой радикальной газеты.—Число волонтеровъ не увеличивается, а уменьшается». Дальше указывается на то, что органической ненависти между католиками и протестантами въ Ирландіи теперь не существуетъ ¹⁾. Всѣ сомнѣнія, консервативная партія въ Англіи, не имѣющая теперь опредѣленной программы, съ которой могла бы обратиться къ избирателямъ, желаетъ использовать «карсонизмъ», какъ политическій капиталъ. Это обстоятельство не слѣдуетъ забывать, когда мы читаемъ въ «Times», «Morning Post» или же «Daily Telegraph» передовыя статьи, въ которыхъ предсказывается гражданская война въ Ирландіи. Внимательно изучая положеніе дѣлъ, мы неминуемо придемъ къ такому выводу. Предположимъ, либеральное правительство падетъ раньше, чѣмъ успѣетъ осуществить гомруль. Предположимъ, выборы кончатся поражениемъ либераловъ ²⁾, и у власти станутъ консерваторы. Не надо быть пророкомъ для предсказанія, что однимъ изъ первыхъ биллей консервативнаго министерства будетъ гомруль подъ какимъ-нибудь псевдонимомъ. Если либералы не успѣютъ дать гомруль, націоналисты, конечно, воспользуются прецедентомъ, установленнымъ сэромъ Эдуардомъ Карсономъ, который въ консервативномъ кабинетѣ будетъ, вѣроятно, генераль-атторнеемъ (министромъ юстиціи). Другими словами, они тоже начнутъ вербовать волонтеровъ и тоже выберутъ временное правительство. Такая армія начала формироваться въ іюлѣ 1914 г. Въ шестидесятыхъ годахъ ирландцевъ отправляли за это на каторгу; но будущій министръ юстиціи не рѣшится, конечно, преслѣдовать людей за дѣянія, которымъ онъ самъ же установилъ прецедентъ. Такъ какъ католики представляютъ собою 75% всего населенія Ирландіи, то обученіе волонтеровъ будетъ гораздо болѣе грандіозное и серьезное явленіе, чѣмъ теперь.

¹⁾ «Daily Chronicle», October 14.

²⁾ На дополнительныхъ выборахъ въ Ридингъ въ 1913 году либералы потеряли мѣсто. На выборахъ въ Линлитгоу хотя и прошелъ либераль, но число поданныхъ за него голосовъ сильно уменьшилось. Консерваторы очень ликовали по этому поводу, хотя результаты свидѣтельствуютъ не о нарастаніи консервативныхъ избирателей, а о ростѣ рабочаго движенія: избирательный округъ въ Ридингъ былъ потерянъ либералами, потому что тамъ выступилъ третій кандидатъ, социалистъ.

Затѣмъ дальше. Если нѣкоторые ольстерскіе протестанты теперь противъ гомруля, то это совсѣмъ не доказываетъ, что они довольны нынѣшнимъ порядкомъ управленія и не желаютъ измѣнить его. Вражда ольстерцевъ противъ гомрулеровъ держится теперь только на сентиментальной почвѣ, а не обусловливается экономическими причинами, какъ раньше. Въ концѣ концовъ, для промышленнаго Ольстера гомруль важнѣе даже, чѣмъ для остальныхъ провинцій. Что касается Англіи, то она давно уже не видитъ ничего страшнаго въ томъ, что Ирландія будетъ имѣть отдѣльный парламентъ. Въ англійскихъ газетахъ сплошь и рядомъ можно встрѣтить теперь замѣтки про то, что та или другая консервативная организація приняла резолюцію такого рода: «Хотя мы возстаемъ противъ билля о гомрулѣ, но признаемъ необходимость дружескаго разрѣшенія насущныхъ желаній Ирландіи». Гомруль станетъ закономъ, даже если нынѣшнее министерство падетъ. Консерваторы дадутъ Ирландіи отдѣльный парламентъ, хотя теперь они выпускаютъ боевыя брошюры вродѣ, напр., книжки «The Dictators». «Ольстерскіе протестанты имѣютъ серьезное основаніе начать гражданскую войну, если правительство будетъ настаивать на своемъ желаніи внести гомруль,—читаемъ мы въ этой книжкѣ.—Билль о гомрулѣ подвергаетъ опасности жизнь, свободу и вѣру. Если билль станетъ закономъ, оранжистамъ останется или сражаться, или же оставить Ирландію въ поискахъ за свободой... Если диктаторы (т. е. Аскитъ и Рэдмондъ) останутся у власти и если ольстерцы вынуждены будутъ подчиниться католическому парламенту въ Дублинѣ, послѣдствіемъ будетъ великій пожаръ, который охватитъ все Соединенное Королевство... Чтобы одержать побѣду на ближайшихъ общихъ выборахъ, консервативной партіи слѣдуетъ только выступить съ боевымъ крикомъ: «Одинъ король, одна исполнительная власть, одна законодательная и одна фискальная система для всего Соединеннаго Королевства. Съ этимъ лозунгомъ юніонисты побѣдили на выборахъ 1886, 1895 и 1900 годовъ и вышли въ отставку, имѣя большинство въ шестьдесятъ голосовъ надъ соединенными силами радикаловъ и націоналистовъ. Консерваторы потерпѣли пораженіе на выборахъ 1906, 1910 (въ январѣ) и 1910 (въ декабрѣ) только потому, что обратились къ избирателямъ съ другимъ боевымъ лозунгомъ»¹⁾.

¹⁾ Michael Me Carthy, «The Dictators», стр. 63—64.

Но все это только «напускание тумана»: параллельно съ этимъ мы встрѣчаемъ въ консервативныхъ газетахъ статьи лорда Дёнрэйвена, въ которыхъ доказывается, что Ирландія должна имѣть самоуправленіе. Авторъ книжки говоритъ о пожарѣ, который охватитъ всю Англію, если Ольстеръ окажется вооруженное сопротивленіе. Подразумѣвается, конечно, что вся Англія возстанетъ противъ правительства, которое сдѣлаетъ попытку смирить мятежный Ольстеръ силой. Пожаръ въ Ольстерѣ, если только онъ будетъ, можетъ дѣйствительно перебраться въ Англію; но совѣмъ не въ такомъ видѣ, какъ думаетъ авторъ книги. И консерваторы отлично это знаютъ. Въ Соединенномъ Королевствѣ теперь масса горячаго матеріала, что доказывается непрекращающимся движеніемъ среди рабочихъ классовъ. «Консерваторы говорятъ теперь про гражданскую войну? Что же, пусть она будетъ,—писалъ въ «*W o t b a u S h o g o n i e*» Рамсэй Макдональдъ, находившійся въ 1913 году въ Индіи.—Поведеніе правительства во время послѣднихъ большихъ стачекъ не разъ доводило дѣло почти до вооруженнаго столкновенія. И если теперь консерваторы покажутъ примѣръ, они быстро убѣдятся, что въ странѣ много сухостоя и что огонь можетъ распространиться быстро»¹⁾. И если у власти будутъ тогда консерваторы, то возставшіе рабочіе могутъ имъ сказать: «Мы только слѣдуемъ прецеденту, установленному вами». Слѣдуя «прецеденту», дублинскіе рабочіе теперь уже формируютъ армію, а милитантки заявляютъ, что у нихъ готова уже не только армія, но и планъ военныхъ дѣйствій.

III.

Ирландія будетъ имѣть гомруль (и даже безъ революціи), кто бы ни стоялъ у власти. Дѣленіе Ирландія на ольстерцевъ и націоналистовъ совершенно искусственное; создано оно политикой наступательнаго націонализма, о которой я говорилъ выше. Долго держаться оно не можетъ, такъ какъ экономическіе интересы должны взять верхъ надъ національными и религіозными предразсудками. Больше того: Ирландія

¹⁾ Цитирую по «Daily Chronicle», November 26, 1913.

еще не имѣть самоуправленія, но подѣ влияніемъ экономическихъ причинъ тамъ началась уже дифференціація классовыхъ интересовъ. Доказательствомъ является рабочее движеніе, начавшееся въ началѣ 1913 года въ Дублинѣ и выдвинувшее такую крупную и оригинальную фигуру, какъ Джимъ Ларкинъ, или «Ирландскій Спартакъ», который осенью 1913 года былъ героемъ дня въ Лондонѣ. Великосвѣтскія дамы собирались слушать его и охотно показывали бы его въ своихъ гостиныхъ, если бы только дублинскій чернорабочій принялъ зазывъ.

Броженіе въ Дублинѣ порождено тяжкимъ положеніемъ рабочихъ, которому нѣтъ примѣра въ другихъ городахъ Соединеннаго Королевства. Рабочіе и работницы въ Дублинѣ живутъ при такихъ условіяхъ, какъ англійскій пролетаріатъ 75 лѣтъ тому назадъ. Всего лишь годъ тому назадъ взрослые сильные рабочіе получали въ Дублинѣ 12—13 шиллинговъ въ недѣлю. Что касается работницъ, то онѣ и теперь получаютъ 4—5 шиллинговъ въ недѣлю. Что касается тѣхъ условій, при которыхъ живутъ дублинскіе рабочіе, то объ этомъ говоритъ офиціальнй отчетъ, составленный сэромъ Чарльсомъ Камерономъ. Въ Англии и въ Уэльсѣ рабочая семья обыкновенно занимаетъ отдѣльный коттеджъ въ 4—6 комнатъ. Только ужъ въ очень старыхъ коттеджахъ, выстроенныхъ лѣтъ 70—80 тому назадъ, нѣтъ ванны. Во всѣхъ сравнительно новыхъ коттеджахъ имѣются ванны съ холодной и горячей водой. Въ аграрную программу, намѣченную недавно Ллойдъ-Джорджемъ, входитъ, между прочимъ, сооруженіе 120 тысячъ коттеджей въ 4 комнаты для сельскихъ рабочихъ. Теперь посмотримъ, какъ живутъ рабочіе въ Дублинѣ. По офиціальному отчету въ 1912 году было 21,000 семействъ, занимавшихъ квартиру въ одну комнату. Для русскихъ въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего поразительнаго; но англичанъ онъ просто ошеломляетъ. Слѣдующая таблица показываетъ, по сколько человѣкъ живутъ въ одной комнатѣ:

Въ 3,000 квартирахъ по 4 человѣка въ комнатѣ.					
» 2,000	»	» 5	»	»	»
» 1,500	»	» 6	»	»	»
» 854	»	» 7	»	»	»
» 331	»	» 8	»	»	»
» 146	»	» 9	»	»	»

Въ 45 квартирахъ по 10 человѣкъ въ комнатѣ.
» 16 » » 11 » » »¹⁾

Сэръ Чарльсъ Камеронъ говоритъ о пяти квартирахъ, въ которыхъ въ одной комнатѣ жило двѣнадцать человѣкъ, но это еще не все. Мы видимъ въ Дублинѣ явленіе, вполне обычное въ каждомъ русскомъ большомъ городѣ, но приводящее въ ужасъ англичанъ: сдаваніе угловъ. Семья, занимающая одну комнату, принимаетъ жильца. Въ двухъ случаяхъ такой жилецъ отъ себя уже сдавалъ мѣсто подъ кроватью ночлежнику. Такое положеніе дѣла порождаетъ въ Дублинѣ громадный процентъ смертности, а именно 24,8 на тысячу. Жителямъ континента, а, въ частности, намъ, русскимъ, такой процентъ кажется вполне «умѣреннымъ»: у насъ вѣдь въ большихъ городахъ смертность часто переваливаетъ за 30; но англичанъ дублинскія жертвы приводятъ въ ужасъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Лондонѣ средняя смертность 13,6 на тысячу. Въ богатыхъ и здоровыхъ кварталахъ 11 на тысячу. Что же касается новыхъ образцовыхъ городовъ, выстроенныхъ въ садахъ, какъ Летчфордъ, то смертность тамъ 9 на тысячу. Покуда предѣлъ достигнуть въ идеальной деревнѣ близъ Бирмингэма, выстроенной для своихъ рабочихъ шоколаднымъ фабрикантомъ-квакеромъ: тамъ смертность—7 на тысячу. Эти цифры, свидѣтельствующія о томъ, что общество, при добромъ желаніи, можетъ уменьшить процентъ смертности почти въ пять разъ, показываютъ также и слѣдующее. Всѣ ссылки на понижающійся коэффициентъ рождаемости для доказательства «вырожденія» культурнаго народа ничего не значатъ. Улучшая экономическія условія массъ, общество можетъ такъ сбить процентъ смертности, что коэффициентъ рождаемости всегда будетъ во много разъ выше. Но это между прочимъ.

Еще выше процентъ смертности въ дублинскихъ рабочихъ домахъ, тюрьмахъ и въ убѣжищахъ для душевно-больныхъ. Въ Англии въ этихъ учрежденіяхъ умираетъ 180 на тысячу, а въ Дублинѣ—250 на тысячу. Цифры эти, пугающія англичанъ, для насъ, конечно, не представляютъ ничего страшнаго. Въ ирландской газетѣ «F r e e p r e s s» я нашелъ репортерскую полицейскую замѣтку, рисующую картину положенія рабочихъ.

¹⁾ «Report on the public health of Dublin in 1912».

Обвинялись какіе-то полисмэны въ томъ, что, не имѣя спеціального постановленія суда, ворвались въ квартиру нѣкоего Уильяма О'Лири, котораго надо было арестовать за участіе въ беспорядкахъ. Вы видите, дѣло это англійское, а не русское. Судя по репортерской замѣткѣ, О'Лири съ женой и семью дѣтьми въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ до одного года жили въ одной комнатѣ. «Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе постыдное для насъ, чѣмъ существованіе подобныхъ квартиръ»,—замѣтилъ слѣдственный судья. Въ томъ же засѣданіи выслушано было дѣло полисмэна Кини, обвинявшагося въ томъ, что онъ, гоняясь за стачечниками, подстергавшими штрейкбрехеровъ, ворвался въ квартиру нѣкоего Майкеля Кёррена. Состояла она изъ одной комнаты. Жили въ ней Кёррэнъ съ женой и девятью дѣтьми (послѣдній родился за 4 дня до полицейскаго вторженія), да еще нѣкій Скелли съ сыномъ.

А вотъ вырѣзка изъ «*Manchester Guardian*», содержащая отчетъ о митингѣ, на которомъ выступилъ Джимъ Ларкинъ. Ораторъ описываетъ положеніе рабочихъ въ Дублинѣ. Вотъ родильница, лежащая въ комнатѣ, имѣющей въ длину 10 фут., а въ ширину 8 фут. Въ этой же комнатѣ находятся еще трое дѣтей 13, 11 и 9 лѣтъ. Лежатъ они всѣ на полу, на мѣшкѣ, набитомъ соломой. У родильницы нѣтъ бѣлья, чтобы завернуть младенца, и нѣтъ огня, чтобы согрѣть воду. Во время стачки, когда положеніе дублинскихъ рабочихъ еще ухудшилось, сострадательные англичане взяли къ себѣ на время маленькихъ ирландцевъ, которыхъ отправили въ Манчестеръ, Ливерпуль и др. города. «Нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей,—говоритъ Джимъ Ларкинъ,—никогда въ жизни не видали ванны. Когда они впервые вошли въ нее, то имъ такъ понравилось въ теплой водѣ, что они пробыли въ ваннѣ четыре часа. Дѣтей невозможно было убѣдить, чтобы они вышли. Маленькіе ирландцы никогда не пробовали бараньихъ котлетъ. Они съѣдали по четыре котлеты и просили еще». Что касается заработной платы въ Дублинѣ, то Джимъ Ларкинъ приводитъ слѣдующія цифры: дѣвушки за 56 рабочихъ часовъ въ недѣлю получаютъ полкроны (1 р. 20 к.); взрослый рабочій получаетъ 12 шиллинговъ.

Дублинскіе рабочіе были совершенно неорганизованы. Въ силу политическихъ соображеній, ирландская печать, какъ націоналистическая, такъ и оранжистская, замалчивала взаимоотношенія предпринимателей и рабочихъ. «Вопросъ о гом-

рулѣ представляет собою дамбу, задерживающую все другіе вопросы въ Ирландіи,—пишетъ изъ Дублина спеціальный корреспондентъ «Manchester Guardian».—Здѣсь нельзя разоблачить ни одного злоупотребленія; невозможно ополчиться ни противъ одной монополіи; немыслимо выступать противъ предосудительныхъ поступковъ, извѣстныхъ всеѣмъ. И причиной является, такъ или иначе, вопросъ о гомрулѣ. Если крупный промышленникъ, эксплуатирующій своихъ рабочихъ, живетъ въ одной изъ трехъ южныхъ провинцій, и вы захотите разоблачить его, націоналистическія газеты скажутъ: «Нельзя, онъ хорошій гомрулеръ». Если промышленникъ этотъ живетъ въ Ольстерѣ, и вы захотите раскрыть тѣ дѣянія его, про которыя все знаютъ, редакторъ скажетъ вамъ: «Что и говорить, N—мошенникъ; но его тѣмъ не менѣе нельзя трогать. Онъ—прекрасный патріотъ, пламенный лоялистъ и опора оранжистовъ». Вопросъ о гомрулѣ поглощаетъ все остальные вопросы. И если вы будете настаивать на разоблаченіи, на васъ взглянутъ какъ на измѣнника.

И вотъ выдвинулся изъ самыхъ глубинъ человѣкъ, организовавшій дублинскихъ рабочихъ и сплотившій ихъ въ Ирландскій союзъ транспортныхъ рабочихъ. вмѣстѣ съ этимъ распалась та «дамба», которая долго направляла въ Ирландіи противоположныя теченія въ одно русло. Противъ союза транспортныхъ рабочихъ оказались не только дублинскіе предприниматели-гомрулеры, но даже самая сильная и самая революціонная (по характеристикѣ консерваторовъ) націоналистическая организація «Древній орденъ иберійцевъ» (Ancient Order of Hibernians). Вся ирландская націоналистическая печать возстала противъ рабочихъ.

IV.

Передъ нами сильная, оригинальная, крушная личность съ ярко выраженной индивидуальностью,—Джимъ Ларкинъ уже играетъ важную роль въ Ирландіи, и не подлежитъ сомнѣнію, что очень скоро мы услышимъ про него гораздо больше. По мѣрѣ того, какъ приближается осуществленіе гомруля, старые ирландскіе вожди становятся достояніемъ

исторіи. Измѣняющіяся экономическія условія Ирландіи выдвигаютъ новыхъ вождей, въ лицѣ которыхъ Рэдмондъ, О'Брайенъ, Тимъ Хилли и др. встрѣтятъ ожесточенныхъ враговъ въ первомъ дублинскомъ парламентѣ. Среди этихъ новыхъ вождей, какъ когда-то среди старыхъ, замѣчаемъ два основныхъ типа: талантливыхъ «дипломатовъ» съ громаднымъ честолюбіемъ и идеалистовъ-фанатиковъ. Классическимъ представителемъ перваго типа является молодой членъ парламента Дэвлинъ, состоящій вождемъ древняго ордена иберійцевъ, о которомъ теперь консерваторы здѣсь пускаютъ въ ходъ столько же страховъ, какъ у насъ про «жидомасоновъ». Выразителемъ же втораго типа является Джимъ Ларкинъ, котораго называютъ «некоронованнымъ королемъ ирландскихъ рабочихъ». Выдвинули его страданія ирландскихъ рабочихъ. Вынесла его на своемъ гробѣ та надвигающаяся громадная волна, которой имя синдикализмъ.

Надо представить себѣ очень высокаго, очень худоцаваго, рано посѣдѣвшаго человѣка, лѣтъ 35—40, съ землистымъ лицомъ аскета, съ сѣрыми суровыми и холодными глазами, съ большимъ ртомъ, выражающимъ волю и силу. Таковъ Джемсъ или Джимъ Ларкинъ ¹⁾. Лицо у него такое, что сразу обращаетъ вниманіе. У заурядныхъ, дюжинныхъ людей не бываетъ такого холоднаго блеска въ рѣшительныхъ глазахъ и такихъ характерныхъ конвульсій сильнаго рта. Когда Ларкинъ начинаетъ говорить, онъ захватываетъ сразу. Голосъ у него громкій, силоватый, рѣзкій. Но надо слышать, какія трогательныя ноты слышатся въ немъ, когда Ларкинъ говоритъ про страданія дублинскихъ рабочихъ. Когда же ораторъ обличаетъ, сильный голосъ превращается въ шипѣніе кобры. Можно

¹⁾ Въ 1867 году, когда въ Манчестерѣ перевозили изъ полиціи въ тюрьму двухъ феніевъ Келли и Диззи, на тюремную карету произведено было нападеніе. Одинъ изъ нападающихъ, желая разбить замокъ кареты, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, при чемъ былъ убитъ сидѣвшій внутри полицманъ Бретъ. Феніи бѣжали. Впослѣдствіи арестовали пять ирландцевъ: Аллена, О'Брайена, Кондона, Магира и Ларкина, которыхъ предали суду по обвиненію въ убійствѣ Брета. Несмотря на то, что на судѣ выяснилось, что подсудимые не могли убить полицмана и, вѣроятно, не участвовали даже въ нападеніи на карету, трое (Алленъ, О'Брайенъ и Ларкинъ) были присуждены къ смертной казни и повѣшены. Память «манчестерскихъ мучениковъ», какъ ихъ называютъ, празднуется ирландцами ежегодно. Повѣшенный Ларкинъ былъ дѣдъ Джима Ларкина.

ли назвать Ларкина краснорѣчивымъ? Краснорѣчивъ, напр., извѣстный рабочій вождь Бенъ Тиллетъ, умѣющій пользоваться всѣми ораторскими приѣмами, до позы включительно, для полученія желаемого впечатлѣнія. Джимъ Ларкинъ, повидимому, не знаетъ, что дѣлать съ руками, когда стоитъ на платформѣ не передъ рабочими (я видѣлъ его въ 1913 году на громадномъ митингѣ въ Альбертовой залѣ, въ Лондонѣ). Онъ горбится, утираетъ рукавомъ вспотѣвшій лобъ. Поколѣнія общественныхъ дѣятелей, духовныхъ проповѣдниковъ и агитаторовъ тщательно выработали въ Англии приемы ораторскаго искусства. Каждый, готовящійся къ платформѣ, тщательно изучаетъ какъ конструировать рѣчь, какъ группировать въ ней факты, какъ освѣжать вниманіе слушателей шутками и анекдотами и какъ, наконецъ, сконцентрировать весь паѳосъ въ «королларіи». Все это усваиваютъ молодые ораторы, будутъ ли они консерваторы или радикалы, социалисты или суффражистки. Джимъ Ларкинъ, повидимому, не имѣетъ представленія о томъ, какъ правильно построить рѣчь. Въ его рѣчахъ нѣтъ плана, нѣтъ формы, нѣтъ ничего условнаго. Онѣ неправильны логически и даже грамматически, потому что Джимъ Ларкинъ, повидимому, только что усвоилъ себѣ литературный англійскій языкъ и часто забываетъ его. Рѣчь Ларкина—импровизація. Она состоитъ изъ ряда «образовъ», если можно такъ выразиться, связанныхъ только *единствомъ чувства*, единствомъ настроенія. И такъ какъ Ларкинъ говоритъ съ необыкновенной страстностью и убѣжденностью, то рѣчи его производятъ неизмѣримо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ красивые періоды Бена Тиллета.

«Когда я шелъ на митингъ, то увидѣлъ на аншлагахъ вечернихъ газетъ: «Что теперь скажетъ Рэдмондъ?» Мы гроша мѣднаго не дадимъ за то, что онъ скажетъ! Въ Ирландіи мы столько же думаемъ о Рэдмондѣ, какъ о Карсонѣ. Оба они являются только выразителями класса капиталистовъ!» Это—выдержка изъ рѣчи, произнесенной Ларкинымъ осенью 1913 года въ Альбертовой залѣ, въ Лондонѣ. «Та великая борьба, которую мы ведемъ теперь, представляетъ собой не только вопросъ о болѣе короткомъ рабочемъ днѣ и лучшей заработной платѣ. Идетъ бой за свободу жить, за свободу дѣйствовать, за право пользоваться всѣмъ тѣмъ, что дано намъ Богомъ. Если мы ничего не сдѣлаемъ для себя, мы проторимъ путь для предстоящихъ поколѣній. Мы имъ уготовимъ обѣто-

ванную страну, предвидѣнную великими мыслителями и поэтами». Это выдержка изъ другой рѣчи Ларкина. Организовавъ транспортныхъ рабочихъ въ Дублинѣ, Ларкинъ убѣдилъ ихъ прибѣгать къ такъ называемымъ стачкамъ по симпатіи. Предположимъ, на паровой мельницѣ Магира возникаетъ стачка насыпщиковъ. Немедленно желѣзнодорожные вѣсильщики отказываются нагружать муку, идущую изъ мельницы; булочники бастуютъ, если хозяева заставляютъ ихъ мѣсить хлѣбъ, изготовленный изъ муки, купленной у Магира; матросы отказываются служить на кораблѣ, нагруженномъ углемъ для мельницы Магира и т. д.

Предприниматели въ Дублинѣ соединились въ одинъ союзъ, во главѣ котораго сталъ сильный и талантливый инженеръ Мёрфи, и потребовали отъ своихъ рабочихъ подписку, что они не принадлежатъ къ союзу, организованному Ларкинымъ. Когда же рабочіе отказались дать подписку, то хозяева объявили локаутъ, на который другіе рабочіе отвѣтили стачкой. Такъ началась въ августѣ 1913 въ Дублинѣ промышленная война, продолжавшаяся много мѣсяцевъ. Сторону предпринимателей взяли все націоналистическія газеты и католическіе священники. Одинъ изъ вождей ирландской парламентской партіи Тимъ Хилли оказался защитникомъ интересовъ предпринимателей. Другіе вожди націоналистовъ, въ томъ числѣ и Рэдмондъ, предпочли дипломатически воздержаться отъ вмѣшательства, такъ какъ хозяева, объявившіе локаутъ, являются столпами національнаго движенія. Предприниматели, зная, что у дублинскихъ рабочихъ нѣтъ денегъ, рассчитывали на быструю побѣду. Но на помощь явились англійскіе рабочіе. Надо знать, что вожди трэдъ-юніоновъ и парламентская рабочая партія относились враждебно къ «ларкинизму», какъ они называютъ синдикалистское движеніе, прославленное Ларкинымъ.

«Стачка по симпатіи является однимъ изъ главныхъ орудій ларкинизма,—писалъ извѣстный коммонеръ-рабочій Сноудэнъ.—Это средство использовано теперь ларкинизмомъ неизмѣримо шире, чѣмъ когда-либо раньше въ Соединенномъ Королевствѣ. Неудобства и вредъ, причиненные предпринимателямъ стачками по симпатіи, естественно повели къ отвѣтнымъ локаутамъ. Изъ ларкинизма, кромѣ вреда, ничего не выйдетъ. Ларкинизмъ чрезвычайно обострилъ отношенія между трэдъ-юніонами и предпринимателями. И если англійскіе трэдъ-юніоны

усвоятъ методы ларкинизма, то послѣдствіемъ будетъ только рядъ гибельныхъ столкновеній между хозяевами и рабочими. Опасность заключается въ томъ, что англійскіе профессиональные союзы въ ближайшемъ будущемъ тоже захотятъ примѣнить стачки по симпатіи, пока на опытѣ убѣдятся въ гибельности этого средства. Надо сказать, что сами предприниматели, прибѣгая къ локаутамъ по симпатіи, заставили рабочихъ пустить въ ходъ стачки тоже по симпатіи. Такимъ образомъ, напр., предприниматели поступили въ 1897 году во время недоразумѣнія съ машинистами. Въ 1912 году, послѣ недоразумѣнія, возникшаго на небольшой фабрикѣ между хозяевами и рабочими, предприниматели отвѣтили общимъ локаутомъ всѣхъ ткачей на всѣхъ фабрикахъ въ Ланкаширѣ». Сноудэнъ дальше указываетъ на то, что «ларкинизмъ» является результатомъ сильнаго броженія среди англійскихъ рабочихъ вообще. Зашевелились неорганизованные чернорабочіе и захотѣли сразу достигнуть всѣхъ результатовъ, добытыхъ профессиональными союзами. «Ларкинизмъ,—говоритъ Сноудэнъ,—ведетъ войну не только съ капиталистами, но и съ старымъ трэдъ-юніонизмомъ»¹⁾.

Несмотря на враждебное отношеніе вождей трэдъ-юніонистовъ къ «ларкинизму», рядовые трэдъ-юніонисты въ Англии горячо приняли къ сердцу положеніе дублинскихъ стачечниковъ. Секретари союзовъ должны были подчиниться. Посыпались деньги для поддержанія стачечниковъ. Манчестерскіе рабочіе при содѣйствіи богатыхъ кооперативовъ отправили въ Дублинъ нѣсколько кораблей, нагруженныхъ провизіей. Когда мнѣ попадаются русскія модныя произведенія, развивающія тезисъ, что человекъ злое эгоистическое животное, трепещущее, какъ заяцъ передъ собакой, предъ одной мыслью о смерти, мнѣ припоминаются матросы спасательныхъ станцій, уэльскіе углекопы-добровольцы, спускавшіеся въ горящую шахту, чтобы спасти заключенныхъ тамъ 400 товарищей; припоминается, наконецъ, поведеніе манчестерскихъ рабочихъ во время стачки въ Дублинѣ. Чтобы помочь ирландцамъ, они отдали послѣднее. Мало того. Надо было раздѣлить на нѣсколько десятковъ тысячъ пакетовъ чай, сахаръ, муку, маргаринъ и сыръ, отправляемые въ Дублинъ. Надо было нагрузить корабль. Времени для

¹⁾ P h. S n o w d e n, M. P. «The Portent of Larkinism» (см. «Daily Mail Yearbook», 1914, стр. 1).

этого было очень мало. И вотъ сотни рабочихъ въ Манчестерѣ, жертвуя отдыхомъ, проработали отъ субботы до полуночи въ воскресенье *безъ перерыва сорокъ часовъ*. Подвигъ генерала, гнавшего подь страхомъ разстрѣла своихъ солдатъ 20 часовъ, записанъ въ исторіи. Неужели въ ней не найдется мѣста для подвига безвѣстныхъ манчестерцевъ, работавшихъ по собственной инициативѣ, безъ всякаго вознагражденія, сорокъ часовъ безъ перерыва? Надо помнить, что ирландцы—католики, а манчестерскіе рабочіе—протестанты; не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе двухъ вѣковъ сознание двухъ народовъ отравлялось представителями церкви.

Положеніе дублинскихъ стачечниковъ сильно заинтересовало какъ англійскихъ рабочихъ, такъ и англійскую радикальную интеллигенцію. Она сперва только жертвовала деньги; но потомъ, узнавъ про страданія дублинскихъ рабочихъ, придумала новый планъ. Сотни состоятельныхъ людей въ Англии согласились держать у себя, какъ гостей, во все время стачки дѣтей дублинскихъ рабочихъ. Проектъ принадлежалъ г-жѣ Монтефіоре, извѣстной своей дѣятельностью какъ социалистки и какъ суффражистки. Велико было поэтому изумленіе англичанъ, прочитавшихъ разь утромъ въ газетахъ телеграмму изъ Дублина, что г-жа Дора Монтефіоре и молодая, богатая американка г-жа Рэндъ арестованы за попытку «похитить» дѣтей у католиковъ. Англичане не знали, что и подумать, когда одна націоналистическая газета назвала этихъ дамъ «white slavers», т.-е. торговцами бѣлыми невольниками. Оказалось, что все дѣло было устроено католическими священниками, которыхъ націоналисты долго держали на крѣпкой привязи. За спиной духовенства стояли предприниматели, которые видѣли, что отправка дѣтей въ Англию усиливаетъ способность родителей къ сопротивленію.

По словамъ націоналистическихъ газетъ дѣло обстояло такъ.

Двадцать перваго октября 1913 года комитетъ отправилъ въ Англию первую партію дѣтей на попечительство извѣстной суффражистки г-жи Патикъ Лоренсъ. На другой день должна была отправиться слѣдующая большая партія въ пятьдесятъ дѣтей. Предварительно ихъ повели въ баню, куда зашелъ патерь Лэндерсъ и опросилъ мальчиковъ, желаютъ ли они поѣхать въ Англию. «Они съ жаромъ заявили, что не хотятъ». То же самое

объявили и дѣвочки. Матери дѣтей, на вопросъ патера, категорически заявили, что онѣ «всеми силами возстають противъ отправки дѣтей въ ссылку». Патеръ Лэндерсъ объявилъ дѣтямъ, что ихъ отправляютъ въ Англію спеціально для того, чтобы «обратить въ протестантовъ и научить анархизму». Г-жа Монтефіоре предлагала священнику гарантію, что въ Англіи никто не будетъ вмѣшиваться въ религію маленькихъ католиковъ, но патеръ Лэндерсъ не хотѣлъ даже слушать. Г-жу Монтефіоре освистали, а дѣти возвратились въ свои трущобы. Въ Кингстонѣ была собрана между тѣмъ партія дѣтей для отправки ея въ Англію, но, по убѣжденію священника, дѣти отказались войти на пароходъ. На другомъ пароходѣ были уже дѣти подъ надзоромъ двухъ дамъ. Когда священникъ поговорилъ съ дѣтьми, они бросились все на берегъ. По указанію патера, даму эту арестовали и привлекли къ суду за попытку «похитить дѣтей».

«Двадцать третьяго октября пятнадцать мальчиковъ были отправлены изъ Дублина въ Англію,—телеграфировалъ корреспондентъ «Times'a».—Они находились подъ надзоромъ двухъ женщинъ. Когда дѣти были уже на пароходѣ, явились три католическихъ священника, пытавшіеся убѣдить дѣтей вернуться. Но уговоры не произвели впечатлѣнія. Присутствовавшіе при этомъ ирландцы кричали: «Да здравствуетъ Джимъ Ларкинъ». Одна изъ женщинъ сказала, что имѣетъ письменное разрѣшеніе отъ родителей на то, чтобы ихъ дѣти поѣхали въ Ирландію. Патеры видя, что ничего не могутъ сдѣлать, ушли, а пароходъ отчалилъ». «Единственная въ своемъ родѣ сцена произошла на Westlandrow station (въ Дублинѣ) передъ отходомъ поѣзда въ Кингстонъ, — читаемъ мы въ Daily Chronicle.—Священники, въ сопровожденіи громадной толпы, бросились къ вагону, въ которомъ сидѣли одиннадцать дѣтей, отправлявшихся въ Англію. Священники взяли этихъ дѣтей и увели». «Толпа, по указанію католическаго священника,—читаемъ мы въ Daily Herald—избила женщину, державшую въ рукахъ оборваннаго ребенка». Конечно, слѣдственный судья немедленно освободилъ «похитительницъ дѣтей», но посоветовалъ имъ отказаться отъ дальнѣйшаго исполненія проекта.

Все это дѣло произвело очень непріятное и крайне невыгодное для націоналистовъ впечатлѣніе въ Англіи. «Католическіе священники, повидимому, лишены понятія о томъ, что

такое смѣшное, — пишетъ N a t i o n. — Двѣ дамы-благотворительницы рѣшили пріютить на все время, покуда продолжается стачка, 300 умирающихъ отъ голода дѣтей. И въ результатѣ ихъ арестуютъ за похищеніе дѣтей! Одна изъ этихъ дамъ носитъ иностранное имя. На основаніи этого патеры заявляютъ, что дѣтей хотятъ обратить въ іудейскую вѣру и въ «анархизмъ». Передъ отправкой дѣтей купаютъ и одѣваютъ. И въ этомъ фактѣ патеры усматриваютъ новое доказательство, что дѣтей дѣйствительно хотѣли «похитить» ¹⁾. «Вотъ вамъ наглядный примѣръ католической терпимости!» — злорадствовали консервативныя газеты. «Вы видите, что дѣйствительно «Home rule is Rome rule» (Гомруль означаетъ владычество католическаго духовенства). «Родители охотно дали свое согласіе на то, чтобы ихъ дѣти отправились въ Англію, гдѣ они имѣли бы хорошій призоръ и уходъ, — пишетъ Моръ, принимавшій участіе въ «Daily Herald League», помогавшей дублинскимъ стачечникамъ... Англичане не имѣютъ даже понятія о томъ, какой ужасъ представляютъ собою тѣ дублинскія трущобы, гдѣ живутъ эти дѣти... Часто въ одной комнатѣ живутъ двѣ и даже три семьи... Никто изъ насъ не предвидѣлъ, что противъ спасенія дѣтей отъ голодной смерти возстанутъ католическіе священники. Патеры нарисовали воющей толпѣ «иберійцевъ» страшную картину «гибели», ждущей маленькихъ католиковъ въ Англіи... Націоналистическая печать поддержала патеровъ и обзывала дамъ, желавшихъ спасти дѣтей отъ голода, «совратительницами» и «торговками бѣлыми невольниками».

Моръ дальше отмѣчаетъ любопытный фактъ, что предприниматели-юніонисты, католическіе священники и «иберійцы» (т.-е. гомрулеры) соединились вмѣстѣ для похода противъ «ларкинизма» ²⁾. «Католическое духовенство приняло сторону дублинскихъ предпринимателей, — пишетъ «Ирландскій Либераль»... — Оно завошило, что религія въ опасности и что дѣтей хотятъ обратить въ «соціалистовъ». Націоналистическая пресса повела кампанію, полную неправды. На желѣзнодорожныхъ перронахъ и на пристаняхъ караулили пикеты, состоявшіе изъ «иберійцевъ» и священниковъ... Каждаго пассажира, имѣвшаго при себѣ дѣтей, патеры подвергали допросу...» Вотъ еще

¹⁾ «N a t i o n», November 1, 1913.

²⁾ «N a t i o n», November 1.

поразительный фактъ, доказывающій, какъ своеобразно мыслятъ люди, глаза которыхъ желаютъ видѣть только черное. Нѣсколько десятковъ дѣтей были увезены въ Англію. Ихъ приютили зажиточные добрые и состоятельные люди въ Ланкаширѣ. Націоналистическая газета «Evening Herald» отправляетъ изъ Дублина спеціального корреспондента, чтобъ онъ изслѣдовалъ, какъ живутъ дѣти. Корреспондентъ сообщаетъ, что маленькіе ирландцы «безумно счастливы». Они хорошо одѣты, ѣдятъ за троихъ, научились смѣяться и, повидимому, если боятся чего, то возвращенія въ Дублинѣ. За маленькими ирландцами ухаживаютъ; у нихъ есть игрушки; дѣтямъ отвели садъ для игры, тогда какъ въ Дублинѣ въ своихъ трущобахъ они никогда не видали деревьевъ. И какъ же комментируетъ газета это сообщеніе своего спеціального корреспондента? А вотъ какъ. «То обстоятельство, что дѣтей держатъ хорошо и почти даже въ роскоши, лучше всего свидѣтельствуетъ о зловѣщихъ планахъ социалистовъ»,—пишетъ «Evening Herald» въ передовой статьѣ ¹⁾.

Были и такія лица, которыя старались *объяснить* поступки католическаго духовенства и толпы. Объ *оправданіи* не могло быть и рѣчи. Джозефъ Лонгфордъ, напр., выясняетъ, что въ теченіе трехъ вѣковъ кардинальнымъ принципомъ англійской политики въ Ирландіи былъ прозелитизмъ. Елисавета и Кромвель пытались огнемъ и мечомъ обратить католиковъ въ протестантовъ. Въ XVIII вѣкѣ изданъ былъ съ тою же цѣлью рядъ драконовскихъ законовъ ²⁾, направленныхъ противъ католиковъ. Послѣдніе стремились къ образованію; но правительство заявило, что университетское образованіе можетъ быть получено только ирландцемъ, отрекшимся отъ вѣры своихъ предковъ. Правительство основало въ Дублинѣ и въ Лондонѣ спеціальныя школы, въ которыхъ «молодые паписты отдѣлялись совершенно отъ зловреднаго вліянія родителей и священниковъ». Даже тогда, когда въ Ирландіи основанъ былъ въ первой половинѣ XIX вѣка департаментъ народнаго просвѣщенія, англійское правительство не вполне отреклось отъ стремленія насаждать протестантизмъ, хотя по закону миссіонерская дѣятельность въ народныхъ школахъ воспрещалась. По закону

¹⁾ «Evening Herald», October 25, 1913.

²⁾ См. главу «Предметный урокъ».

преподаваніе въ ирландскихъ народныхъ школахъ (какъ и въ англійскихъ) должно было быть только свѣтское. Но епископъ англиканской церкви Уэтли, который стоялъ тогда во главѣ департамента народнаго образованія, нашель способъ обойти законъ: учебники, правда, были свѣтскіе; но онъ разрѣшилъ маленькимъ ирландцамъ учиться только по такимъ книжкамъ, въ которыхъ глумились надъ католической вѣрой и надъ національнымъ чувствомъ.

Протестанты воспользовались даже ужасами ирландскаго голода 1846 г. для миссіонерской дѣятельности. Въ Ирландіи тогда были открыты столовые для голодающихъ, но во многихъ изъ нихъ хлѣбъ и супъ давали только тѣмъ, которые отрекались отъ вѣры отцовъ. «Съ той поры,—говоритъ Джозефъ Лонгфордъ,—слово «soup» (получающій супъ) стало въ Ирландіи синонимомъ новообращеннаго протестанта. Лордъ Плэнкетъ во время великаго голода вызвался кормить всѣхъ своихъ фермеровъ, желающихъ оставить католическую вѣру. «Упорствовавшіе» же фермеры изгонялись. Мудрено ли, что массы въ Ирландіи, слышавшіе съ дѣтства подобные рассказы, относятся съ недоувѣріемъ къ англичанамъ?—спрашиваетъ Лонгфордъ ¹⁾».—Не надо забывать, что сорокъ лѣтъ тому назадъ Библейское общество пыталось обращать католиковъ при помощи даровыхъ столовыхъ,—пишетъ изъ Дублина специальный корреспондентъ большой вечерней либеральной газеты.—Отъ того времени до насъ дошла ирландская пѣсня, въ которой говорится, что голодающимъ предлагаютъ:

To sell their souls for penny rowls,
For soup and hairy bacon.

(Продать душу за пенсовыя сайки, за супъ и за сало съ щетиной ²⁾).

V.

Предприниматели и католическіе священники совершенно не въ силахъ были оцѣнить значеніе того движенія, которое они назвали «ларкинизмомъ». Они были глубоко убѣждены, что

¹⁾ «Manchester Guardian», October 25.

²⁾ «Westminster Gazette», October 23.

на «бунтъ» противъ хозяевъ и противъ власти патеровъ подбилъ дублинскихъ рабочихъ Ларкинъ; что, не будь «Джима», стачка кончилась бы «въ два дня», а союзъ транспортныхъ рабочихъ распался бы. И вотъ Ларкина привлекли къ суду по обвиненію въ «мятежныхъ рѣчахъ» и въ подстрекательствѣ къ беспорядкамъ. Полиція показала, что, когда она во время бурнаго митинга разгоняла стачечниковъ, Ларкинъ крикнулъ: «народъ, возводящій на престолъ королей, можетъ также низвергнуть ихъ. Какое же право имѣетъ англійскій король запрещать народный митингъ?.. Если полиція и солдаты пускаютъ въ ходъ силу, то за cadaго убитаго стачечника должны быть уложены два неприятели». Надо помнить, что въ Дублинѣ слѣдственный судья и, въ значительной степени, присяжный тяготѣютъ по своему происхожденію къ предпринимателямъ. Наконецъ, въ Ирландіи знаютъ, какъ подбирать присяжныхъ. (Одинъ изъ присяжныхъ самъ заявилъ, что по совѣсти не можетъ судить, такъ какъ является заинтересованнымъ лицомъ: стачка, между прочимъ, направлена и противъ него; но доводы этого присяжнаго не были уважены судомъ.)

«Мнѣ не надо вашей милости,—сказалъ Ларкинъ на судѣ въ Дублинѣ.—Осудите меня. Мнѣ все равно. Я считался бы съ вашимъ мнѣніемъ, будь вы представителями моего класса; но вы только—подобранные присяжные». Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, и Ларкина присудили къ семимѣсячному тюремному заключенію; но просидѣлъ онъ только семнадцать дней. Немедленно послѣ осужденія Ларкина стачечное движеніе въ Дублинѣ усилилось. На дополнительныхъ выборахъ потомъ рабочіе въ видѣ протеста противъ осужденія Ларкина за поступокъ, который сэръ Эдуардъ Карсонъ дѣлаетъ безнаказанно, голосовали за консерватора противъ правительства. Послѣдовалъ цѣлый рядъ петицій.

«Мы, коммонеры, принадлежащіе къ рабочей партіи, просимъ перваго министра обратить вниманіе на то, что осужденіе Ларкина является прямо позоромъ. Въ виду того, что высокопоставленнымъ лицамъ разрѣшается безнаказанно произносить рѣчи, кажущіяся обыкновеннымъ смертнымъ болѣе мятежными, чѣмъ тѣ, за которыя осудили Ларкина, является поводъ утверждать, что существуютъ два закона: одинъ для именитыхъ людей, а другой для простыхъ рабочихъ. Мы просимъ перваго министра обратить вниманіе на одно обстоя-

тельство, пользующееся широко распространенной вѣрой. Массы убѣждены, что съ Ларкинымъ поспѣшили расправиться такъ потому, что онъ ведетъ теперь борьбу съ предпринимателями». Въ меморіалѣ дальше выражается надежда, что правительство поспѣшитъ воспользоваться своей прерогативой и освободитъ Ларкина. Въ такомъ же духѣ составлена резолюція, принятая исполнительнымъ комитетомъ національной рабочей партіи. Протесты противъ осужденія Ларкина и петиціи объ его освобожденіи послѣдовали не только отъ рабочихъ организацій. «Насколько мнѣ извѣстно, положеніе рабочихъ въ Дублинѣ въ высшей степени плачевно,—писалъ епископъ Оксфордскій (д-ръ Горь).—Хотя я сожалею о нѣкоторыхъ формахъ, которыя приняло рабочее движеніе въ Дублинѣ, но тѣмъ не менѣе я всецѣло на сторонѣ рабочихъ. Крайне прискорбно, что человекъ, убѣдившаго дублинскихъ рабочихъ бороться за лучшія условія жизни, отправили теперь въ тюрьму». Епископъ всецѣло присоединился къ тѣмъ, которые требовали немедленнаго освобожденія Ларкина, и выразилъ надежду, что «Оксфордъ тоже поддержитъ дублинскихъ рабочихъ, покуда продолжается стачка».

«Можно ли отправлять въ тюрьму въ Дублинѣ человекъ за произнесеніе мятежныхъ рѣчей, которыя въ Бельфастѣ не наказуемы?—спрашивалъ «Westminster Gazette».—Мы лично не симпатизируемъ Джемсу Ларкину, но удивляемся примѣненію закона. Имѣлъ ли бы право Джемсъ Ларкинъ призывать людей къ оружію въ Дублинѣ, какъ это дѣлаетъ сэръ Эдуардъ Карсонъ въ Бельфастѣ? Позволили бы ему снабжать волонтеровъ оружіемъ, обучать ихъ, устраивать смотры и призывать къ релігіозной нетерпимости? Дали ли бы ему возможность призвать рабочихъ къ вооруженному сопротивленію? Могъ ли бы онъ призывать англійскихъ солдатъ къ бунту? Если да, то почему осудили Ларкина? Если нѣтъ, то почему на волѣ сэръ Эдуардъ Карсонъ? Почему королевскаго совѣтника оставляютъ на волѣ, а рабочаго отправляютъ въ тюрьму?»

Джемса Ларкина, какъ я сказала, освободили черезъ семнадцать дней. «Ирландскій Спартакъ» сейчасъ же поѣхалъ въ Англію, чтобы побудить трэдъ-юніоны къ стачкамъ по симпатіи для поддержки дублинскихъ рабочихъ. Вожди профессиональныхъ союзовъ встрѣтили Ларкина крайне холодно и поспѣшили высказать взглядъ, что «ларкинизмъ», т.-е. синдикализмъ,

гибеленъ для англійскихъ рабочихъ. Тогда «Ирландскій Спартакъ» обратился съ своимъ «манифестомъ» непосредственно къ англійскимъ рабочимъ, убѣждая ихъ оказать давленіе на своихъ вождей. Подъ давленіемъ рядовыхъ трэдъ-юніонистовъ вожди профессиональныхъ союзовъ созвали конгрессъ не въ очередь для обсужденія вопроса, должны ли англійскіе рабочіе объявить «стачку по симпатіи» съ цѣлью поддержать дублинцевъ. Въ своихъ рѣчахъ, съ которыми Ларкинъ выступаетъ теперь на митингахъ въ Англии, онъ въ одинаковой степени обличаетъ дублинскихъ предпринимателей, Орденъ иберійцевъ, «хулигановъ отъ религіи», т.-е. католическихъ патеровъ, либеральное правительство, коммонеровъ-рабочихъ и вождей трэдъ-юніоновъ. То обстоятельство, что Ларкина восторженно встрѣчаютъ въ Англии (и не только рабочіе), свидѣтельствуешь о степени броженія. Отмѣчу одинъ фактъ. Консерваторы желали использовать Ларкина для демонстрированія ихъ тезиса, что массы въ Ирландіи «не думаютъ о гомрулѣ». На большомъ митингѣ въ Альбертовой залѣ, гдѣ я слышалъ Ларкина, послѣдній заявилъ однако, что самоуправленіе абсолютно необходимо ирландскимъ рабочимъ.

Изъ всего сказаннаго читатели видятъ, что теперь идетъ вопросъ не о томъ, что случится съ гомрулемъ (это дѣло рѣшенное, даже если у власти станутъ консерваторы), а о томъ, что будетъ *послѣ гомруля*. То раздѣленіе, которое создано въ Ирландіи борьбой за гомруль, *не можетъ* продержаться долго. Дифференціація ирландской партіи *должна* начаться на первыхъ же выборахъ. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между рабочими и предпринимателями въ Дублинѣ, которые теперь, какъ мы видѣли, ведутъ между собою промышленную войну не на животъ, а на смерть? А между тѣмъ, и тѣ, и другіе—гомрулеры. Что общаго между ольстерскими «докерами» и мѣстными хозяевами верфей; между сельскими рабочими Лондондерри и помѣщиками или между бельфаестскими фабрикантами и ткачами? А между тѣмъ всѣ они теперь «оранжисты».

Ни для кого не секретъ, что Рэдмондъ по симпатіямъ своимъ и по традиціямъ—консерваторъ; Тимъ Хилли теперь представляетъ въ Дублинѣ интересы предпринимателей, воюющихъ со стачечниками. На первыхъ же выборахъ и, во всякомъ случаѣ, въ первомъ же ирландскомъ парламентѣ премьеръ Рэдмондъ

станеть во главѣ консервативной партіи, состоящей изъ формеровъ-католиковъ и предпринимателей-протестантовъ. Первые теперь гомрулеры, а вторые—юніонисты. Въ оппозиціи будетъ радикально-демократическая коалиція, состоящая изъ рабочихъ группъ разныхъ оттѣнковъ. Коалиція тоже будетъ состоять изъ католиковъ и протестантовъ, т.-е. изъ гомрулеровъ и оранжистовъ. Первые признаки уже налицо. Судя по подсчету знающихъ лицъ, Джимъ Ларкинъ войдетъ въ первый ирландскій парламентъ во главѣ партіи «непримиримыхъ», не меньшей чѣмъ въ двадцать человекъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	
Гл. I. Незамѣтный переворотъ	1
Гл. II. Замокъ царицы Блодьюэдъ	28
Гл. III. Еще о феминизмѣ	47
Гл. IV. Новая интеллигенція	76
Гл. V. Безъ работы	113
Гл. VI. Клерджимэны	150
Гл. VII. Предметный урокъ	167
Гл. VIII. Переворотъ въ Ирландіи	205

„Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ“

Москва, Никитскій бульв., домъ 10, кв. 5.

Литературно-Художественные сборники „СЛОВО“

Сборникъ I. В. Вересаевъ. Аполлонъ, богъ живой жизни. **Ив. Шмелевъ.** Розстани. Изъ Рабиндраната **Тагора**, перев. съ англ. съ предисл. **Діонео.** **Гр. Ал. Н. Толстой.** Овражки. **Ив. Бунинъ.** При дорогѣ. **Б. Зайцевъ.** Студентъ **Бенедиктовъ.** **Н. Телешовъ.** Ночлегъ. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ II. Къ десятилѣтію со дня смерти А. П. Чехова. Неиздан. беллетрист. и драм. произведенія. Темы, мысли, замѣтки, отрывки. Изъ Записной книжки. Письма къ Чехову **Д. Григоровича**, **Н. Михайловскаго**, **А. Плещеева** и др. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ III. Гр. Ал. Н. Толстой. Большая неприятности. **Н. Телешовъ.** Мама. **Л. Авилова.** Осеннее. **Ив. Шмелевъ.** Поѣздка. **Ив. Бунинъ.** Братья. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ четвертый печатается.

Матеріалы для исторіи русской журналистики: Письма **Гл. Ив. Успенскаго**, **В. Короленко**, **Н. Михайловскаго**, **П. Якубовича** и др. **В. А. Гольцеву.** Ц. 1 р. 50 к.

ВЪ СПОРАХЪ О ТЕАТРѢ. Сборникъ статей **Ю. Айхенвальда**, **Сергѣя Глаголь**, **Вл. Немировича-Данченко**, **В. Сахновскаго**, **А. Южина**, **Д. Овсяннико-Куликовскаго** и друг. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Авилова. Образъ человѣческой. Разказы. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
А. Богдановъ. Краткій курсъ идеологич. науки въ вопрос. и отвѣт. Ц. 75 коп.

Ив. Бунинъ. **Юаннъ Рыдалецъ.** Разказы. 1912—1913 гг. Ц. 1 р. 50 к.

— **Суходоль.** Повѣсти и разказы 1911—1912 гг. Ц. 1 р. 50 к.

— **Переваль.** Разказы 1892—1902 гг., изд. 5-е. Ц. 1 р. 50 к.

— **Деревня.** Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— **Разказы и стихотворенія 1907—1910 гг., изд. 2-е.** Ц. 1 р. 50 к.

— **Стихотворенія 1903—1906 гг., изд. 2-е.** Ц. 1 р. 50 к.

— **Золотое дно.** Разказы 1903—1907 гг. Ц. 1 р.

— **На край свѣта.** Избранныя разказы для юношества. Печатается.

А. Бѣлорусовъ. Парижъ и Франція. Ц. 1 р. 25 к.

В. Вересаевъ. Разказы, т. I, II, III, V по 1 р.

— **Записки врача** (т. IV), Ц. 1 р.

— **На войнѣ.** Записки. Ц. 1 р. 25 к.

— **Живая жизнь**, т. I. (Толстой и Достоевскій). Ц. 1 р. 25 к. } Изданіе

— **Живая жизнь**, т. II. (О Ницше). Ц. 1 р. } автора.

Ив. Вольновъ. Юность. Ц. 1 р. 25 к.

И. Гольдбергъ. Тунгусскіе разказы. Ц. 80 к.

М. Горькій. «Сказки». М. 1913 г. Ц. 85 к.

Діонео. Мѣняющаяся Англія. Ц. 1 р. 25 к.

С. Елпатъевскій. Разказы, т. I, изд. 2-е. Ц. 1 р.

— **Разказы, т. II, изд. 2-е.** Ц. 1 р. 50 к.

— **Разказы, т. III, готовится къ печати.**

— **За границей** (т. IV). Ц. 1 р. 25 к.

— **Египетъ**, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. } Изданіе

— **Близкія тѣни.** (Воспоминанія). Ц. 75 к. } автора.

— **Крымскіе очерки**, съ иллюстр. Ц. 1 р.

Н. Златовратскій. Избранныя разказы для юныхъ читателей. М. 1913 г., изд. 2-е. Ц. 80 к.

М. Коцюбинскій. Разказы, т. III. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ө. Крюковъ. Очерки и разказы. Ц. 1 р. 25 к.

В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Критич. статьи. Ц. 1 р. 25 к.
Николай Мѣшковъ. Стихотворенія. Ц. 1 р.

Иванъ Новиковъ. Разказы 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 к.

А. Новиковъ-Прибой. Морскіе разказы. Ц. 1 р.

А. Серафимовичъ. Разказы, т. V. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
Разказы, т. VII. Ц. 1 р. 25 к.

Избранные разказы для юношества. Печатаются.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Сочиненія:

— Т. I. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. II. Разказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. V. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. VI. Медвѣженокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. VII. Преображеніе—готовится къ печати.

Рабиндранатъ Тагоръ Гитанджали. Жертвенныя пѣснопѣнія. Перев.

А. Пушкинкова, подъ ред. Ив. Бунина. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Н. Телешовъ. Разказы, т. I. Ц. 1 р.

— **Черною ночью.** Разказы, т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— **Золотая осень.** Разказы, т. III. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Тимковскій. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.

— Повѣсти и разказы. Т. I. Изд. 2-е. (Чарушникова.) Ц. 1 р.

— Т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. III. Корни жизни, изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. IV. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. V. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. VI. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. VII. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. IX. Золотой боръ. Ц. 1 р. 50 к.

К. Тренивъ. Владыка и др. разказы. Ц. 1 р. 25 к.

Гр. Ал. Н. Толстой. Сочиненія:

— Т. I. Заволжье, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. II. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. III. Разказы. (По пути. Призраки. Минувшее.) Ц. 1 р.

— Т. IV. Сказки. Ц. 1 р.

— Т. V. Хромой баринъ, ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. VI. Двѣ жизни—готовится къ печати.

А. П. Чеховъ. Письма, т. I. (1876—1887 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 60 к.,
изд. 2-е.

— Письма, т. II. (1888—1889 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к.

— Письма, т. III. (1890—1891 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 25 к.

— Письма, т. IV. (1892—1896 гг.) Съ иллюстрац. Ц. 2 р.

— Письма, т. V. (1897—1900 гг.) Съ иллюстрац. Ц. 2 р.

А. Черемновъ. Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.

Ив. Шмелевъ. Разказы, т. II. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Разказы, т. III. (Человѣкъ изъ ресторана). М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Разказы, т. IV. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Разказы. Т. V. (Волчій перекачь. Виноградъ и др.). Ц. 1 р. 25 к.

— Разказы. Т. I. (Распадъ.) Ц. 1 р. Изд. Т-ва «Знаніе».

Г. Яблочковъ. Разказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.

— **Слѣпая душа.** Ц. 1 р. 25 к.

Книги, отмѣченныя чертой (——), печатаются и поступаютъ въ продажу въ августѣ—ноябрѣ 1914 года.

При выпискѣ книгъ на сумму не менѣе трехъ рублей—пересылка въ предѣлахъ Европ. Россіи относится на счетъ Издательства.

12

Цѣна 1 р. 25 к.

